

В номере:

Исторические датыИгорь Фунт. **Viva la muerte!**..... 3**Стезя писателя**Виктор Власов. **Что вредит писателю**..... 10**Проза**Владимир Уланов. **Бунт**..... 14Виктор Славянин. **Свой крест**..... 38**Очерк**Светлана Лозинская. **Яблоко от яблони**..... 56**Фэнтези**Платон Беседин. **Дьявол обыкновенный**..... 59**Поэзия**

Николай Натаров..... 70

Татьяна Порядочнова 72

Алексей Дука..... 74

Лирика БолгарииРосина Бугор. **Да останем българи**..... 77Росен Друмев. **Колумб**..... 78**Дебют**

Татьяна Стоянова..... 80

Владимир Русу..... 83

Гость номераВалерий Румянцев. **Большое искусство**..... 85**Литература для детей**Галина Зеленкина. **Рак и кабан**..... 89**Дневник путешественника**Ирина Коротченкова. **Изгой**..... 98**Литературный всеобуч**Алевтина Паскарюк. **Поэтический кружок в школе**..... 103

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Юрий Харламов,
Ольга Бедная, Анна Кашина, Иван Дуб, Маргарита Сосницкая, Александр Милях,
Виктор Хантя, Матвей Левензон, Дмитрий Градинар, Максим Замшев, Дмитрий
Нечаенко, Анна Малдофа, Алексей Дука, Виталий Ткачев.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художники-иллюстраторы

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ, Елена ЛЕШКУ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Илья АЛЕКСАНДРОВ, Светлана АЛЕКСАНДРОВА, «IVESA Grup»

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Игорь ФУНТ

Viva la muerte!¹*Предисловие к войне, плавно переходящее в послесловие*

*...Et je courbe, ô mon Dieu,
mon âme vers la tombe,
Comme un boeuf ayant soif
penche son front vers l'eau.*

Нуго²

*Русский народ не дорос ещё до братства.
Из воспоминаний А. Дюма*

«Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о ещё большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих».

«Война и мир?» Да.

Когда читаешь письма людей того времени, видишь ту же хаотическую картину, что наблюдается и сейчас, в Европе XXI века. За год, за несколько месяцев до наступления всемирно-исторических событий, самые выдающиеся люди (за исключением, может быть, Наполеона и впоследствии Гитлера) совершенно не знали, куда они идут и что их ждёт: мир? война? с кем война? с кем союз? кто друг? кто враг? Можно бесконечно спорить, нужна ли была России война с Наполеоном, продолжавшаяся, с перерывами дружбы, около десяти лет, стоившая Москве сотен тысяч людей, не давшая ничего, кроме военной славы, которой и так после суворовских походов было вполне достаточно.

«Произведение революции» Наполеон – величайший военный гений; Франция в ту пору переживала период, который, будем надеяться, ждёт и Россию, – отмечал «русский Анатолий Франс» Марк Алданов в 1935 году. – После кровавых революционных лет образовалась прочная и мощная власть во главе с очень умным человеком, обеспечившим стране человеческие условия жизни. По непонятным законам, освободилась накапливавшаяся веками потенциальная энергия народа; обозначились сказочные успехи во всех почти областях, разве что кроме литературы (для которой, помимо известного уровня свободы, необходима устойчивость быта; зато Великая революция в «Письмах русского путешественника» Карамзина вознесла автора в первые ряды российских литераторов!); – за счёт своего огромного национального подъёма Франция ещё могла в течение многих лет вести борьбу со всей остальной Европой. «Хотя Бастилия не угрожала ни одному из жителей Петербурга, трудно выразить тот энтузиазм, который вызвало падение этой государственной тюрьмы и эта первая победа бурной свободы среди торговцев, купцов, мещан и некоторых молодых людей более высокого социального уровня» (фр. Посол в России Сегюр); правда, не лишним будет заме-

тить, что Пугачёв осуществил ту же программу, что и французские бунтовщики, не читая французских книг...

Всё творчество Толстого могло бы называться «Жизнь и смерть» – Смерть вдохновляла художника в той же мере, что и Жизнь. В романе «Война и мир» частное и общее сплавляются в огне горящей Москвы, который освещает и преобразует судьбы страны, мира и всего человеческого сообщества, не менее, – как живой встаёт перед нами Кутузов, воплощающий в себе русскую душу, и родственный ему образ тринадцатилетней «волшебницы» Наташи Ростовской, наделённой, казалось бы, всеми чертами «героини романа» и вместе с тем такой неповторимой, незабываемой, родной: «Я взял Таню (Т.А. Берс), перетолок её с Соней (С.А. Толстая), и вышла Наташа». Люди разные. Народ единый. История. Страна. Как всё это соприкасается с временами нынешними, как это неразделимо! – надвигающееся натовское ПРО, не зарастающие раны непрощённых недавних войн; да и прошедшая Великая Отечественная – до сих пор откликается святыми слезами воочию увидевших XXI век ветеранов... но не увидевших воочию благоденствия. Жаль. «Война и мир?» Да. Борьба – вот смысл жизни!!

Начну свой очерк с излюбленного вступления: «Нам легче вернуться в прошлое...» В далёкое предвоенное прошлое.

Писать книги считалось в ту пору дурной приметой; этого доставало, чтобы взять человека под подозрение, потому что для европейской реакции культура стала козлом отпущения: реакция восстанавливала обскурантизм, мистическим образом предваряя обскурантизм аракевский 20-х годов следующего столетия. В конце XVIII века люди погружены в глубокий мрак... Пятьдесят лет, пока «Энциклопедия» и Вольтер взрывали старую Францию, европейские монахи кричали доброму народу, что учиться грамоте, да и вообще чему бы то ни было, – совершенно напрасный труд... Слова «свобода, справедливость, счастье для большинства людей – гнусны и преступны, они порождают привычку к спорам и недоверие», – писал Стендаль. К несчастью, Революция породила весьма жизнеспособное чудовище – общественное мнение. Поскольку его нельзя окончательно уничтожить, надо

им руководить. Стендаль отмечал, что мелкие деспотические режимы сводят на нет значение общественного мнения; сегодня же мы добавим – крупные деспотические режимы используют технику пропаганды для фабрикации общественного мнения; официальная ложь – повседневное её оружие – уже фигурирует на видном месте в «Пармской обители».

«Влияние Жозефа Бальзамо́на трансформацию Великой французской революции» – тема отдельной историографии, но в шутку отмечу, что, объездив Египет, всю Европу, заглянув даже в Россию, преследуемый за воровство, франкмасонство и преподавание демонологии аферист Бальзамо́н – граф Калиостро – в том году наконец-то был отловлен и заключён в крепость св. Ангела в Риме и приговорён к смерти. Франция 89-го года предлагала миру не рабство, невежество и магическую алхимию, а счастье и прогресс. Верная памяти великих умов своего народа, принадлежавших эпохе Возрождения, она была привержена гуманистической цивилизации, составляющей основу всякой науки и всякой культуры. В это же время великий зодчий Матвей Казаков превращал Москву-деревню в великолепный остров Счастья – град Русского Просвещения, вдыхая жизнь в «безмолвную громаду камней холодных», запечатлённую потомкам лишь чертежами и гравюрами.

Итог борьбы жизненных, общественных и внутренних противоречий в сознании человека, как правило, воплощается в произведении искусства – ибо человек не может создать ничего – и никогда не создал ничего, что ни родилось бы из брэнного нашего «каждодневного утешения», и на каком-то творческом этапе в нём неизбежно возникает борьба между ангелом и демоном: он оказывается на перепутье. Начиная с эпохи Регенства и кончая временем Марии-Антуанетты в манерном искусстве придворных творцов, живописцев XVIII века выступает уйма чисто французских достоинств, впрочем, так же, как и недостатков. Но для историка, умеющего просчитать то, что скрывается, например, за жеманством, условностью и восхитительным колористическим даром «какого-нибудь» Ватто, драматизм борьбы за самостоятельную ценность бытия более чем когда-либо ощутим в творчестве любого описателя-художника той эпохи – эпохи легкомысленных забав, румян и галантных празднеств. «Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего

дела, представляя лицо всегда в значении историческом...» (Толстой). – История даёт факты, задача художника – облечь эти скучные, а порой противоречивые и сбивчивые сведения в живые формы характера человека.

Реализм, выставленный за дверь ливрейными лакеями знати, не желающей более терпеть скромных, но бедных мужиков братьев Лененов – престопадаря, прячущегося под разными личинами на самых причудливых полотнах, созданных фантазией художника, этот не востребуемый пока реализм то и дело напоминает о себе в весьма далёких казалось бы от натурализма картинах – комедиях масок – за декоративным изяществом которых скрывается горечь и ирония: как, например, в арлекине «Жиль» упомянутого Антуана Ватто – картине, оставшейся непонятой вплоть до революции 1789 года. Национальное самосознание, как и искусство живописи, черпает свою жизненную силу во французской действительности; стоит ему пренебречь – и рождается что-то напоминающее искусство «в почёте», но искусство это, как и сама жизнь – всего лишь кривлянье, смерть, дым: чтобы познать мир, надо прежде всего познать собственную страну, и недостатка в таких людях, веками отдававших лучшее – душу, творчество, превращавшиеся в зрелый плод прогрессивной мысли, – требующих познать и переделать действительность, – недостатка в таких людях Франция не испытывала.

Старый мир должен рухнуть!

Ещё не прогремели барабаны начальника парижской национальной гвардии Сантерра на казнь Людовика XVI, а во французской живописи уже пробуждается национальное самосознание и, воскрешая свою давнюю мощь, обрётённую в средние века, трубит сбор, приказывая восстать против чужеземных вкусов: простота Шардена – это не «сельская» простота версальского королевского двора – она самым блистательным образом заставляет позабыть всяких псевдопастушков – античных Тирсисов и Хлой, которые в угоду «австриячке» Марии-Антуанетте или Помпадурше и ей подобным сменили героев величавой «Энеиды», героев, навязанных помпезными вкусами королей из рода Медичи – Екатерины, Марии и их сыновей – восседавших на французском троне; Шарден (1699- 1779) – это уже смертный приговор Людовику XVI! Вместе с Республикой родится чувство патриотизма, и тогда-то начнётся величайший век – XIX, который враги Франции объявят безмозглым, – великий век! – от Давида и через Пуссена, отголоска Декарта в искусстве, от побед через поражения

ведущий Францию к триумфу.

Двойственный Пуссен со своей «итальянщиной», лишённой реальной почвы, восходит к той же двойственности почерка Руссо – оба они мечутся между далями будущего и жизнью, уготовленной им в будуарах великосветских дам – какая удивительная карикатура на самих себя в придворных пасторалях, где «естественный человек» и «чувство природы» воспеваются в оперных куплетах! Стоит им отступить в угоду сильному миру от реалистического изображения действительности, для верхов неприемлемого, – и творцы превращаются в убогих рифмоплётов. В сравнении с ними «перековщик» абсолютизма Дени Дидро, любимец Екатерины II, – гигант на все времена, сумевший охватить художественной критикой и живопись, и литературу, возвышенно пытавшийся представить жизнь такую, какой она есть, во всей её обескураживающей и восхитительной сложности, предвосхитив необычайные возможности для всеобъемлющего творчества французской интеллигенции.

Но чёрная реакция, с помощью иноземного оружия возвратившая во Францию королей и паразитическую знать – «обнаглевших эмигрантов» (Арагон), – внесла смуту в умы французов. Желая сказать своё слово, представители французской мысли снова были вынуждены выискивать окольные пути – тоска интеллигенции по родине облачилась в мишурные отрепья, не лишённые, правда, величия; – отрепья эти, захваченные во время наполеоновских войн или вытасщенные из эмигрантского багажа, оставались всё же экзотикой, заставлявшей позабыть действительность. «Гнусное эмигрантское искусство Шатобриана – если оно вообще было когда-либо искусством – наиболее характерный продукт того времени», – писал Луи Арагон, да ведь и он не без греха (Ленинская премия – грех?). ...Законы расселения эмиграции в Париже изучены слабо – к примеру, у поляков было два центра: беднота жила в районе Сен-Дени, богатным же Отейлем (Auteuil) польских эмигрантов оказался остров Сен-Луи, где ещё в XVII веке богатенький чиновник Ламбер выстроил огромный по парижским меркам дом, выкупленный изгнанным из России князем Чарторыйским, по происхождению поляком, – таким образом «Отель Ламбер» стал главным центром польской эмиграции, откуда, вооружившись «гайдамацкими ножами», недовольные поборники Королевства Польского «квакали» на русский имперский царизм после Венского конгресса, как в своё время (1564) сбегавший в Литву воевода Курбский «квакал» на Иоанна.

Легитимист-«талейрановец» и приверженец Бурбонов Франсуа Шатобриан изваял возвышающегося над веком исполина Гюго; – нарядив старый словарь в шутовской колпак, Гюго делается апологетом аргю, зацепив в водоворот натуралистических превращений «богохульника» Делакруа, который дал в свою очередь толчок великолепному грубовато-смешному сатирику от живописи Домье... – но мы убежали в историческую перспективу...

Вернусь на секунду к «Коронованию Наполеона», «Жанне д'Арк», «Торжеству Гомера» придворного живописца Энгра, увековечившего себя не пышными композициями, а тем, что воскресил былое величие французского портрета, величие, некогда уже достигнутое Жаном Фуке и Клуэ; – такова непрерывная цепь, свитая из поколений сентиментальных душ, пленённых колониальной экзотикой: от доисторических стенописных пещер Эйзи – через героическое возрождение гражданственности и родного языка «Плеядой» Дю Белле и Ронсара – до триумфа Мане и Сёра, Пьера Лоти и Поля Морана, ставших впоследствии творцами для биржевиков и пассажиров спальных вагонов.

Москва

«Французам, погибшим во время и после оккупации».

Эпитафия на Новодевичьем кладбище

«Москва! Москва!» – замедлив шаг, возглашали французские солдаты, исполненные радости, надежды и гордости на вершине Поклонной горы, подняв кивера на штыки и мохнатые шапки на острия сабель. На этом месте извозчики, по обычаю, снимали картузы-малахаи и кланялись золотым куполам. Великолепный легендарный город, узревший катастрофы, подобные крушениям персидского Камбиза и вождя гуннов Аттилы, – крайний пункт, где Франция вознесла своё знамя на севере, после того как водрузила его на юге, в Фивах. Вся революционная и имперская эпопея, величайшая после Александра Великого и Цезаря, заключена меж именем Бонапарта, начертанном на пилонах Фив, и именем Наполеона на стене Кремля в городе Юрия Долгорукого. Если Санкт-Петербург считает годы своих несчастий по наводнениям, то Москва – по пожарам, начиная с Татарского Наполеона – Батыя (1238); само собой разумеется, пожар 1812 года наиболее ужасный – тринадцать тысяч восьмьсот домов были превращены в пепел, от шести тысяч остались одни стены.

Россия! Жги посады и деревни! (П. Антокольский)

– Пожар!!! – раздался страшный крик в тот момент, когда должна была осуществиться мечта, когда, постучавшись в двери Индии на юге, он обратился к северу, в тот момент, когда после Смоленска он занимает Кремль – дворец древних московских царей – и может сесть на орехового дерева трон Владимира I, слоновой кости – Софьи Палеолог и золото-бриллиантовый – Петра Великого; в тот момент император, подобно Христу, омылся кровавым потом.

«Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук – всё осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чём основать надежды?» (из письма К. Батюшкова). «Если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку – живого или мёртвого – за того выдам дочь свою!» – рыдая, объявил окружающим знаменитый атаман войска Донского – «летучего корпуса», участник всех российских войн конца XVIII – начала XIX вв. граф М.И. Платов, оплакивая адское зарево над первопрестольной. «Поту с самой зари началось шествие из-за Дорогомилова моста через Москву российской армии; ...и как только кончилась, то за пятами оной вступать начала неприятельская конница... Не прошло двух часов, как против дому моего неприятельские уланы ограбили на мостовой мужчину и женщину, отняв у последней ...ассигнаций и серебро до полутора ста рублей. А как только наставать начала ночь, сделался пожар в Китай-городе, а после услышали, что зажжена, идучи от Спасских ворот, за лобным местом правая сторона лавок, и пожар увеличился, простёр пламя к Москворецкому мосту и к Яузе, и за оную, и продолжался во всю ночь. В сие время было в Москве так светло – что хочешь делай!» – писал неизвестный автор («Библиографические записки», 1858), одновременно вспоминая, возможно, китайгородские кулачные бои позади Мытного двора, на Каиновой горе...

Наполеон подходит к окну, и перед ним предстаёт весь город: за этим горизонтом, что скрывает от него дым пожара, он, согбенный, высаживается с английского линейного корабля на Святую Елену в последнюю ссылку-пытку, что вознесёт его после забвения и смерти... к апофеозу! ...Огонь занимается одновременно в двадцати разных местах, – спустя пятьдесят лет после тех событий, закрыв глаза, представлял Дюма, сын славного наполеоновского генерала, начало грандиозного падения, стоя, быть может, перед

тем самым окном. – Посмотрим, говорил при вторжении в Москву император, что будут делать русские, – раз они отказываются идти на переговоры, надо будет этим воспользоваться, зимние квартиры нам теперь обеспечены. Мы представим миру необычайное зрелище: французская армия мирно зимует в окружении вражеского народа. Французская армия в Москве будет как корабль во льдах. Весной – оттепель и победа!.. – но корабль оказался не во льдах, а в бушующем огне, символе русского гнева.

– Так вот как они воюют! – горестно воскликнул Наполеон, выйдя наконец из оцепенения, – мы были обмануты цивилизованным Санкт-Петербургом, они так и остались скифами!!

Из всех несметных сокровищ и роскоши, подражавших своим греческим соседям великих князей – скипетров, корон, шлемов, кирас, щитов, золотой утвари – восхитительной посуды, кубков, чаш, гигантских серебряных блюд – Наполеон, покидая Москву, взял лишь знамёна, завоёванные русскими у турок за последние сто лет, икону Божьей Матери в окладе, украшенном бриллиантами, и крест с колокольни Ивана великого, который, по мнению черни, был сделан из чистого золота, а на самом деле был лишь позолоченный, к тому же окроплен кровью тысяч безвинно погибших душ, слышавший безумные вопли погрязшего в нечеловеческих расправах царя Иоанна, переплюнувшего преступной утончённостью Фалариса, Калигулу и Нерона: «Я – ваш Бог, как Он – мой!» – демонически кричал Иоанн Грозный, со зверской жестокостью убивая собственного сына рогатиной... Но мы не забыли и то, что звался он когда-то «Любимым», а не «Грозным» – в благостные времена строительства храма Василия Блаженного в память завоевания Царства Казанского.

Опёршись об оконную раму в кремлёвской башне, Александр Дюма представлял императора, взиравшего на сгорающую мечту... «Сципиону, – говорит Полибий, – когда он глядел, как пылает Карфаген, пришло печальное предчувствие, что и Риму может быть уготована подробная участь!» – У пожара больше нет ни границ, ни направлений – пламя стонет, клокочет, сто отдельных кратеров превращаются в один; Москва становится просто океаном огня, колышимым порывами ветра. Принц Евгений, маршалы Лефевр и Бессьер, генерал де Ларибуазьер именем Франции смиренно заклинаят покинуть это место. Генерал встаёт на колени...

– Найдите проход, господин де Мортемар, – говорит побеждённый Наполеон, – и уходим.

Хотя, возможно, лучше было бы умереть здесь, – добавляет он совсем тихо.

Через пару месяцев, в простых санях, вместе со своей свитой он остановится у Немана. Местный крестьянин переправит замёрзший, простуженный генералитет на противоположный берег. Наполеон, всегда стремившийся получать сведения из первых рук, спросит у лодочника:

– Много ли дезертиров переправилось через реку?

– Нет, барин, вы первый, – последует простодушный ответ.

Само собой, старик-лодочник не знал про точь-в-точь африканское бегство «барина».

Sperare contra spem³

Войной и огнём не шути...

нар.

«Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться ещё ярче в эпоху неудач и поражений...» Эрфуртское свидание Александра I с Наполеоном (1808), возвышение Сперанского (1809), захват Наполеоном герцогства Ольденбургского (1810), появление кометы, смерть Кутузова...

Характер эпохи. Война и мир. Ужасы крепостного права, закладывание жён в стены, сечение взрослых сыновей, жестокая помещица Салтычиха... В те времена так же, как сейчас, любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; кипела чрезвычайно сложная умственно-нравственная жизнь, более утончённая, чем теперь; одновременно непримиримая отчуждённость высшего круга от других сословий, – «имущему дастся, а у неимущего отнимется» (Ев. от Луки), – вытекающая из царствовавшей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык въяве и в сочинениях, поэтому Толстой, занимаясь эпохой начала XIX века, изображая лица русские известного общества, и Наполеона, и французов, имевших прямое участие в жизни описываемого времени, невольно увлёкся формой выражения чуть не сгубившего Безухова «того французского порядка» и того французского склада мысли больше, чем это было нужно – отсюда разногласие в воссоздании исторических событий с рассказами историков, хотя и руководствовался Толстой материалами исключительно как историк; но разногласие это не случайное, а неизбежное: скажем, «сумасшедший Федька» (как звала его Екатерина II), главнокомандующий Москвы граф Ростопчин «не всегда с факелом зажи-

гал вороновский дом (он даже никогда этого не делал), и императрица Мария Фёдоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опёршись рукой на свод законов: а такими их представляет себе народное воображение», – писал Л.Н. И в то же время: «Читал Михайловского-Данилевского – плоско», – не доверяя официальной русской историографии.

Эпоха столь трагическая, столь богатая громадностью событий и столь близкая нам, о которой живо столько разнороднейших преданий со всей очевидностью не доступна нашему уму причинами совершающихся исторических событий – причин этих бесчисленное множество и ни одну из них нельзя назвать причиной: «Такое событие, где миллионы людей убивали друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причину волю одного человека: как один человек не мог один подкопать гору, так не может один человек заставить умирать 500 тысяч. ...Но как же миллионы людей стали убивать друг друга, кто это велел им? – спрашивает Толстой в послесловии к «Войне и миру», вновь и вновь возвращаясь в канву романа, мучительно «оправдывая» истину, не в силах её «отпустить»: – Кажется, ясно для каждого, что от этого не могло быть лучше, а всем хуже; зачем же они это делали? ...Зачем миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это и физически и нравственно дурно?»

А вот и ответ (по Толстому).

Роковая деятельность всех этих людей является иллюстрацией того закона предопределения, который управляет историей, и того психологического закона, который заставляет человека, исполняющего самый несвободный поступок, подделывать в своём воображении целый ряд ретроспективных умозаключений, имеющих целью доказать ему самому его Свободу: «Самая сильная, неразрываемая, тяжёлая и постоянная связь с другими людьми есть так называемая власть над другими людьми, которая в своём истинном значении есть только наибольшая зависимость от них!» – При всём своём величественном размахе «Война и мир» – «история прошедшего, настоящего и частью будущего» (Григорович) – лишь звено грандиозного и не вполне осуществлённого замысла Толстого, охватывавшего несколько важнейших эпох русской жизни, но... Психологическая мотивировка поступков, скрытый смысл работы сознания человека, утверждает Е.В. Тарле, самый процесс рождения мыслей и чувств – вот что прежде всего занимает художника и что для историка представляет побочный интерес

как своего рода подспорье для широких обобщений и выводов об «историческом значении» этих поступков: «Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь...» – резюмирует Толстой.

Да, смерть – пробуждение!⁴

К концу XVIII века Москва, разжалованная императором Петром из царских столиц, вновь стала обретать значение общенационального исторического центра. Творениями великих русских зодчих В.И. Баженова, М.Ф. Казакова и их сподвижников Москва приобретала новый архитектурный облик. Его неповторимое своеобразие и живописность поражали воображение современников, особенно иностранцев, впервые оказавшихся в России. «...по усмотрении Москвы я нашёл столько прекрасных предметов для картин, что нахожусь в недоумении, с которого вида прежде начать», – писал президенту Академии художеств Строганову живописец Фёдор Алексеев, посланный «достойно запечатлеть московские древности» по указу Павла I в 1800 году. Выполненные с натуры акварельные и живописные виды принесли художнику громкий успех и всеобщее признание, по праву определив его совместно с учениками Мошковым и Кунавиным основоположниками жанра городского пейзажа и иконографии Москвы. Московские виды приобрели особенно большое значение благодаря тому, что передавали первопрестольную в неразрушенном ещё пожаром состоянии.

От коровьего брода на Яузе в Немецкой слободе, не носившего пока названия «Лефортово», ставшего колыбелью Петровских реформ, – потом свежесбрившие бояре с обрезанными полами и рукавами длинных одежд, – через «Историю Российскую» Татищева – через наплевательское отношение Екатерины II, верной преданиям седой старины, к обветшавшим дворцам: сиречь через секуляризацию – затем обгоревшие стены безвозвратно погибших величественных казачьих интерьеров, гениально восстановленных ранее по указу «романтического» Павла I... до «партизанских дневников» Дениса Давыдова, прославленного вояки, поэта и военного писателя. Через забвение к жизни, от смерти – к возрождению. Живя большой семьёй, из тех, кто выжил, с соседями, в шалаше рядом со сгоревшим домом, простой русский мужик, обученный грамоте, пишет в своём дневнике, ставшем впоследствии литературным памятником, что, к примеру, в среду, 18-го сентября 1812 г. был «прекрасный день!»: «...Погода прекрасная, день тёплый;

я ничего не ел, да почти ничего и не было. Плакавши с печали, едва ходил». – Ему хватало душевных сил писать о погоде... – а ведь вокруг творилось бесчинство оккупантов!

Вот ещё пара строк:

В воскресенье, 15-го числа, поутру разгулялось (!!!). День был очень хорош. В обеденное время в Новодевичьем монастыре был благовест и звон (сгоревшая Москва жила!), о коем после услышали, что началась в монастыре служба. Французы, как прежде, так и в сей день прихаживали беспрестанно и в соседнем шалаше у одного старика разрубили руку в двух местах за то, что он не отдавал с чем-то своего мешка; однако, француз недёшево заплатил за это, и, как я слышал, что его русские тут же в скорости уюкали. Под вечер был я у Ивана Ивлича, и ещё какой-то пришёл и пересказывал, что французы будут в Москве зимовать. Сие слово поразило до крайности меня, ибо и так уже в пище мы нуждались чрезвычайно, особливо без хлеба, а холод ещё усугублял наше страдание.

4-е октября. День был пасмурный, и шла сверху какая-то мокрая обледенца. Случилось быть в это время на дворе с хлебником, а на Пречистенке остановились едущих под Девичий двое в шинелях, а оттуда в синем с красными обшлагами, в кивере с позументом, на серой лошади. Хлебник говорил мне, что это Наполеон в синем и без плаща, он никогда в своём мундире не ездит. ...Тут вскоре из Зубова прошли один за другим три полка пехотных в Кремль; но оттуда не возвращались, и после слышали, что они пойдут наскоро по Калужской дороге, куда и другие уже вчерась вышли. Также приходили к нам французы, просили вина, пива, хлеба, но им отказали. Тут после их в сумерки пришёл генерал, лет уже пожилых, с ним фельдфебель, спрашивали у нас: какие мы люди; и хотя мы им отвечали, но, однако, они, кроме что не разумеют, ничего не говорили, и после, сожалея об нас, ушли, и только что генерал плакал...

Четыре разрушительных пагубных эпохи, предполагающих физическое и культурное уничтожение-перерождение, испытал этот простой русский мужик, незамысловато и непосредственно описывающий «прекрасный день» во время мора и невероятных страданий: первая – набег татар, которым «мщение проникло в их мозг и кровь» (Л. Гумилёв); вторая эпоха – истребление царём Фёдором Алексеевичем местных книг, в коих находилось хотя бы одно слово, касающееся родовой, особенно дворянской фамилии (а мы знаем, в то время нередко

вся библиотека состояла из одного всего лишь толстого фолианта со вписанной родословной, избранными молитвами, происшествиями и преданиями, дошедшими от предков). Третья эпоха – чума; четвёртая – 1812 год. «После сих опустошений тем удивительнее найти ещё в древней столице нашей несметные богатства по всем частям», – говорит П. Свиньин в «Отечественных записках» (1820), перечисляя сохранившиеся после пожара коллекции и достопримечательности. Так, по чудесному стечению обстоятельств, из известной библиотеки рукописей и старопечатных книг графа Фёдора Андреевича Толстого французы взяли только сочинения на их родном языке, остальные сохранив в целости!

В этом контексте интересны воспоминания знатного собирателя старины Е.Н. Опочинина (1858-1928), – ближайшего помощника Вяземского, – писателя, историка, театроведа, журналиста-фольклориста, находившегося в кипящей гуще культурной жизни России конца XIX века.

Однажды в далёкой лесной глубинке Арефинской волости Опочинин наткнулся на преинтереснейшего крестьянина, у которого обнаружилась целая коллекция раскрашенных Теребневских карикатур 1812 года! Коллекционера поразили несколько картин оттуда, изображающих «российский танец смерти», под стать средневековым европейским Totentanz (нем.) – иконографиям Смерти:

«Поезд века сего». На колеснице, запряжённой четвёркой лихих коней в богатой сбруе, едут несколько дам в ярких платьях с утрированным декольте и в необычных шляпах с необычными цветами. Рядом с ними восседают с кубками в руках какие-то развесёлые молодые люди в голубых и красных кургуzych фраках и с цилиндрами на головах. На козлах сидит, вместо кучера, огромный коричневый чёрт, который направляет колесницу к виднеющейся бездне, откуда языками бьёт пламя и среди него выставляется голова змия с жадной раскрытой пастью...

«Ов пшеницу сеет». Изображён человек босой в рубахе с расстёгнутым воротом, без шап-

ки, идущий по полю с огромным ситевым, висющим на шее.

«Ов молитву деет». Мужик, молящийся на коленях перед иконами.

«Ов же власть имеет». На троне в золотой шапке, с державой в руке сидит царь.

«А Смерть всеми владеет». Сеятель, богомлец и царь лежат бездыханны, а над ними смерть в виде скелета в золотой короне и с косой в руке.

Необыкновенно наивные композиции, изображающие могущество смерти, удивительным образом перекликаются со сложным и противоречивым явлением русской истории XVII – начала XVIII вв., распинаемым упомянутым выше Фёдором Алексеевичем, предшественником и единокровным братом Петра Великого, – искусством старообрядцев (иконопись, песнопения, поэзия, фольклор и т.д.), тесно связанным с изображением народного движения: посадом, стрельцами, крестьянством, казачеством, нетерпением своим и стоическими мотивами-молитвами богоборческого существования, провозглашавшими величие несломленного духа, противопоставившего себя величю Смерти во имя Веры, несмотря на гонения и «Раскол».

Что ни мужик – то вера, что ни баба – толк (р. н. посл.).

Вера эта и напитала мощью своей негибачей партизанский дух 12-го года и продолжала питать Россию далее, опровергая некоторые морально-этические оценки Отечественной войны (вырезанный Наполеоном и не восстановленный генофонд и культурный фонд, по Л. Гумилёву, Савицкому, Вернадскому), в то же время оживляя и поднимая недостижимо самоочищающее и неостанавливаемое цунами,двигающее историю, воспевающее нравственное достоинство силы народной: созидание, волю и патриотизм, взрывающиеся торжеством неизбежного возмездия перед угрозой потери национальной независимости.

Да цветёт Россия! – ...по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой! (Н.М. Карамзин).

1 Да здравствует смерть! (исп.)

2 ...И моя душа устремляется к могиле, как жаждущий бык тянется к воде. (Гюго, фр.)

3 Без надежды надеяться (лат.)

4 «Война и мир». Понятие сна- смерти заимствовано Толстым у нем. философа Гердера.

Виктор ВЛАСОВ

Что вредит писателю

Не проходит дня, чтобы писатель не подумал о новом сюжете произведения, не по мечтал о публикации в солидном издании, не сел за стол и не начал стучать пальцами по клавиатуре ноутбука, стационарного компьютера, печатной машинки или, наконец, чиркать карандашом или ручкой на белом листке. Прекрасный сюжет вынашивается не один день, иногда мучительно рождается месяцы и годы. Почти всегда писатель – занятой человек, обстоятельства заставляют зарабатывать на хлеб обычным ремеслом. После рабочего дня приступает к творческой работе не сразу, а преодолевая усталость, нежелание и лень. Писатель со слабой волей найдёт множество причин, чтобы не начать творить именно сегодня. Он мало ел, плохо спал и много работал. Потом отнимают время жена и дети. А вечером и тем более ночью – голова «несвежая», забитая рутинными мыслями.

Время творчества у каждого писателя своё. Один настраивается серьёзно поработать ночью, когда все улеглись спать и никто не отвлекает. Второй, наоборот, на выходных специально просыпается рано, чтобы быстрее привести себя в порядок и посвятить часок-другой письму. До пенсии далеко и дети вырастут не скоро, а писателю нужно признание читателя сегодня, а не в туманном будущем. Живёт писатель, всегда выкраивая время для творчества. Благодать, если на несколько дней может уехать в деревню или туда, где останется в гармонии со своими мыслями и природой. Хотя... иногда и это не помогает. Мысли где-то, но не с ним.

Мешает писателю и работа журналиста. Сколько прекрасных авторов становятся просто хорошими журналистами. Нельзя сказать, что написать статью гораздо проще, чем качественный рассказ или повесть. Но труд журналиста специфичен – сочинил по свежим следам события две страницы или полторы, в зависимости от того, сколько заказал редактор, и на неделю можешь считать долг исполненным. Мой друг, лауреат региональной молодёжной премии имени Достоевского, корреспондент газеты «Красный путь» Игорь Федоровский уже полгода пишет лишь одни статьи и делает репортажи. Последний полноценный рассказ вышел из-под его пера несколько месяцев назад. Он признаётся, что деятельность журналиста будто вытягивает творческие силы. Свою писательскую энергию он тратит на хорошую статью, а не на литературное творчество.

После того как из газеты «Омское время»

уходит прежний главный редактор Юрий Перминов, она существует ещё два месяца. Увольняются несколько корреспондентов, которые не могут работать с его заместителем. По этой причине на Игоря Федоровского падает большой объём работы. Из молодого прозаика и поэта он на время превращается в неутомимого журналиста, пишущего по две, а то и по три статьи за неделю. Юрию Виськину, нынешнему главному редактору «Омского времени», грозят переводом в корреспонденты газеты КПРФ «Красный путь». Поэтому он гоняет штатных сотрудников из одного конца города в другой, просит помочь знакомых и «красных» авторов. Привлекает новый редактор и свежие силы – Павла Брычкова, Владимира Балачана, Марину Безденежных и Валентину Ерофееву-Тверскую – они присылают ему свои давнишние работы, которые когда-то не прошли при старом редакторе. Но этого мало, и поэтому Виськин роется в Интернете, выискивает какие-нибудь скандальные вещи.

Как стал работать в газете Юрий Виськин, так и бросил творить. Выпущенная книга пятнадцатилетней давности теперь – не более чем старое доказательство... И вот недавно опубликовали оттуда два рассказа в литературном журнале Ульяновска. Придётся в редакцию и увидишь нежно-красный номер журнала «Литературный Ульяновск» на столе рядом с компьютером.

– В Ульяновске публикуют, – говорит Юрий Петрович с гордостью. – Николай Полотнянко молодец, не забывает про омских авторов. Здесь у него друг. Николай Трегубов.

На стене в редакции висит красно-синяя табличка «Не ленись, трудись!»

Трудится в своё время член Союза писателей России Николай Полотнянко, будущий главный редактор небольшого, но красивого журнала «Литературный Ульяновск». После долгого общения с мэром Ульяновска он получает ежегодные гранты на издание. Всегда рад опубликовать друзей-омичей и тех, кого они порекомендуют. И многие молодые поэты, и писатели так называемой «старой школы» знают, с кем поговорить, чтобы опубликоваться в нём. Но «кумовство» в литературе до хорошего не доводит. Николай Трегубов, поэт и руководитель литературного объединения при Союзе писателей России, – друг Николая Полотнянко, отдаёт подборку стихотворений в «Литературный Ульяновск» лишь один раз. Не признаёт Николай Михайлович публикации по знакомству. Привыкнув печататься с помощью друзей и знакомых, перестанешь ка-

чественно трудиться. А зачем, если твои произведения и так опубликуют – по привычке. Усердие и то переживание, которое помогает писателю творить, вымучивать произведения – отойдут на второй план.

Никогда Виктор Богданов, член Союза российских писателей, корректор и постоянный автор неконсервативного журнала «Вольный лист» не печатается по знакомству. Имея под боком Александра Лейфера, участника редколлегий трёх известных изданий («Складчины», «Голосов Сибири» и «Дня и Ночи»), Виктор Всеволодович публикуется, если попросят. Гордость писателя превыше всего, говорит он. Именно эта великолепная гордость помогает писателю творить, а не жить в ожидании помощи. Роман Харисович Солнцев советует ему: «Не жди, Виктор, работай! Узнают, придут и оценят».

Иногда пропадает и Виктор Богданов за журналистской работой. Ради заработка поэт и писатель откладывает истинное творчество. А затем, в минуту откровения, на литературном мероприятии среди друзей рассказывает, что работа журналиста мешает настоящему писателю.

Известно, что труд журналиста коренным образом отличается от литературного труда. Журналист творит от сердца, но не имеет права фантазировать, излагать потайные ощущения, пропускать их через призму своей оригинальности, обрабатывать художественно. Он обращает в строчки увиденное, акцентирует внимание современников на событиях, которые сам считает важными. Наверное, каждый журналист стремится сохранить в себе крупницы литератора.

– Энергия писателя вот здесь! – Александр Плетнёв показывает на сердце. – Только лень убивает творчество, разлагает одарённую личность. Но если всё-таки ленишься, то найди стимул. Или музу, духовную имею в виду.

Днём Плетнёв работал в шахте, а ночью писал. Днём не видел белого света, а ночью – тем более. Так и родилась замечательная повесть «Шахта», которую опубликовали в журнале «Октябрь», перепечатали в «Роман-Газете», затем и сняли по ней фильм «Тёмные воды глубины».

Лень убивает всякое начало. Пока найдёшь силы, чтобы перебороть её, настроишься создать нечто выдающееся, уже и проголодаешься, а писать на полный желудок – такое же трудное дело, как и ворочать мешки, разгружая вагон или грузовик. Сытый писатель не пишет, а толстеет! Какой от него толк? Или пишет, но описывает, сколько и чего съел да какого вкуса. Это относится к прозаикам, работающим в жанре путевых

заметок. Поменьше трапез, больше впечатлений. После прочтения моих очерков «По ту сторону неба» Александр Лейфер раздражённо замечает:

– Есть взгляд на жизнь и хватка, но эти постоянные «гамбургеры», или как их там называют американцы? Нельзя ведь описывать только жратву! Ты потом уже объелся их и не мог работать!..

Из-за лишнего веса перестают работать как прежде многие писатели. Производительность, «плодовитость» их резко сокращается. Одни понижают свою планку до региональных изданий, а вторые вовсе скатываются до журналистики. Одна особа придерживается диеты, об этом она рассказывает коллегам. Отказываясь от калорийного, употребляет варёные куриные грудки, рыбу (минтай или путасу), рис или гречку, а вечером – нежирный творог. Сахар она заменяет «Сусли», продающимся в любой аптеке. Толчёт эти маленькие белые таблетки и посыпает творог. Такая вот своеобразная диета. Ради искусства надо быть готовым на жертвы.

От работы на голодный желудок – не будет вреда ни творчеству, ни фигуре. Разве никто не замечал, что экзамен или серьёзное дело выполняется скорей натошак?! По причине излишнего веса многие авторы ленятся усердно трудиться. Иван Крылов в одном из писем другу, шутя, упоминает рождающуюся в нём лень после плотного обеда. Ромен Ролан пишет о ленивых писателях, которые даже на кухню не ходят: их кормят родители с ложки. Перечислять приводимые им в заметках фамилии – неблагоприятное дело.

Зависть также губительна для творчества. Можно откровенно позавидовать Ивану Бунину – тому, как потрясающе он описывает природу и чувства людей. В теснейшей взаимосвязи находятся эти чувства и пейзажи, каждая черта которых подчёркивает нечто определённое в настроении или в желании человека. Но Бунину и позавидовать не грех, он – классик! Что касается зависти к творчеству современных авторов, то она, по моему мнению, только мешает работать. Творя, молодой литератор вырабатывает свой стиль, но, невольно наблюдая за чужим, сравнивает, привыкает прислушиваться к авторитету старших, начинает сбиваться с курса, принимается заимствовать и, наконец, терять собственное «Я». Существует мнение, что после второй книги, написанной начинающим автором, появляется зазор между тем, о чём и как пишет автор, и между тем, что от него хотят нынешние «светила» литературы. Творишь, прежде всего,

сердцем, душой. У каждого они свои, особенные, поэтому можно лишь прислушаться к старшим, но сделать по-своему, соблюдая принцип: «Слушайте, да не слушайтесь!»

Ещё один враг творческого человека – потеря «пищи» для творчества. Отсутствие впечатлений, новых эмоций влечёт к равнодушию, потере живости образов, к их бессмысленности. Аркадий Кутилов черпал энергию для творчества из бродяжнической жизни, Джон Стейнбек – в путешествиях на своём минивэне («Путешествие с Чарли в поисках Америки»), актёр и режиссёр Такеши Китано – в медитации. В одном из интервью он говорит, что благодаря медитации запасается идеями новых фильмов.

Телевизор, интересные, новые голливудские крутые блокбастеры создают иллюзию насыщенности нашей фантазии, дают нам ощущение удовлетворённости. Но это лишь творческое безделье. После просмотра можно не забыть эффекты и сюжет, помнить идею. Но применять всё это в общении – не имеет смысла. Игра в компьютер также отнимает творчески продуктивное время. Сегодня в продаже имеются недорогие стационарные компьютеры с более чем хорошим «железом» внутри. Играть в игру, созданную японцами, – удовольствие. Оно поглощает уйму времени. Потрясающая графика, захватывающий сюжет, мощная идея – совращают неопытного писателя. Сколько талантливых авторов переходит в так называемую группу фан-мэйкеров или тех, кто описывает прохождения игр, художественно перерабатывая их в повесть или роман. Так пишутся многие романы по мотивам, например, того же «Сталкера», «Варкрафта», «Вархаммера» или «Сонника». В чтении такого формата есть драйв, интерес, но не более того. Читаешь огромный роман по мотивам «Последней Фантазии», седьмой части или восьмой, тебе нравится и хочешь написать нечто подобное. Сначала за несколько недель проходишь игру, а потом садишься творить. Заканчиваешь на сто пятьдесят третьей странице. Кому-то следует это оценить. Показываешь профессионалам. Консерваторы-писатели не приемлют никакие переработки. Даже если им не говоришь, откуда и что, они всё равно не понимают, зачем оно написано. Отправляешь в немногочисленные редакции фан-мейкеров «Гейм-Экс», «Игромания», «Страна игр» и другие. Рассматривают, хвалят, но могут поместить только в приложение – в диск, который идёт к журналу. Ты неудовлетворён. Зачем, спрашивается, столько трудиться?

Книга! Вот что одинаково хорошо развивает

память, мышление и воображение. Общаться с начитанным человеком приятней и полезней, нежели с излишне эмоциональным кино или с игроманом. Интернет, экономия времени в поисках информации превращает в механического наборщика строк и сюжета не только писателя, но вредит и обыкновенному читателю. Нужна история Англии и английского народа. Забираешься в Интернет и скачешь по ссылкам. У нынешнего молодого человека не возникнет желания штудировать труды историка Джона Ричарда Грина или ещё каких-нибудь писателей. Они большие, неудобные и наверняка нудные.

Много трудностей, много искушений для писателя, многое может отвлечь от настоящего творчества. Пётр Александрович Кузин не смотрит ни американские блокбастеры, ни японское анимэ. Участнику организации «Сироты Великой Отечественной Войны» недавно исполнилось семьдесят восемь лет. Интересно, что начало его творчества совпало с моментом нахождения места захоронения его отца в братской могиле в Калининграде. У Петра Кузина было тяжёлое военное детство. Об этом он хочет рассказать детям в мемуарах. Пишет Пётр Александрович на листах, карандашом, в течение целого года. Часто у него бессонница, поэтому трудится и ночами. Исписывает более семисот страниц с обеих сторон. Но когда узнаёт, что редакции работают лишь с электронным форматом, то грустит. Дочь присылает ему ноутбук из Бельгии. Первое время Пётр боится его даже включать. Творческий процесс останавливается. Вот как могут вредить писателю инновации! Зовёт соседа и учится работать на совершенно новом для себя устройстве. Постепенно привыкает к серебристой квадратной коробке с моторчиком-вентилятором.

Мне посчастливилось помочь этому самому «молодому» писателю из литературного объединения Николая Трегубова. Как только я зашёл домой к Петру Кузину, он сразу завалил меня вопросами. Полдня мы сидим с ним, тренируемся создавать текстовый документ, работать с текстом, правильно держать мышку, быстро искать нужные символы на клавиатуре. Каждый свой шаг Кузин записывает на бумаге.

– Не звать ведь Александра Лейфера или Льва Трутнева – они занятые люди, – виновато оправдывается Пётр Александрович.

«Юный» пользователь ПК быстро учится. Уже создаёт документ, называет его, переводит язык, увеличивает-уменьшает шрифт и пишет с красной строки. Наконец-то уверенно держит мышку и знает, что такое «контекстное меню».

– Во! – обводит он курсором мышки текст на экране монитора, удаляет и возвращает обратно с помощью специальной функции. – Волшебство! – Радует Кузин как ребёнок, разговаривает без умолку, рассказывает, что жил в деревне и даже не мечтал о такой машинке.

Он зовёт меня за стол, предлагает угостить винным напитком собственного приготовления. Наливает Кузин в рюмочку бледно-розовой жидкости. Выпиваю. Горло моё схватывает будто спазмом, в глазах появляются слёзы. Мне кажется, что я задохнусь, но нет – закусываю и проходит.

– Ещё? – поднимает бутылку Пётр.

– Нет, спасибо, – вымучено улыбаюсь я. – Мама не разрешает.

Слово мамы для Пётра Александровича – закон.

Признаётся Кузин: как начинает работать за «печатной современной машинкой», то весь становится мокрым от напряжения. Забывает то одно, то другое, сердится, укоряет себя за «дремучесть». Адаптация к современной технике проходит трудно, мучительно. Кузин даже думает о том, чтобы бросить этот гадкий писательский труд. Но потом всё-таки воспаряет духом – надо заканчивать мемуары. К тому же в планах сто-

ят рассказы и повести – в седой голове Кузина копится столько идей и сюжетов, что грех не запечатлеть их. Пётр Александрович из поколения тех людей, кто не пасует перед трудностями. «Учиться и ещё раз учиться», – повторяет он одухотворённо. Недавно покупает Кузин недорогой принтер и снова зовёт меня подсоединить. Подсоединяю, и старик снова радуется, как ребёнок: что ни говори, можно сразу же и напечатать лист собственного творчества!

Думается, что современные технологии могут и навредить таланту.

Средства на издание первой книги Пётр Кузин берёт из фонда организации «Сироты ВОВ». Пишет он много и теперь на ноутбуке. Родная организация не бездонная, поэтому средства на издание второй книги будет искать в другом месте. Поможет Александр Лейфер, который всегда пробивает дорогу начинающим писателям.

Для разных литераторов – разные трудности. Но одни преодолевают их, а вторые – нет. Писатель – это человек воли. И работает он до последнего вздоха, чтобы не было стыдно и перед собой, а самое главное – перед читателями. Творить – значит жить!

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №9-12(2011) – 1, 2(2012).

Бунт

Исторический роман в двух книгах

Книга II

*Достоинство жизни
человеческой в борьбе.*

А. Герцен

**Часть I
Слава**

1

Утром 21 августа 1669 года большой торговый город Астрахань пришел в необычное оживление. К берегу Волги стекались толпы народа. Здесь были служилые и начальные люди, купцы, приказчики, а больше всего голытьбы, ремесленников, ярыжек, работных людей. Говорливая толпа уже запрудила весь берег у пристани, а народ все прибывал и прибывал. Сегодня Астрахань встречала Степана Ра-зина. По этому случаю люди приоделись в праздничное платье. Нарумяненные бабы шушукались, вели бесконечные разговоры о красивом и богатом атамане. Мол, ни одна женщина не устоит перед ним, любая влюбится. И каждой хотелось хоть одним глазом взглянуть на необыкновенного казака.

Вот сидит прямо в придорожной пыли седовласый ярыга. Он бос, рубище кое-как прикрывает грязное тело, на шее висит толстая железная цепь с крестом, один глаз закрыт, видно, выбит, другой же бегаёт по сторонам, оглядывая толпу. Мужик громко рассказывает о Степане Разине.

Вокруг седовласого ярыги собралась изрядная толпа, а тот вещал:

– Батюшка наш, атаман Степан Тимофеевич, завсегда за простой народ стоит! Защитник он и благодетель! Теперь обидчикам простых людей пришел конец!

– Как же так конец? – поинтересовался кто-то из толпы.

– А так. Бедным людям теперь праздник настал, а богатеньких атаман шарпать будет и посадит в воду!

К мужику стал пробираться сквозь толпу стрелецкий сотник. Подойдя вплотную к говорящему, погрозил ему пальцем и предупредил: «Ты это брось, не трепи зазря языком, а то мы живо тебя в подвал приказной палаты упрячем».

Голые люди, ремесленники, ярыжки плотной стеной придвинулись к служилому человеку. Кто-то громко прошептал: «Давайте, ребята, вдарим ему дубиной по башке!»

Услышав эти слова, сотник быстро юркнул в толпу и исчез, а седовласый ярыга продолжал свой рассказ:

– Атаман Степан Тимофеевич – защитник наш, чародей и кудесник. Он, когда надо, птицей обернется и рыбой, и зверем каким, чтобы обмануть, обхитрить и победить врагов своих. И нет никакой силы, чтобы поймать заступника и спасителя нашего.

– Да он с дьяволом, наверно, знает, коли оборачиваться может! – крикнул толстый купчина.

– Сам ты дьявол! Кровосос! Вон пузо какое разъел за счет нас, трудовых людишек, – смело ответил седовласый мужик.

– Да я те! – взревел купчина, замахнувшись пудовым кулаком, и пошел на мужика.

– Плывут! Плывут! – закричало несколько голосов в толпе. Разговоры и споры прекратились, все устремили взгляды на реку.

Действительно, из-за поворота реки один за другим выплывали сперва воеводские струги, а затем струги казаков.

– Вот это да! – вырвалось из толпы.

Казацкие струги шли под разноцветными парусами, сделанными из персидских паволок, заморских тканей. Перед изумленными астраханцами проплывали то багряно-красные, то голубые, то зеленые, а то и просто пестрые, разноцветные паруса. Струги подходили все ближе и ближе к берегу. С крепостных стен Астрахани ударило не-сколько пушек, в ответ бахнули пушечки с казацких стругов и стрелецких лодок.

– Вот те и возьми его, Стеньку! – воскликнул в толпе чернобородый стрелец.

– То говорили вор, государев изменник! А теперь что? Вишь, с какими почестями встречают!

– Сила силу ломит, – ответил рядом стоящий ярыжка. – Погляди, сколько у Стеньки казаков, а богатства!.. А с ним везде дорога!

Струги воеводы Львова пристали к берегу, а лодки казаков поплыли к прибрежному острову. В стругах сидели разинцы, разодетые в богатые одежды, чем немало вызывали зависти и удивления астраханской толпы. Степан стоял на носу своего струга – высокий, статный, красивый. Он был в одежде, сверкающей золотом и серебром, а его оружие переливалось диамантами и драгоценной насечкой.

Разин снял шапку и стал кланяться во все стороны народу. Люди тянули руки к нему, звали к себе на берег, кричали:

– Слава Степану Тимофеевичу! Слава нашему защитнику и радетелю!

Но казацкие струги так к берегу и не подошли, а проплыли мимо пристани, к острову, и пристали там. Вскоре на нем закипела работа. Казаки стали строить и укреплять свой новый стан.

Атаман Степан Разин и его первый есаул Иван Чернойрец придирчиво осматривали работы по укреплению лагеря, заставляя казаков переделывать, где было сделано плохо. Те повиновались, хотя каждого тянуло поскорее в город: людей посмотреть, себя показать. А показывать казакам было что. Лодки у них ломились от добычи.

– Сегодня, Иван, в город никого из казаков не пускать. Так накажи всем есаулам и сотникам, – распорядился Разин.

– А если убежит кто? – спросил Иван.

– А кто убежит, того более в войско не принимать, – решительно сказал атаман и добавил: – Небось до завтра не помрут. Степан остановился у вала. Его нагребали казаки и устанавливали на нем пушки:

– Ребята, в город сегодня никому не ходить. Будем укреплять стан и отдыхать, а завтра пойдем в Астрахань. Без дела не пить, а то, неровен час, мало ли что удумают воеводы.

– Любо, батько, правильно говоришь, – сказал в ответ Ефим.

– На том и порешили! – крикнул Фрол Минаев. – До сроку в город не ходить!

Степан Разин еще раз обошел и придирчиво осмотрел новый лагерь, затем отправился к себе в шатер, который казаки уже установили на самом высоком месте. Атаман шел к себе не спеша, думая о княжне, к которой он сильно привязался, и вдруг услышал у себя за спиной громкий шепот – то ли Фрола Минаева, то ли Якушки Гаврилова:

– Опять батько к этой басурманке идет. Забыл с ней нас атаман. Даже чарку с нами выпить не хочет. Чуть что – спешит уединиться с этой бесовкой.

Степан резко повернулся, чтобы узнать, кто же это ведет такие речи, но казаки были заняты каждый своим делом, как ни в чем не бывало. Разин в душе рассмеялся: «Вот же люди, понахватали себе ясырок, добра всякого – и ничего, а атаману даже бабу завести нельзя. Будто я не казак, как все! Будто мне ничего не надо, окромя моих разлюбезных есаулов и казаков. Хвали их, уважай, будут радоваться, как малые дети, а посмотрел косо, словно ударил. Им нужна ласка атамана, а меня кто приласкает?» Атаман грустно улыбнулся от пришедших мыслей, заглянул в шатер. Здесь было все, как прежде, но княжны не было видно. Степан вошел, в тревоге оглядел все углы, но персиянки нигде не было. Расстроенный, вышел из шатра и поспешил к своему стругу. По пути к нему подошел Иван Чернойрец. Увидев встревоженное лицо Разина, сразу же догадался, в чем дело, но с улыбкой спросил:

– Куда-то поспешаешь, Степан Тимофеевич?

Заслышав в голосе Чернойрца насмешливые нотки, Степан круто развернулся к рядом идущему есаулу и, тяжело дыша ему в лицо, хрипло проговорил: «Где княжна?» Рука атамана потянулась к сабле.

– На струге она, Степан Тимофеевич.

– Почему там, а не в шатре?

– Не хочет уходить с него, царапается, кусается, плачет и никуда не идет. Мы бились, бились и оставили ее там. Я сразу тебе сказать решил, да забыл, – Чернойрец хотел еще что-то сказать атаману, но Разин не стал слушать его и чуть ли не бегом поспешил на свою лодку.

Есаул остановился и задумчиво покачал головой: «Приворожила, что ли, его эта чертова басурманка? И что он в ней нашел? Совсем голову с этой бабой потерял».

По скрипучему мосточку Степан Разин вбежал на струг, кинулся в помещение, где находилась княжна. Та, завидев атамана, бросилась ему на шею, обвила его гибкими, горячими руками, стала целовать в губы, бороду, усы, лепетать персидские и русские слова.

Разин взял княжну на руки и, как ребенка, понес в шатер. Женщина была легкая как пушинка. Она продолжала что-то говорить, осыпая поцелуями бороду и лицо Степана. Из слов княжны Разин понял, что она не хотела уходить со струга, потому что подумала, будто казаки хотят вернуть ее отцу,

а она не хочет от него, атамана, уходить.

«Надо поговорить с есаулами: пусть бабу не трогают. И что они на нее ополчились? Каждый хочет за тебя кукарекнуть», – со злобой подумал атаман.

С княжной на руках проследовал он почти через весь стан в свой шатер. Казаки, приостановив работу, следили за атаманом: кто с понимающей улыбкой, кто ревниво, кто с завистью. А когда Разин скрылся в шатре, один из казаков в досаде сплюнул на землю, пробурчав: «Не гоже атаману баб по казацкому лагерю таскать», – и с остервенением снова взялся работать.

Стоящий рядом Леско Черкашин ответил казаку:

– А ты хочешь, чтобы батько тебя на руках носил да в плешину целовал! Сколько у тебя ясырок? – напористо спросил Леско.

– Четыре, – потупясь, ответил казак.

– Во, ребята, у него четыре ясырки! Погляди, коза, на свои глаза! А у батьки одна баба завелась, а он уже плюется! Пусть атаман потешится!

Казак махнул рукой и отошел подальше от Лески, чтобы более не спорить. А Черкашин плюнул в досаде ему вслед, молвив:

– Ишь, судитель нашелся! Батьку оговаривать!

Подошел Фрол Минаев и поинтересовался:

– Что ты тут кричишь, Леско?

– Да вон тот про батьку нашего гутарит плохое, вздумал его оговаривать, – и показал на отошедшего казака.

Вглядевшись в казака, Фрол воскликнул:

– Это же Афанасий Козлов. Давненько я уже замечаю, что он атамана нашего всячески оговорить хочет!

Фрол решительно направился к Афанасию, решив все-таки выяснить с ним все до конца.

Завидев, что Фрол Минаев идет к нему, Козлов быстро попятился к берегу острова и юркнул в кусты.

– Стой! Стой! Козлов! – закричал Фрол Минаев и побежал туда, где скрылся Афанасий. Кинулся за убегающим, но кругом были непроходимые кусты и сухие высохшие сучья. Вдруг есаул услышал легкий всплеск воды у берега острова. Фрол побежал к берегу, но было уже поздно. Легкая лодочка отчалила от острова и стремительно помчалась в сторону Астрахани. Минаев выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил вслед уплывающему. Но так как лодка была уже далеко, стрелок промахнулся, однако, всполошил весь лагерь.

Где-то в глубине острова закричали: «Ребята! Стрельцы с боем идут!»

Фрол поспешил в лагерь, чтобы успокоить казаков. Когда он прибежал к шатру Разина, тот уже отдавал распоряжения есаулам, как вести оборону.

– Батько! – крикнул Фрол. – Напраслина это все! Нет стрельцов! Это я стрелял!

– Зачем зря палишь? – сердито, но с облегчением спросил атаман.

– Гад тут один на лодке в Астрахань улег. Хотел его пристрелить, да далеко уплыл. Не попал, – с сожалением ответил Фрол.

Степан пожурил Фрола, но к ночи распорядился выставить вокруг острова усиленный караул. Хоть и была у Разина царская грамота, но где-то в глубине души таились тревога и неверие в царское прощение.

2

Услышав выстрел, Афанасий Козлов, не оборачиваясь, что есть сил стал грести к противоположному берегу. Расстояние быстро сокращалось. Уже перед астраханской пристанью Афанасий перевел дух, оглянулся, чтобы посмотреть, нет ли погони. Но сзади никого не было. На острове, где разбились казаки свой лагерь, стояла тишина. Козлов облегченно вздохнул, осмотрелся, обдумывая, куда же лучше причалить. На пристани кое-где еще находились небольшие кучки бедного люда, не спешившего по домам и надеявшегося, что кто-нибудь из казаков все-таки поплывет в город.

И когда от острова отошла лодка Козлова, многие обратили на нее внимание. Афанасий сперва попытался причалить там, где нет людей. Это ему не удалось, так как, куда бы он ни направлял свое судно, туда и бежали астраханцы. В конце концов Козлов решил причалить, где придется, и поплыл к пристани. Не успел он пристать к берегу, как тут же около него собралась толпа из работных, нищих

и убогих. Люди плотно обступили казака, бесцеремонно его рассматривали, щупали одежду, оружие. Кто-то спросил: «Эй, казак, почему один приплыл? Где остальные?»

Козлов не знал, что ему ответить, и попытался вырваться из плотного кольца толпы, но его не выпускали, стараясь удержать, расспросить.

Наконец казак сообразил, что надо делать. Он, приняв серьезный и решительный вид, резко сказал: «Геть, люди! Недосуг мне тут с вами. Атаман Степан Тимофеевич послал меня с делом. Дайте дорогу!» – и решительно направился к городу. Толпа расступилась, ничего больше не спрашивая у казака. Козлов сразу же направился к приказной палате. Ему нужно было встретиться с дьяком Игнатием, а затем и с воеводой астраханским по поручению войска Донского, чтобы вести тайный разговор. Взойдя на крыльцо приказной палаты, казак остановился в нерешительности. Вот из двери вышел стрелецкий сотник, и Афанасий обратился к нему:

– Скажи, служилый, где я смогу свидеться с дьяком Игнатием?

Сотник оглядел Козлова с ног до головы и спросил строго:

– А по какому делу?

– Надобно, служилый, по очень важному. Гонец я.

Сотник огляделся и, увидев проходящего мимо стрельца, крикнул:

– Эй, Гришка! Иди сюда!

Молодой человек рысцой подбежал к сотнику.

– Проводи этого человека к дьяку Игнатию.

Служивый быстро довел Афанасия до дома Игнатия, постучал в высокие тесовые ворота. Никто не открывал, только лаяли цепные псы. Но вот что-то забрякало, заскрежетало, ворота открылись, появился сам дьяк. Увидев стрельца и незнакомого человека, спросил:

– Что надобно?

Стрелец, поклонившись в пояс, ответил:

– К вам гонец.

Игнатий внимательно взгляделся в Афанасия, спросил:

– Из казаков, что ли?

– Из казаков, – ответил Козлов.

Дьяк, отослав стрельца, завел Афанасия во двор, усадил на деревянную скамейку, присел рядом, заговорил:

– Откуда же ты, казак?

– Из войска Степана Разина, но с делом от Корнилы Яковлева.

– Вот как! – изумился дьяк, внимательно оглядывая Козлова.

– Я был у Разина по поручению атамана войска Донского, а вот сегодня пришлось бежать.

– Почему так? – заинтересовался дьяк.

– Раскусили меня казаки, даже застрелить хотели, вот и пришлось спешно уходить. А теперь помоги мне, дьяк, укрыться от разинцев, так как завтра они придут в город и если меня найдут, то убьют.

– Не горюй, казак. Это мы устроим, – ответил Игнатий. – Ни один вор тебя не съест. А может, сегодня отправишься в Черкасск? Сейчас же сведу тебя с одним человеком. Очень надо ему с тобой поговорить. Жди меня здесь. Я сейчас, – и дьяк исчез в дверях своего дома. Вскоре он появился, сказав: – Наказал я своим дворовым, чтобы дело по хозяйству вели, видно, придется там задержаться.

Игнатий повел Козлова по городу. Вскоре они пришли к небольшому дому с высоким глухим забором. Дом утопал в саду. Уже поспевшие красные яблоки свисали с деревьев, распространяя приятный аромат. Дьяк дал три коротких удара в тесовые ворота. Долго никто не открывал. Игнатий постучал еще громче, за забором наконец послышались шаркающие шаги. Ворота отворились, и пришедших впустил широкоплечий, с рыжей окладистой бородой мужик. Поклонившись Игнатию в пояс, сказал: «Пожалуйста в дом, хозяйка в горнице».

Дьяк и казак прошли в горницу, остановились при входе. В светлой комнате за большим столом сидели Анна Герлингер, Иван Семенович Прозоровский и Данило Романыч, брат хозяйки. Стол был накрыт богато. В центре стояли в серебряных вазах фрукты, печенье, в кубках – заморские вина, а в яндовах – резкие прохладные меды. Игнатий подошел к воеводе и зашептал ему что-то на ухо, то и дело показывая на Козлова, а тот, внимательно разглядывая казака, кивал головой. Выслушав дьяка, Прозоровский велел отвести сбежавшего разинца на кухню, накормить, сводить в баню, а затем по-

желал с ним побеседовать.

Наступил вечер. Солнце закатилось, только его последние лучи из-за моря освещали причудливые облака на небе. Где-то вдали сгущались сумерки, молнии сверкали все ярче и ярче. Надвигалась гроза. Раскаты грома, сперва громыхающие где-то вдали, приближались. Сверкнула яркая молния, осветив все добела, а затем как будто расколосось небо, треснув так резко, так громко, что казалось, вот-вот лопнут перепонки в ушах. Громыхнуло раскатисто, гулко, как бы сердясь и неистовствуя.

Козлов, уснувший после бани и сытного обеда, проснулся в небольшой комнатушке, которую ему отвела хозяйка. Казак зажег свечу, стоящую на окне, затем опять прилег на скрипучую кровать, прислушался. На улице свистел ветер, редкие капли дождя тарабанили по слюдяному окну. Незаметно для себя он стал думать о своем положении. Афанасий понимал, что разинцы теперь считают его изменником и что Фролу Минаеву, всем ближним есаулам Разина, да и самому атаману на глаза лучше не показываться. Жизнь его в опасности. Хорошо, что Разин и его есаулы не знают об истинной цели его пребывания в войске и участия в персидском походе. А сейчас он, Афанасий, претерпевший столько лишений с разинцами, перенесший разгром под Рештом и Миян-Кале, бросил свой дуван и все свое добро, добытое в походе саблей.

Хотелось Козлову вернуться на Дон вместе с Разиным, самому привезти свою добычу, да вот не вышло. Пришлось бежать из-за Фролки. Козлов заскрежетал зубами: «Ну, Фролка! Я еще сочтусь с тобой! Неровен час!»

Между тем на улице бушевала гроза. Молнии беспрестанно сверкали, слепя глаза, были слышны глухие раскаты грома.

Заскрипела дверь, и в комнату к Афанасию вошли воевода Прозоровский и Данило. Вошедшие присели на лавку у стола.

– Много ли народу у Стеньки? – сразу же спросил воевода.

– Около тысячи человек. Многих атаман потерял в персидском походе, но остались самые матерые казаки, – ответил Афанасий.

– Что говорит вор Стенька про царскую грамоту? И думает ли он идти на Дон? – опять задал вопрос Прозоровский.

– Про то мне неведомо. Атаман – человек скрытный и доверяет мысли свои только ближним и проверенным есаулам – и то не всем. Очень хитер Разин, и понять его трудно. Он может говорить одно, а делать другое. А вот казаки хотят домой на Дон, рады они милостивой царской грамоте, рвутся в свои станицы, – ответил Козлов.

– Легко ли вступить в войско Донское? – спросил Данило.

– Для голых, нищих и убогих легко, но для богатеньких трудно.

– Почему? – удивился Данило.

– Потому что с каждым новым человеком Разин сам разговаривает, расспрашивает его, и, если кто начинает кривить душой, атаман сразу же это чувствует, а тогда беда такому человеку. Нюх особый у Разина на людей, – ответил казак на вопрос Данилы.

– Сносился я с Корнилой. Он говорил, что есть, мол, у него человек у Разина, а кто таков – не сказал, вот теперь свиделись. Сегодня же ночью отправишься в Черкасск и передашь эту грамоту войсковому атаману Михаилу Самаринину, да смотри – не потеряй, – предупредил воевода.

Козлов осторожно взял свиток и положил за пазуху.

– Много ли добра везет Стенька с собой? – поинтересовался князь-воевода.

– Барахла атаман привез изрядно. Это – зер, серебро, узорочья, ковры, дорогая посуда, заморские ткани. А также много ясыря. Себе завел наложницу – княжну, дочку хана, и она в нем души не чает.

Прозоровский с удивлением поднял бровь, переспросил:

– Неужели, правда, княжна?

– Да, княжна.

– Как ты думаешь, Афанасий, возьмет атаман Данилу к себе на службу – казаком?

Козлов внимательно оглядел Данилу и ответил:

– Возьмет! Мужик он крепкий, таких атаман жалует. Вот только переоденьте его в рубище, и хорошо, если бы в городе никто не знал его в лицо, а то соглядатаи Разина узнают, кто он таков.

– Не знают его в Астрахани: до поры до времени на людях не бывал. А теперь настал его час, – сказал воевода.

– Что же, коли нужно, послужу нашему государю Алексею Михайловичу, – сказал Данило.

Анна внесла на серебряном подносе кубки с вином, жареное мясо, а следом вошла девка с узлом одежды для Козлова. Как только женщины удалились, воевода заторопил казака:

– Побыстрее одевайся, скоро придет полусотник со стрельцами, проводят тебя из города, выведут на путь к Дону, а там скачи – пробирайся сам, но грамоту береги.

Афанасий встал, быстро облачился в кафтан, сверху набросил коц, надел баранью шапку, сапоги, пристегнул саблю, сунул за пояс кинжал и пистоль.

За дверью громко крикнули: «Поспешайте с казаком-то!»

Открыв дверь, Данило крикнул в темноту:

– Казак готов, уже идет.

Козлов было шагнул к двери, но воевода остановил его:

– Подожди, казак, выпей-ка вина на дорогу – и с богом.

Афанасий чуть пригубил вина, поставил кубок на стол, в пояс поклонился Прозоровскому:

– Спасибо вам за все, князь-воевода Иван Семенович!

– С богом! – ответил воевода. – Передай атаманам войска Донского, что Стеньку мы пропустим на Дон через Астрахань по велению государя нашего, но они пусть там более ему воли не дают.

3

День выдался погожий. Нежаркое августовское солнце еще пригревало, но не было летнего зноя. Деревья и кустарники по берегам Волги и островам тронула легкая позолота. Река была тихая, ее зеркальная гладь как бы затаилась, ожидая чего-то необыкновенного. И вот эту торжественную тишину начинающегося дня нарушили плеск воды от множества весел, говор, смех, шутки. Это с острова на астраханскую пристань выплывали лодки. Казаки, одетые в дорожные одежды, плыли важно, не спеша. Сегодня для них был желанный душе праздник. Они благополучно добрались в русские пределы, пройдя большие лишения, смерть, горечь неудач и побед. Сейчас в заглубевших руках казаки держали заморские товары, узорочья из зера, серебра, дорогих камней, дорогую посуду, искусной работы ковры, ткани.

Первой к пристани пристала лодка есаула Фрола Минаева, где были близкие люди атамана – Ефим, Еремка, Федор Сукнин, Иван Серебряков, Иван Чемкиз, Алексей Каторжный, Лазарь Тимофеев и другие.

Вышедших на берег казаков сразу же окружила толпа голутвенных и простых людей Астрахани. Не торопясь, степенно, не обращая внимания на окруживших их горожан, разинцы стали выгружать свои товары для торговли. Ефим взвалил себе на плечи огромный ковер, в руках держал тюки шелковой ткани. За ним в город потянулись другие казаки.

Лодки все плыли и плыли к берегу. Вновь прибывших тут же перехватывали горожане, предлагали вино, деньги, снедь за заморские товары.

Ефима тут же перехватил юркий, подвижный, небольшого роста купец.

– Постой, казак! – кричал он, семеня за Ефимом. – Погодь же, я тебе говорю!

Ефим остановился:

– Чего тебе надо? Говори, а то мне недосуг тут с тобой! Вишь, ноша какая.

– Чего хочешь за ковер? Продай! – взмолился купец, оглядываясь вокруг, боясь, как бы не перехватил кто драгоценный товар.

– Бочку вина! – ответил богатырь.

– Сейчас, казак, будет тебе бочка вина. Кузьма! – крикнул что есть мочи купец приказчика.

Подбежал юноша.

– Кати быстрее бочку вина, самого лучшего – вот этому казаку!

Приказчик убежал выполнять просьбу хозяина.

– Покажи, казак, ковер-то, – попросил купец.

Ефим расстелил рытный ковер персидской работы. Он был так красив, что торговец даже зажмурился.

– Беру, казак! Беру товар!

– Бери, бери! Только где ж вино? – поинтересовался Ефим.

– Вон оно, уже катят, – указал купец в сторону. Действительно, от небольшого деревянного сарая два мужика и приказчик катили бочку с вином.

– Забирай барахло! – небрежно сказал Ефим и пошел навстречу катившим бочку, остановил их,

взяв одной рукой ее за край, поставил на попа. Размахнувшись, хряснул пудовым кулаком по бочке сверху, выбил доски, крикнул стоящим рядом казакам: «Дайте посудину!» Просьба была мигом выполнена, казаки притащили ковш. Ефим наклонил бочку, налил вина, присел рядом и, жмурясь от яркого солнца, стал пить. Потом, оторвавшись на время от питья, крикнул приплывшим вместе с ним в лодке казакам:

– Пейте, ребята! Угощаю!

Астраханцы, окружив Ефима, дивились аппетиту казака. А тот с наслаждением пил, щурясь от солнца. Потом, завидев крамарку с пирогами, поставил рядом питье, крикнул:

– Эй, крамарка! Красавица! Хороши ли у тебя пироги? Горячи ли?

Полная круглолицая женщина живо подошла к казаку, хваля свой товар:

– Бери, казак, пироги! Душистые, горячие, с мясом, сытные!

Ефим забрал у нее корзинку с пирогами, всыпал женщине в руки горсть золотых монет. Та от удивления даже рот разинула, не зная, то ли правда ей казак столько платит, то ли шутит.

– Бери. Бери, крамарка, – успокоил Ефим.

Женщина живо спрятала деньги за пазуху, все еще боясь уйти.

– Еще, что ли, хочешь? – спросил Ефим, беря в руки ковш. – Могу еще дать, если скажешь, где живешь.

Женщина застеснялась и скрылась в толпе.

– Вот жизнь казацкая: пьют и едят сладко, а богаты!.. – сказал с завистью кто-то из голытьбы, окружившей разинцев.

– Это Стеньки Разина работнички, им все можно, они жизнь себе такую в походе добыли.

Ефим отставил ковш в сторону, крикнул:

– Пей, честной народ, вино! Я угощаю! – и подошел к стоящему одиноко в стороне Федору Сукнину.

– Что, Федор, вино не пьешь? Что грустишь, есаул?

Федор, хмурясь, ответил:

– Не до того мне, Ефим, сказывал на днях атаман, что будто где-то тут моя женка с детками в остроге томится. И теперь ума не приложу, как ее разыскать.

Ефим подошел к Еремке, взял из рук его недопитую ядову, выплеснул остатки вина на землю, снова зачерпнул полную посудину, подал есаулу: «Пей, Федор, а тогда поговорим, где твою женку искать». Федор выпил вино, отдал Еремке ядову.

В это время к ним подошел крепкий мужик, голубоглазый, в рубище:

– Скажите, казачки, где ваш атаман?

Федор и Ефим переглянулись.

– Нашто он тебе?

– Хочу в казаки податься, – ответил мужик.

– Как кличат-то тебя, сердешная душа? – поинтересовался Ефим.

– Данилой кличут, а по отцу Романов сын.

– Али судьбинушка плоха у тебя, али забижал кто? Пошто в казаки решил податься?

Данила нахмурился, на глаза у него навернулись слезы, стал рассказывать про свою судьбу:

– Жил я, братцы, у помещика под Казанью. Жена, детки были. Замучил нас лютей помещик поборами да работой на его земле. А моя земелька захирела, так как работать на ней некому было. Не запаслись мы в тот год хлебом, а зимой случился голод: умерли от бескормицы и болезней мои жена и дети. Озлобился я тогда, подкараулил своего барина и порешил, а сам подался сюда. Прослышал про вашего атамана, что всех обиженных и несчастных берет в войско к себе.

Вздыхнул Федор Сукнин и сказал:

– Тяжела твоя жизнь, человеце. Быть тебе в казачестве, идем с нами в город, не отставай от нас, а когда вернемся на остров, батько сам с тобой поговорит и решит, быть тебе казаком или нет.

– Ребята, бросьте вино пить, айда в город! – крикнул Ефим казакам, прибывшим с ним на пристань в одной лодке.

Разинцы веселой гурьбой направились к воротам Астрахани.

А вокруг кипела торговля, казаки, еще не доходя до стен города, сбывали свой товар. Продавали барахло, не торгуясь, скупали нужные им вещи, покупали вино, еду. Кое-где хлебнувшие вволю вина разинцы уже горланили песни. Но вели себя пристойно, по строгому наказу атамана, горожан не трогали, служилых не задирали.

– А почему батько сам не пошел в город? – вдруг спросил Иван Чемкиз.
 – Сегодня недосуг ему.
 – Это почему же? – спросил Каторжный.
 – Наверно, с княжной тешится, – с недовольной ноткой в голосе сказал Фрол Минаев.
 – Может, тешится, а может, и нет. Погодить ему надо. Мало ли что воеводы задумали. Надо быть настороже. Правильно атаман решил пока не ходить в город. Мы ходим – посмотрим, а там видно будет, – ответил всем Леско Черкашин.

Все смолкли, не говоря больше об атамане, хотя каждый думал о нем, проклиная басурманку, которая словно околдовала Разина в последнее время, – да так, что не отлучался он от нее, а если и шел выпить чарку с есаулами, то спешил опять к ней, словно чего-то боялся.

По улицам Астрахани шел торг. Праздничные толпы людей окружали казаков, разглядывали их, словно неведомых заморских гостей. Городской люд с ними торговался или пил чарку задарма. Казаков расспрашивали о походе, о неведомых странах, о житье в войске, а самое главное, об их атамане – необыкновенном и славном человеке, защитнике народном.

На угощение разинцы не скупилась, товары сбывали за бесценок, приглашали к себе в войско – в казаки.

Войдя в город, Федор Сукнин, несмотря на уговоры своих товарищей, направился к острогу. Ефим не захотел оставлять его одного в горе, пошел с ним, а за ними увязался их новый знакомый Данило.

Подойдя к высоким воротам острога, казаки огляделись. Федор Сукнин подошел к воротам и затарабанил рукоятью сабли в кованые железом ворота. Бил долго и неистово. Вдруг в воротах открылась небольшая дверь, из нее вышло трое стрельцов, один из них грубо спросил:

– Что вам, казаки, надобно, чего бахаетесь в ворота? Не в острог ли захотели?

– Ребята! – взмолился Ефим. – Не сидит ли у вас в остроге женщина с детишками? Ее Марией Сукниной кличут.

Все тот же стрелец ответил:

– Не слышали про такую, да и мало ли тут их, сердешных, мается, про них нам неизвестно, об этом один дьяк Игнатий знает.

– Где же мне ее теперь искать? – с дрожью в голосе сказал Сукнин и сник, ссутулившись.

Стрельцы с сочувствием посмотрели на него, один из них спросил:

– Жена, что ли?

– Жена, жена, ребята! – ответил за Федора Ефим.

Вдруг один из стрельцов, который был помоложе, сказал:

– Кажись, я припоминаю, была такая в остроге. Ее еще дьяк пытал, а потом мы свели ее на воеводский двор, но деток при ней не было. Может, не она, – засомневался стрелец, – только говорили все, будто эта казачка – жена есаула.

Сукнин встрепенулся, почти закричал:

– Говорите, где воеводский двор? Сказывайте побыстрее!

– Эх, казачки, туда вас не пустят. Сегодня воеводский двор сотня стрельцов охраняет, так что лучше туда не ходите, – посоветовал один из стрельцов.

– Сказывайте где? – настаивал Сукнин.

– Зря, ребята, идти собираетесь. Нет ее теперь в живых, – сказал все тот же молодой стрелец.

– Как это нет! – закричал Сукнин, хватаясь за саблю.

– Разговаривал я дня три назад с конюхом воеводским, он и сказывал, что довели будто бабу до того, что она повесилась.

Федор Сукнин потемнел лицом, прислонился спиной к стене острога, медленно опустился, содрогаясь в рыданиях, сел на камень, лежащий тут же, у стены, уронил голову на руки и затих.

Стрельцы в замешательстве затоптались на месте, Ефим и Данило подошли к есаулу, взяли его под руки, пытались поднять на ноги.

– Да идите вы к...! – закричал Федор, снова сев на камни, беззвучно плача.

– Ладно, не трожь его, – посоветовал Данило Ефиму, – пусть поплачет – легче будет.

– А дети-то ее где? – снова подступил с вопросом к стрельцам Ефим.

– Сказывал конюх, что будто продал деток персидским гостям дьяк Игнатий, – ответил молодой стрелец.

Заслышав это, Федор соскочил с камня, выхватил из дорогих ножен саблю, закричал:

– Где этот дьяк живет, сказывайте! – и пошел с обнаженной саблей на стрельцов. Те быстро юркнули в небольшую дверь и задвинули засов.

Федор стал ломиться в ворота, крича: «Скажите, где он живет!»

Вокруг стала собираться толпа горожан, стрельцов. Ефим схватил в охапку есаула и, как только тот ни отбивался, поволок его на другую улицу, уговаривая: «Погодь, Федор! Погодь! Мы еще вернемся сюда, отомстим им за все, и за твою женку, и за деток твоих!»

4

Степан Разин не спешил появляться в городе. Только лишь разговаривал кое с кем из казаков, интересовался, как привели их там, как идет торг, не обижают ли их служилые и городское начальство.

Казалось, что Астрахань атамана не очень-то интересует, что занят он в основном с молодой княжной. И действительно, атаман с ней возился, как с ребенком. То уложив персиянку на пуховую постель, забавлял ее драгоценными узорочьями, то носил по шатру на руках, целуя в губы, то она, обвив его руками за шею, серебряным гребешком расчесывала ему бороду и звонко хохотала.

Казаки недоумевали, говоря меж собой:

– И что это батько в город даже не кажется, не погуляет с нами по Астрахани?

– И что он нашел в этой бабенке? Ни тебе груди, ни заду, тонкая и гибкая, как змея?! – с сожалением как-то заметил Иван Красулин.

– Погодите, ребята, дайте срок. Появится еще атаман в городе, нагонит страху на воевод, – успокоил всех Фрол Минаев.

– Даже не верится, что так будет, – засомневался Иван Чемкиз и ревниво добавил: – Правду, говорит Иван Красулин, нашел он что-то в этой басурманке, ни на шаг от нее не отходит, – и, плюнув на землю, добавил в досаде: – Будь она неладна!

– Смотрите, ребята, однако, батько пожаловал на берег! – крикнул кто-то из казаков. Все обернулись туда, куда показывал казак.

Степан Разин в сопровождении ближних есаулов шел к своему стругу. Казаки мигом устлали лодку дорогими коврами. Атаман, поддерживаемый с боков казаками, вошел по шаткому мостку на свой струг, уселся на носу лодки и крикнул:

– Отчаливай, казаки! Поплывем в гости к воеводам в Астрахань!

Ударили весла, помчался атаманов струг к астраханской пристани. Ефим, хватив чарку вина, подмигнул казакам, взъерошил русые кудри и запел:

*А и теща, ты теща моя,
А ты чертова перечница!
Ты поди, погости у меня!
А и ей въехать не на чем!
Пешком она к зятю пришла...*

Астраханцы у пристани, увидев атаманов струг, собрались в толпу и с нетерпением ждали, когда причалит эта лодка. По городу прошел неведомо кем переданный слухок: «Разин плывет!» Отовсюду спешил на пристань народ, чтобы воочию увидеть необыкновенного атамана. Неизвестно откуда выползли на свет нищие, голые и работные люди. Также пришли взглянуть на Разина богатые купцы, приказчики, стрелецкое начальство, иноземцы.

Анна Герлингер тоже явилась на пристань, чтобы поглядеть на атамана и убедиться – у казаков ли ее брат Данило, жив ли он, или сгинул куда.

Наконец к пристани причалил первым атаманов струг, а за ним еще несколько лодок. Разин степенно сошел на берег, поклонился в пояс народу, молвив:

– Здравствуйте, астраханские люди!

– Здравствуй, батюшка Степан Тимофеевич, радетьель наш и защитник! – кричал в ответ народ.

В окружении ближних казаков пошел Разин сквозь расступившуюся толпу, разбрасывая горстями золотые и серебряные монеты.

Люди тянули руки к атаману, старались коснуться рукой его одежды, плакали в умилении, кричали:

– Слава Степану Тимофеевичу! Слава нашему защитнику и благодетелю!

Анна Герлингер старалась тоже протиснуться сквозь толпу, разглядеть атамана поближе. Приложив большие усилия, женщина все-таки пробралась к Разину, а когда толпа расступилась, пропуская его и есаулов к городу, Анна оказалась в первых рядах, и сразу же ее глаза встретились с глазами Степана Разина. Взгляд атамана был пронзителен, в нем играли искорки, но он не пугал ее, а притягивал. У женщины от этого взгляда как будто что-то дрогнуло в душе. Анне вдруг захотелось быть рядом с этим сильным человеком и еще глубже заглянуть в его темные, необыкновенные глаза.

Разин на секунду задержал взгляд на Анне, немного задел женщину, проходя через узкий проход расступившейся толпы. Анна Герлингер стала разглядывать сопровождающих Степана есаулов и среди них увидела Ивана Красулина. От удивления женщина даже приоткрыла рот, прошептала: «Так вот куда пропал мой миленок! А люди говорили черт знает что!» Вспомнив свою давнюю любовь с этим могутным стрельцом, Анна затрепетала, и сердце гулко и учащенно забило в груди. Женщина с дрожью в голосе крикнула: «Иван!»

Красулин, идя рядом с ее братом Данилой, оживленно о чем-то говорил, не обращая внимания на крик Анны. По-видимому, не расслышал он зова своей давней зазнобы.

Анна опять крикнула: «Иван! Иван Красулин!»

Казак встрепенулся, услышав давно забытый голос, огляделся по сторонам. Наконец, встретившись взглядом с кричащей женщиной, Красулин узнал Анну, подошел к ней, ласково обнял, прошептал ей жарко на ухо: «Жди меня вечером! Приду погостить!» – и улыбнувшись, заспешил за атаманом.

Горячей волной пробежала по телу Анны истома от будущей встречи с молодым есаулом Разина. Вспомнив, что сегодня же вечером к ней должен прийти Прозоровский, Анна Герлингер поспешила в город, чтобы послать свою работницу по дому к воеводе и передать, что она занемогла и просит князя к ней не приходиться. Идя домой, думала, что сделать такое, чтобы Красулину было у нее хорошо: «Перво-наперво нужно баньку жарко истопить; приготовить разных закусок, солонины побольше, любит Иван особенно грибы и рыбку; достать надобно из погребов холодных медов, винца заморского».

Степан Тимофеевич шел по Астрахани не торопясь, часто останавливался, разговаривал с простым народом, одаривал нищих и убогих, а богатых словно не замечал, хоть и лезли они на глаза атаману, пытались заговорить, оказать любезность. Остановился Степан для беседы с простыми горожанами:

– Как поживаете, честной народ? Хороша ли жизнь у вас под воеводами?

Хитровато прищурившись, на то ответил ему рыжий мужик:

– Наказал бог народ да послал воевод! Тяжело, атаман, нам живется под ними. Забижают они нас, простых людишек. Без меры поборы берут, а если не выплатишь, палками по пяткам нещадно бьют!

– Не вольны мы сами себе! – включился в разговор еще один мастеровой, по виду кузнец.

– Пора бы, братцы, за топоры браться, – возбужденно молвил еще один горожанин.

– Это вы добре мыслите, ребята! – похвалил астраханцев Степан. – Только за такое великое дело надобно браться с умом!

– Правильно говоришь, Степан Тимофеевич, – поддержал Разина рыжеволосый мужик. – Вон какая сила у воеводы Прозоровского. Стрелецкие полки аж с самой Москвы, говорят, пришли!

– А вы готовьтесь, перетягивайте на свою сторону людишек поболее. А когда придет пора, ударит час, выступите все, как один: большою силою! Знайте, ребята, мы еще придем к вам и за–теем такое дело... – закончил беседу атаман и подмигнул мастеровым.

– Когда ждать-то? – спросил один из астраханцев.

– Скоро, – ответил на то атаман и пошел дальше по городу в сопровождении казаков.

О пребывании Разина в городе Прозоровском постоянно сообщали истцы. Знал князь-воевода, что говорил Разин со многими людьми в городе, и даже знал, о чем говорил атаман, но ничего поделать против казаков не мог. Царская грамота о прощении их грехов связывала ему руки. Иногда, правда, была у воеводы мыслишка окружить казаков на острове да побить всех до единого, но разумом понимал опасность этой затеи: а как не побьет казаков, да астраханский простой народ, да шатающиеся стрельцы Разина поддержат? Тогда что?.. Нет, Разина трогать не надо. Опасно это! Надобно хитростью выманить у него поболее привезенных из похода богатств, прибрать его пушки, вернуть пленных, тогда пусть идет к себе на Дон.

Князь воевода поджидал сегодня Разина. Приоделся. Велел накрыть стол в приказной палате, поставить побольше водки да медов. Мечтал все дела решить одним махом.

Но атаман так и не явился к воеводе, обошел весь город, одарил простой народ деньгами, дорогими тканями, узорочьем, а ему, воеводе, и подарка не принес, не поклонился в пояс. Ходил в волнении и злобе по приказной палате Прозоровский, разговаривая сам с собой: «Ах, ты, атаманишка паршивый, не захотел ко мне, к воеводе, на поклон прийти! Ну, погоди! Ну, погоди! – все больше распаял сам себя воевода. – Прикажу своим людям чинить тебе в делах всякую волокиту, тогда посмотрим, как ты заплашешь, как приползешь ко мне на пузе, паршивец этакий!»

Скрипнула дубовая дверь, в палату проскользнул дьяк Игнатий. Раздраженный воевода побагровел лицом, крикнул:

– Чего тебе надо?!

– Я... я... я... – заякал перепуганный дьяк и замолчал.

– Вон! Сволочь! – взревел князь и, схватив со стола серебряный поднос, запустил им в дьяка. Поднос ударился в дверь, со звоном упал, а дьяка Игнатия как ветром сдуло. На шум прибежал князь Львов.

– Чего шумишь, Иван Семенович? Дьяка Игнатия до полусмерти напугал. Я уж думал, ты тут Разина громишь, – сказал князь, улыбаясь, и, догадавшись, в чем причина гнева Прозоровского, успокоил:

– Придет еще к тебе казацкий атаман. Не минует он нашей приказной палаты. Куражится Разин.

– Всыпать бы этому атаману! – с раздражением сказал Прозоровский. – Да нельзя: царь не велит.

– Не горячись, Иван Семенович, успокойся. Лучше веди усилить охрану города. И стрельцам надобно запретить с казаками разговоры вести. Хоть это и трудно, но надо заставить сотников зело следить за стрельцами.

Прозоровский тяжело вздохнул, сказал:

– Черт их, этих стрельцов, охранит от вора. Так и норовят к казакам уйти, так и заглядывают в рот атаману. За каждым не уследишь. – Помолчал, потом попросил Львова: – Кликни-ка мне Игнатия.

Вскоре дьяк стоял перед воеводой и низко, до самого пола, кланялся.

– Узнал ли, Игнатий, про Данилу? У Разина ли он?

– Все узнал, батюшка. Сказывают истцы, что сегодня видели его в городе: вместе с казаками ходил и одет в казацкое платье.

Прозоровский с радостью воскликнул:

– Услышал господь мои молитвы! Будет теперь у Разина наш человек, – затем спросил у дьяка: – Что там казаки делают?

– Гуляют, в баньку ходят, но людишек не трогают, ведут себя смиренно, по дешевке спускают свой товар, не скупятся на угощенье и подарки. Атаман ихний уплыл на остров, но народу сказывал, что скоро опять приплывет.

5

Весть о том, что Разин в Астрахани, быстро облетела Черкасск, и что встретили астраханские воеводы атамана не как вора и государева изменника, а как радетеля за государево дело – с почетом, и что царь простил все прежние грехи атамана, выдав на то ему грамоту. Неизвестно, какими путями долетали в войско Донское вести о делах Степана Разина, но гольтьба доподлинно знала обо всем. Подняла голову казацкая беднота, гордо поглядывала на домовитых казаков, а иногда страшала: «Придет Степан Тимофеевич – посчитается с вами». Присмирела казацкая верхушка, даже заискивать стала перед голутвенными.

Афанасий Козлов, вернувшись в Черкасск, нового о Разине почти не мог уже ничего сказать, так как в городке знали уже все, даже в мельчайших подробностях – и даже больше того, что было. Фантазия русского человека многогранна и удивительна.

В войсковую Афанасий не пошел, чтобы избежать лишних разговоров и вопросов от казаков. Он решил идти к Корниле домой, да и бывший атаман в войсковой появлялся редко и все дела вел у себя в курене.

В курень бывшего атамана Козлов явился под вечер следующего дня, как вернулся в Черкасск. Казаки, знавшие Афанасия, завидев его, засыпали вопросами, а также интересовались, почему он до срока вернулся. На то им Козлов отвечал: «Послан я в войско Донское самим атаманом Степаном Разиным».

Подойдя к воротам дома Яковлева, Афанасий решительно постучал в дощатую калитку. Два огромных цепных пса кинулись к воротам, громко, с визгом лая. Он от неожиданности отпрянул и попятился, боясь, что псы сорвутся с цепи. Но испугался напрасно: на крыльцо вышел сам Корнило, свистнул

и что-то крикнул; собаки, поджав хвосты, спрятались под крыльцо. Увидев Козлова, бывший атаман с удивлением воскликнул:

– Неужто Афанасий вернулся?! – и тут же с тревогой спросил: – А Разин где? – Яковлев выглядел испуганным.

Афанасий про себя отметил: «Видно, бояться Стеньку домовитые казаки», – но Корниле сказал:

– Стенька Разин еще в Астрахани.

– Почему же ты здесь, а не там? – задал вопрос Яковлев, в тревоге вглядываясь в лицо пришедшего.

Оглядевшись по сторонам, Козлов вошел в ворота. Атаман усадил Афанасия в саду на лавку, принес в яндовах сыто и опять спросил:

– Что же случилось? Почему ты до времени тут?

– А то, Корнило Яковлевич, что раскусил меня там Фролка Минаев. И то, что мы задумали их сравить со Стенькой, не получилось. Еле ноги унес из Стенькиного войска. Хорошо, что астраханский воевода помог мне, а то загубили бы меня казаки как изменника.

– С Прозоровским мы сносились и насчет тебя говорили. Он что-нибудь велел мне передать? – спросил Яковлев.

– Велел, Корнило Яковлевич, – Афанасий проворно достал из-за пазухи грамоту и подал ее бывшему атаману.

Яковлев развернул грамоту, стал читать. И чем больше он читал, тем серьезнее становилось его лицо:

– Да, ловко их обвел вокруг пальца Стенька. Сметлив и хитер вор – всем нос утер. Только все его богатства, добытые в походе, как пришли ему махом, так и уйдут прахом. Знаю я его, раздаст все нищим.

– Это так, Корнило Яковлевич, – поддакнул Козлов.

– А много ли богатства везет Разин? – поинтересовался Яковлев.

– Много! И если приволокут казаки все это на Дон, то заживут безбедной жизнью.

– Что говорит Стенька? Куда после Астрахани намерен идти?

– Корнило Яковлевич, все он держит в тайне. Куда он думает, никому неизвестно, а твердит всем, что на Дон. У Разина не узнаешь, зело хитер. Надо ждать его прежде в Черкасске и быть наготове.

Корнило нахмурился, задумался, по всему было видно, что приход Разина в Черкасск ему не по душе. Бывший атаман с минуту сидел, погружившись в мысли, затем поднял глаза на Афанасия и заговорил:

– Большие виды я на тебя имел. Надеялся, что внесешь ты раздор в войске Разина. А оно не вышло. Убег ты раньше времени. Если был бы там, может, еще что и придумали... А сейчас...

Афанасий заерзал на лавке, чувствуя свою вину в том, что не довел дело до конца. Поглядев преданно на Яковлева, сказал:

– Виноват я, Корнило Яковлевич, видно, не так дело повел, а может, Фрол Минаев не поверил. Только скажу тебе, что сперва все у меня ладилось, я даже радовался. Ввел я тогда Фролку в большое смятение, стал он на Стеньку смотреть как на вражину. А вот как пришел Серега Кривой со своими казаками, а с ним были и из Черкаска ребята, вот он, наверно, все вызнал у них, что женка его в порядке, и тогда пошло у меня все дело наперекосяк.

– Это про какую ты женку говоришь? – спросил Корнило.

– Наговорил я Фролу Минаеву, будто Фролка Разин к его женке захаживает, тот сначала поверил.

Корнило улыбнулся в усы, затем сказал:

– Нашел кого оговорить! Что-нибудь придумал бы поумней. Фролка-то, как красна девица, не в пример Стеньке, до сих пор баб боится, а ты на него такое наговорил. Не знаю, как он тебе поверил?!

– Кому надо собаку ударить, тот съест палку, – ответил Афанасий.

– Маленько не ту палку ты взял. Ну да ладно: иди в свой курень, когда надо, позову.

Козлов поднялся, хотел было уходить, но Корнило остановил его, сказав:

– Погоди-ка, Афанасий, пока посиди, сейчас я приду, – и заспешил к себе в дом. Через некоторое время Яковлев вышел, неся в руке кожаный мешочек. Подойдя к казаку, Корнило вложил в руки Афанасия мешочек: – Возьми, Афанасий, этот кошель с серебром за службу.

Дрожащей рукой Козлов развязал кошель, запустил в него руку, перебирая звонкую монету, затем осторожно вновь завязал кожаные тесемки, с улыбкой положил мешочек за пазуху. Поклонился до самой земли бывшему атаману, промолвив:

– Спасибо, атаман, что ценишь службу людей своих. А я уж и не чаял!..

– Будя, будя, Афанасий, ступай, да по дороге кликни ко мне домовитых: Самаринина, Подкорытова да Мельникова с Сидельниковым. Мне с ними поговорить надобно.

Афанасий от Корнилы вышел на улицу в приподнятом настроении, думая о том, что все-таки оценил Яковлев его службу, серебро дал, и пощупал рукой за пазухой кошель, который приятно охлаждал тело. «Деньги-то он дал, – размышлял дальше казак, – а вот чарки вина не подал, выпить со мной не захотел. А это уж не по казацкому обычаю». Подумав об этом, Афанасий опять впал в апатию. Козлов стал ненавидеть себя за то, что согласился на предательство своих же товарищей. «А если Стенька придет в Черкасск, что тогда?..» От этих мыслей он затосковал еще больше, даже серебро за пазухой стало тяжелым. Но, пересилив себя, казак продолжал думать: «Да и что я такого наделал, не убил же никого? Да ну их к черту, всех этих атаманов! Пойду-ка я лучше в кабак и напьюсь», – решил Афанасий. Не заметил, как вышел на майдан около войсковой избы. Кабак был недалеко, и Афанасий решительно направился к нему. Но в это время кто-то дернул его за рукав. Козлов обернулся и побледнел: перед ним стояла Алена, жена Разина.

– Еле тебя разыскала. Казаки сказали, что ты от Степана вернулся по делам в войско Донское. Я даже сперва не поверила, а они говорят, что правда. Почти полгородка обегала, тебя разыскивая, даже в курене у тебя была, но твоя женка сказывала, мол, не знает, где ты.

Алена сильной рукой ухватила казака за кафтан, увлекая его за собой. Афанасий попытался высвободиться, но не тут-то было: женщина не отпускала его, засыпая вопросами, спрашивая о Степане Разине, о его войске.

Козлов стоял, будто проглотил кол, не зная, что ответить и как уйти от женщины.

Присмотревшись к казаку, Разина заметила, что с ним что-то неладное, и спросила испуганно:

– Не заболел ли ты, Афанасий? Или пьян?

Казак молчал. И что мог он ответить казачке? Рассказать о том, что предал своих товарищей за кошелек серебра, и о том, как бежал из разинского войска? И вдруг его охватила такая злоба на себя, на Разина, на эту женщину. Ему захотелось сделать плохо Алене и не видеть этих счастливых глаз, полных ожидания и радости за мужа, атамана, освободителя и радетеля за народ. Бешеная злоба переполнила Козлова и выплеснулась жестокой подлостью, как у всех трусливых людей.

– Наверно, муженька своего дожидаясь? Ждешь, поди – не дожدهшься? Жди! Жди! Только забыл он тебя давно, казачка! Завел он в любовницы ханскую дочку – княжну. Любится, целуется с ней, сам видел – и не шибко-то домой торопится. Привезет ее к тебе в курень второй женкой. Будете жить, как басурмане. У них-то по несколько женок, – и, совсем разойдясь, плюнул на землю и сказал: – Тьфу ты, какой грех, господи!

Алена сперва с удивлением слушала казака. Затем побледнела, лицо ее как бы одеревенело, в глазах заходили злые искорки. Казачка схватила Афанасия за грудки, притянула к себе, затем вдруг резко, по-мужски, ударила его кулаком в подбородок, и он, как подкошенный, покатился в придорожную пыль.

Развернулась и пошла, не оглядываясь, к себе домой.

Размазывая пыль по лицу, Козлов медленно встал на корячки, затем кое-как сел на задницу, хлопая от удивления глазами. А вокруг собрались казаки. Посмеиваясь, спрашивали:

– Это за что она тебя так?

– Наверно, за дело, – сказал кто-то. – Алена за так не угостит.

– Ловко она его уважила! – опять кто-то крикнул.

– Плохого человека ничем не уважишь, – ответил ему другой казак.

Стоявшие вокруг Афанасия казаки опять захохотали. Один из них поднял его, поставил на ноги, спросил:

– Сказывай, за что она тебя так?

– А черт ее знает за что! Не казачка, а сатана, – плаксиво загнусавил Афанасий, еле шевеля челюстью.

– Не может быть такого! Сказывай, за что! – наступали казаки.

– Она стала спрашивать про Степана, а я возьми да и скажи ей, что, мол, везет твой казак, кроме больших богатств, ясырку-княжну. Вот она мне и влепила, – стал оправдываться Козлов.

– Ну, это за дело. Болтать не будешь, чего не надо.

Афанасий вытащил из-за пазухи мешочек с серебром, подбросил его в руке и позвал окруживших

его людей:

– Айда, ребята, в кабак. Я угощаю.

– Коли так, то мы не против, – ответил один из казаков, и они всей гурьбой поспешили за Афанасием.

Этот вечер для Козлова и Корнилы был неудачным, можно сказать, пустым.

Афанасий пропил заработанное предательством серебро, а затем был избит развеселившимися на его деньги казаками и выброшен на улицу. Явился он в свой курень без кафтана, рубашки, почти нагой – в одних разодранных шароварах.

Корнило же Яковлев, собрав своих ближних домовитых казаков у себя дома, за полночь засиделся с ними. Судили-рядили, что же им делать, когда на Дон явится Степан Разин. Так ничего не придумав, недовольные друг другом, разошлись, проклиная удачливого атамана.

6

На 25-й день августа Степан надумал появиться в приказной палате и решить все дела с астраханскими воеводами. В город атаман прибыл в сопровождении большой толпы горожан. Люди с любопытством разглядывали Разина, его ближних есаулов и сопровождающих казаков, дивились на их богатую одежду.

Степан Тимофеевич милостиво одаривал горожан золотыми и серебряными монетами, убогим и нищим давали казаки товар и одежду. К приказной палате подошли в определенном порядке. Впереди шел Разин с ближними есаулами, неся в руке атаманский бунчук. За ними Ефим под уздцы вел двух белых аргамаков, подаренных персидским шахом русскому царю. Кони были необыкновенной красоты, выгибали шеи, всхрапывали, пытались встать на дыбы, но, чувствуя сильную руку Ефима, покорно шли за казакком. За Ефимом двигались пленные – ханский сын Шабалда и купеческий сын Сехам-бет – в сопровождении казаков, которые несли два сундука с посулами.

Подойдя к приказной палате, казаки остановились. На крыльце их уже встречали князь-воевода Львов, дьяк Игнатий и приказные люди.

Сделав навстречу Разину с крыльца несколько шагов, Семен Иванович сказал:

– Давно поджидаем тебя, Степан Тимофеевич! Что-то ты не торопишься нас навестить и решить неотложные дела.

Разин ничего не ответил воеводе, только улыбнулся чуть заметно, его так и подмывало отпустить какую-нибудь шутку по этому поводу князю Львову, но сдержал себя атаман, дабы не испортить дело.

– Прошу, казаки, заходите в палату, – пригласил Львов и первым взошел на крыльцо, а затем и в дверь.

Атаман, не спеша, поднялся на крыльцо, повернулся в сторону казаков, заломил баранью шапку набекрень, весело подмигнул, затем попросил:

– Иван Черноярец, Григорий, Фрол Минаев, айда со мной, а остальным всем пока ждать, – и вошел в приказную палату.

Здесь было много людей, они куда-то сновали, что-то писали, разговаривали, но как только появились казаки, все притихли, подняли головы, неотрывно уставились на атамана, зашушукались.

Разин первым подошел к столу, за которым сидели князь Львов и дьяк Игнатий, положил бунчук, знак атаманской власти. Черноярец и Минаев положили на стол войсковые знамена.

Степан и его есаулы не стали кланяться перед воеводой и приказными людьми, хотя поклона от них ждали. Разин сразу начал говорить:

– Наше войско бьет вам челом и поручило нам сложить перед вами бунчук и знамена, а также передать вам пленных и аргамаков. Отпускаем служилых людей, которые в нашей войске поневоле и пожелали уйти от нас.

Львов внимательно выслушал Разина, улыбнулся, затем пригласил атамана и его есаулов за стол, где уже были наполнены кубки с вином. Пока казаки рассаживались за столом, князь-воевода как бы между прочим спросил:

– А что же ты, Степан Тимофеевич, молчишь насчет морских лодок и пушек? Ведь ты возвращаешься на Дон, они тебе ни к чему.

– Это ты правильно говоришь, Семен Иванович. Мол, они вроде нам бы и не нужны, но если посмотреть с другой стороны, то необходимы.

– А зачем? – живо заинтересовался князь.

– Перво-наперво, для защиты от татар, когда по степи пойдем от Царицына до Паншина, а также для обороны от крымских и азовских людей. Все же идти с добычей будем, и охотников до чужого добра немало найдется, – пояснил Разин.

– А вдруг ты новый поход затеешь? – хитро прищурившись, спросил воевода.

– Устали мои ребята для нового похода: домой хотят.

– Тогда почему лодки и пушки не отдаешь?

Степан побагровел лицом, желваки заходили на скулах, в глазах заиграли злые огоньки, но сдержал себя и ответил:

– Нашто, нашто! Я ж тебе сказал, князь, нашто!

– Коли нужны пушки для защиты от татар, – нажимал воевода, – тогда возьми четыре медных, шестнадцать железных затинных, а все лишнее отдай, а также сдай нам тринадцать стругов морских. А взамен возьми мелкие речные суда.

– Добре, – согласился Степан после раздумья, радуясь в душе, что князь не упоминает о товарах, отобранных у персидского купчины под Астраханью, а также о пленных, захваченных в Персии и Туркмении.

Князь Львов взял в руки кубок с вином, подмигнул Степану Разину:

– За здоровье персидской княжны!

Степан сменился в лице и промолчал.

– Что же ты, атаман, не похвалишься своей ясыркой?

«Пронюхал все-таки и про княжну» – подумал про себя Разин, а Львову ответил:

– Об этом буду говорить с самим воеводой, – и тут же спросил с любопытством: – А где же сегодня воевода Прозоровский?

Князь Львов переглянулся с дьяком Игнатием, затем ответил:

– Иван Семенович сегодня приболел и сам прийти не смог, поэтому все дела с вами поручил вести мне.

Казаки и астраханское начальство, увлекшись делами, забыли про накрытый стол, к вину никто не притрагивался.

Наконец Львов, опять подняв кубок, произнес: – Давайте все-таки выпьем по чарке, тогда и легкое дело решить, – и первый выпил крепкого вина. Его примеру последовали остальные.

Иван Черноярец, перекусив после первой чарки и вытерев усы рукавом, заговорил:

– Наше войско бьет челом перед воеводой Иваном Семеновичем Прозоровским и просит позволить нам послать станицу в Москву, чтобы принести вины казацкие своему великому государю.

Услышав о станице в Москву, князь Львов поморщился так, будто съел что-то кислое, затарабанил пальцами по столу, заерзал на лавке: по всему было видно, что затея атамана со станицей воеводе не нравится.

Подумал про себя князь: «Еще воров там, у государя, не хватало». Но делать было нечего, в споры вступать с казаками из-за станицы у воеводы в планы не входило. Он ответил:

– Что ж, об этом я сообщу Ивану Семеновичу, – и опять подумал: «Пусть едут, а за это атаман может мне посулы хорошие отвалить» – и скосил глаза на два туго набитых сундука, стоящие у двери.

Перехватив жадный взгляд воеводы, атаман обратился к Черноярцу:

– Не пора ли нам, Иван, одарить посулами наших астраханских начальников?

– Пора, Степан Тимофеевич, пора! – и, встав с лавки, заспешил к сундукам.

Черноярец достал из них дорогие товары, меха, украшения, золотую и серебряную посуду и стал одаривать приказных людей. Те жадными глазами следили за раздачей подарков, завидую друг другу.

Князя и дьяка Игнатия Разина одарил сам лично. Два тюка аксамита и зарбафа, горлатную шапку с узорочьями атаман положил перед воеводой и прошептал ему почти на ухо:

– Сегодня, князь, жду тебя на своем струге. Поговорить надобно.

Львов даже не подал виду, что слышит шепот атамана. Продолжал внимательно рассматривает узорочье, но в ответ шепнул:

– Ладно, жди.

Уловив шепот между князем и атаманом, дьяк Игнатий наострил уши, прислушался, но в это время по знаку Разина перед дьяком поставили золотую и серебряную посуду, положили тюк парчи и камки мисюрской. Дьяк так и впился глазами в подарки, обрадованный, обхватил тюк с парчой дрожащими руками, пощупал товар тонкими, костлявыми пальцами, поросшими рыжими волосами. Алчные глаза Игнатия горели, он с жадностью продолжал глядеть на сундуки.

Разин снова сделал знак, и казаки поднесли дьяку кафтан голубого цвета, расшитый канителью. Дьяк живо примерил его: кафтан пришелся ему впору.

После подношения подарков казаки и приказные люди выпили вина. Разговор за столом оживился. Уже через некоторое время дьяк Игнатий сидел в обнимку с Ефимом и попом Феодосием. Тот бубнил басом, рассказывая о своей ясырке, которую он, изрядно подвыпив, решил подарить дьяку:

– Ты, дьяк, от подарка не отказывайся, я ведь эту бабенку, почитай, за так отдаю, потом не пожалеешь.

Дьяк, уже изрядно выпив, тупо соглашался, потом вдруг спросил:

– А на что мне эта басурманка? Что я с ней делать буду?

– Как это на что? – удивился Феодосий.

В это время Ефим, расправив могучие плечи, запел:

Захотела меня мать

За Ивана отдать, –

Найду, найду, маменька,

Пойду, не подумаю:

У Ивана в саду яма,

Завсегда я буду тама.

Захотела меня мать

За Степана отдать, –

Найду, найду, маменька,

Пойду, не подумаю:

У Степана три стакана,

Завсегда я буду пьяна.

Захотела меня мать

За Филиппа отдать, –

Найду, найду, маменька, –

Пойду, не подумаю:

У Филиппа в саду липа,

Завсегда я буду бита...

Когда Ефим закончил песню, дьяк Игнатий, совсем развеселившись, хрипло запел:

Захотел меня казак

За ясырку отдать...

Все застолье покатило со смеху. Князь Львов хохотал от души, даже прослезился. Игнатий же, закончив песню на полуслове, с удивлением озирался на всех.

Видя, что веселье зашло далеко, князь Львов решил сегодняшнюю встречу с казаками закончить. Поднял чарку и громко сказал:

– Выпьем за здоровье государя нашего Алексея Михайловича!

Все застолье вскочило на ноги с криками: «За государя нашего! За Алексея Михайловича!»

Князь исподволь наблюдал за Разиным, как же он поведет себя в подобной ситуации. А атаман, налив полную чарку вина, подошел к воеводе и сказал: «Выпьем же, князь, за государя нашего и будем ему верными слугами!»

7

Шестеро казаков во главе с Лазарькой Тимофеевым сегодня станицей отбывали в Москву, чтобы принести вины разинского войска великому государю всея Руси Алексею Михайловичу.

Степан Разин, провожая станицу, говорил с Лазарькой с глазу на глаз, наставлял, как вести себя и что говорить в Москве государю. Потом расцеловал на прощание каждого казака крест-накрест, по русскому обычаю, и затем долго глядел вслед уплывающей вверх по реке станице, до тех пор, пока лодки не скрылись из виду.

Дни летели за днями, а встречу с воеводой Прозоровским Степан Разин откладывал. Казаки по-

прежнему ходили в город, торговали товаром, лечили раны, мылись в банях, братались с черными людьми. Сам атаман тоже частенько наведывался в город, а на воеводский двор не заходил.

Жили разинцы напоказ, безмерно сорили деньгами, без усталости бражничали, радуясь передышке от похода. Атаман с ближними есаулами часто устраивал праздничные катания по Волге – с шумными пирушками, на удивление и зависть астраханцам. В это время по берегу реки собирались большие толпы народа. Простой астраханский люд восторженно кричал, славя с берега атамана и его войско.

Еще когда первый раз казаки собрались идти в город, атаман всех крепко-накрепко предупредил: «Упреждаю, ребята! Жителей астраханских не задирать, женок не трогать. Торговые дела с купцами и простыми людьми, а также любовные дела с бабами решать миром. А тот, кто нарушит мой наказ, узнает, остра ли моя сабля! Помните, вы пришли домой, в Россию, вы – защитники простого народа!»

И этот наказ никто из разинцев за все время пребывания у Астрахани не нарушил. Но сегодня случилось непредвиденное. Проводив станицу, Разин уединился с княжной на своем струге. Вдруг внимание его привлекли голоса множества людей, крики, перебранка:

- Эй, вы, отпустите казака! – гневно кричал кто-то из разинцев.
- Чего его тащите?!
- Смотрите, ребята, как они избивали нашего Леску! – опять закричал кто-то из казаков.

Разин резко отстранил от себя княжну, схватил саблю и выскочил на палубу. Около мосточка, у струга, Степан увидел огромную толпу астраханцев и казаков. Два здоровенных мужика под руки держали Черкашина. Вид у есаула был ужасен: одежда изорвана, избитое лицо – в синяках и кровоподтеках. Один глаз у Лески совсем заплыл, другой беспокойно бегал.

Атаман хмуро взглянул на толпу:

- Что же это такое? Почему мой есаул избит?!

Вперед вышел русобородый, небольшого роста астраханец, снял шапку, поклонился атаману в пояс:

– Батюшка ты наш, атаман! Вот этот твой казак изнасилничал мою женку. Зазвал я их к себе в гости как добрых, угощал, а они выгнали меня из моего дома и давай тешиться с ней. Хорошо, что люди помогли от них отбиться, – и астраханец указал на толпу народа.

Степан сразу же сменился в лице, побледнел, прорычал:

– Ах ты – сволочь! – выдернул резко из ножен саблю и кинулся на Леску. Толпа астраханцев и казаков отпрянула назад, оставив Черкашина один на один с разъяренным атаманом. Есаул стоял, боясь взглянуть на Разина.

- Предупреждал я всех или нет?! – взревел Разин, подступая к Леске с саблей.

Есаул молчал.

Молнией сверкнула сабля атамана, и лежать бы в песке Черкашину с отрубленной головой.

– Батько, стой! Что ты делаешь?! – крикнул Семен Андреев – лучший друг Лески Черкашина, кинулся к атаману, подставив свою саблю и тем самым отвратив смертельный удар от есаула.

Но от сильного удара оружие вылетело из рук Семена и покатило по песку, а разгневанный атаман уже снова занес клинок над головой Семена. Сверкнул клинок, но к атаману кинулись Фрол Минаев, Якушка Гаврилов, Иван Черноярец, заломили ему руки, отобрали саблю, потащили на струг. Атаман рычал, страшно матерился, упирался, кричал:

- Убью подлеца! Чтобы духу его тут не было!

Казаки втащили атамана на струг, а испуганная толпа разошлась. Виновника же укрыли до поры до времени, пока батько не отойдет.

Долго Степан неистовствовал у себя на струге, проклиная Леску.

Испуганная княжна забилась в угол. Потом атаман затих, потребовал себе вина. Хмурый и злой, пил в одиночестве водку без закуски. Вздыхал, ругал себя в душе за неудержимую свою ярость. А у атаманова струга на берегу роптали казаки:

– Сам, небось, с княжной тешится, а тут казак бабенку нашел, и из-за этого его жизни лишать? Да где это видано?

Кто-то из мужиков сказал:

– Да эта баба сама, по согласию, отдалась Леске – за узорочье. А муж ее шум поднял, народ созвал.

Прислушивался Разин к словам казаков, еще больше проклинал себя за горячность, но что было делать, жалеть поздно...

Заскрипел мосточек, на атаманов струг зашел Иван Черноярец и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Степан Тимофеевич, большие лодки для катания по Волге готовы. Натянуты разноцветные паруса, приготовлены снедь и вино.

Атаман поднял голову, непонимающе уставился на Ивана, спросил упавшим голосом:

– Какие еще катания?

– Ты же сам с утра распорядился приготовить лодки.

Степан молчал, не зная, что ответить.

Тогда Черноярец стал его успокаивать:

– Не горюй, Тимофеевич, всякое бывает. Не надо бы тебе, атаман, перед казаками-то скисать.

Разин с надеждой посмотрел на своего есаула, думая про себя: «Хоть он меня не судит!»

А Черноярец с нетерпением заторопил атамана:

– Поспешай, Тимофеевич, пошли в лодку, вон она уже у борта твоего струга стоит.

Атаман неуверенно поднялся, направился к лодке, где уже сидели ближние есаулы, перешептываясь между собой. Последним туда прыгнул Черноярец, и судно медленно отчалило от берега. Казаки выгребали на середину реки. В лодке не было веселья.

Разин сидел один на носу струга, молчал, хмуро глядя из-под густых бровей на берег, где собирались уже толпы астраханцев.

А сзади чуткое ухо Степана улавливало негромкие речи его есаулов.

– Сам тешится с княжной, а нам нельзя!

– Вожжается с этой басурманкой, а с нами даже чарку выпить не хочет!

– Ребята, ведь он через нее бабой стал!

Слушал атаман такие речи своих казаков, и все в нем кипело. Неукротимая натура его искала выхода. Выпив водки, утерев рукой губы, атаман вдруг встал.

В струге все примолкли, как замороженные, уставились на Разина. Он медленно подошел к борту лодки, затем остановился и печально произнес:

– Вернул я княжну. Персидские купцы выкуп внесли.

Кое-кто из ближних есаулов от удивления привстал с места. Кто-то хотел высказаться, но осекся и замолчал.

Степан смахнул рукой набежавшую слезу, молча сел на край борта лодки, опустил голову.

Вдруг он выпрямился и крикнул, обращаясь к музыкантам:

– А ну, братцы, плясовую!

Грянула плясовая, неистово загремели бубны, им вторили накры.

– Эй, Еремка, черт, пляши! – крикнул атаман срывающимся голосом и, взяв ядову с вином, выпил до дна, не отрываясь.

Есаулы молчали, избегая взглянуть в глаза атаману, не знали, как вести себя.

А Еремка тем временем волчком крутился в пляске, выделывая замысловатые коленца. К нему присоединилось еще несколько есаулов.

Иван Черноярец, подняв чарку, крикнул:

– Братцы, пьем за атамана нашего, Степана Тимофеевича!

Есаулы закричали вразнобой:

– Любо!

– За батьку!

– За Степана Тимофеевича!

Казаки выпили, заговорили веселее. Атаман по-прежнему молчал. Он чувствовал, что бразды правления опять в его руках. Все заискивающе заглядывают ему в глаза, готовы исполнить любое его желание, снова идти за ним в огонь и в воду. Разин печально улыбнулся, потом пристально поглядел на своих есаулов и сказал:

– Что же вы, братцы, приуныли! – и, подняв свою чарку, крикнул: – Выпьем за княжну!

Казаки выпили вино, атаман же, не допив свою чарку, с размаху бросил ее за борт.

Обняв Ивана Черноярца и Фрола Минаева, Ефим запел:

Ой, матушка, тошно,

Сударыня, грустно!

А я с той тоски-печали

*Не могу ходити,
Сердечного, любезного,
Не могу забыти...*

Пока Ефим пел, Разин сидел, устремив потускневший взгляд на реку. Веселья не получалось. Иван Чернойрец дал знак гребцам, чтобы они плыли к казацкому стану. По прибытии в лагерь Разин уединился, пил несколько дней водку, никого к себе не подпускал, кроме Ефима и Еремки.

Слышались с атаманова струга грустные песни, которые пел Ефим. Разин тосковал по княжне, клял себя за горячность, проклинал себя за то, что отдал персидским купцам красавицу.

Казаки, проходившие мимо, слыша в песнях безысходную тоску, качали головами:

– Эх, как сердешный убивается! Как душу надрывает!

8

Утро выдалось прозрачное, голубое. Небо и Волга на горизонте слились в одну светлую линию. Только у берегов, в глубоких заводях реки, вода была по-осеннему темно-лазурна, и лишь изредка под дуновением ветерка по ее поверхности пробегала серебряная рябь. Кустарник и плакучие ивы, растущие по берегу, были нарядны, кое-где багряны с желтизной в листве.

Сегодня Разин собрался на воеводский двор. Тоску-кручину атаман в это утро отбросил как ненужную шелуху. Нужно было делать дело и побыстрее уходить на Дон.

Иван Чернойрец еще с вечера был предупрежден атаманом о предстоящем визите, и поэтому сундуки с посулами воеводе были уже готовы. Ближние есаулы, при оружии, отделанном золотом и серебром, толпились у атаманова струга, поджидая Степана.

Разин неторопливо вышел из своего шатра, пружинистой легкой походкой направился к ожидающим его казакам. Он ловил на себе виноватые, заискивающие взгляды ближних есаулов, видно, они тревожились за него, за его настроение, знали: дело у него сегодня нешуточное. Понимали, что сегодня решается их судьба: идти им домой на Дон или еще долго оставаться в Астрахани. Но Степан был сегодня в хорошем настроении и намеревался закончить все дела с воеводами одним махом.

Князь Прозоровский встречал Разина на крыльце как дорогого гостя. С ним рядом стояли воевода Семен Львов, дьяк Игнатий, подъячные, стрелецкие начальники, служилые иноземцы. Атаман перемигнулся с Иваном Чернойрцем, тот чуть улыбнулся, кивнул головой, этим самым показывая, что, мол, сам воевода астраханский встречает их.

Степан с любопытством разглядывал Прозоровского. Князь был худощав, высокого роста, с седой бородой, строгим надменным лицом и тонкими губами.

Так вот он каков, его заклятый враг, грозный астраханский воевода?! Переломив свою гордость ради будущего дела, поклонился в пояс Прозоровскому и сказал:

– Здравствуй, пресветлый князь-воевода Иван Семенович!

Сделал знак ближним есаулам. Те степенно поднесли подарки боярину: тюки тканей, ковер бухарской работы и золотую посуду. Воевода подарки принял, но посмотрел на казаков неприветливо – без улыбки и доброжелательства в лице, а сам то и дело косил глаза на подаренное добро. Видно, взыграло сердце у князя при виде такого богатства.

– Проходите, гости дорогие, давненько мы вас поджидаем, да вы что-то не торопились со встречей, – сказал воевода, провожая казаков в княжеские палаты, где приглашенных ожидали на–крытые столы, на которых красовались заморские вина, яндовы с хмельным медом, сытные закуски, горы пряных сладостей.

За столом Разин оказался напротив воеводы Прозоровского. Атаман и князь изучающе рассматривали друг друга, как бы примеряясь для будущего разговора.

После нескольких чарок за здоровье государя Алексея Михайловича, его жены и детей начал говорить воевода Прозоровский, обращаясь к атаману:

– Надобно бы нам, Степан Тимофеевич, дела наши решить миром, по добру. Перво-наперво нужно переписать всех казаков поименно, сдать пушки, которые вы взяли с боем на Волге, в Яицком городке и за морем в персидских пределах. Отдайте всех пленных людишек, а также шахова гостя пожитки и захваченные вами лодки.

Слушал Степан воеводу, ел, пил, хвалил угощение, но Прозоровскому пока не говорил ни слова, только иногда желваки на его скулах ходили ходуном да глаза загорались недобрым огнем. А когда

выговорился князь и принялся за еду, заговорил Разин:

– Все наше войско бьет челом великому государю и приносит ему свои вины, на то станица наша в Москву отправлена. Барахло шахова гостя, которое мы взяли на взморье, в лодках, вернуть не можем, потому как оно разделено между казаками, а ясырь мы добыли саблей, и многие казаки за него головы положили или поранены в шаховой области. И тот полон разделен у нас между казаками. А именной переписки всех казаков не бывать! Нигде нас, казаков, никогда не переписывали, а в милостивой грамоте государя об этом тоже ничего не сказано. На том тебе, князь-воевода Иван Семенович, наше все казацкое войско челом бьет.

Выслушав речь Степана, астраханский воевода нахмурился, но спорить не стал, так как хотелось ему, чтобы казаки поскорее ушли из Астрахани. Знал боярин, что разинцы братаются с черными и работными людьми, что весь бедный астраханский люд поддерживает атамана и готов идти за Разиным в огонь и в воду, лишь бы он клич бросил. Бедный и работный люд сбегает к казакам, чтобы скрыться от жестоких хозяев и долгов. Каждый день шли к Прозоровскому купцы, стрелецкое начальство и богатые люди города, просили унять казаков, а также вернуть сбежавших холопов. Князь обещал просителям, но сам ничего не мог предпринять, так как боялся народного гнева: и так уже черные люди перестали бояться своих хозяев и астраханское начальство.

Казацкое войско численностью было небольшим, об этом воевода знал, и при желании Прозоровский смог бы побить разинцев, но также знал боярин, что в случае чего вся гольтьба встанет на сторону Разина, а тогда неизвестно, чья возьмет. Поэтому единственное желание было у астраханского воеводы, чтобы атаман быстрее ушел из города с миром.

Пили казаки с астраханскими воеводами, зорко следили друг за другом. Сам атаман вел себя спокойно, пил вино, похваливал угощение, улыбался, весело подмигивал астраханскому начальству. Хоть и давно было оговорено с князем Львовым, что должен атаман сдать воеводам пушки, пленников, кое-какое барахло, но с выполнением Разин не торопился.

Бурлило все в душе у Прозоровского, жалел уже князь, что подпустил казаков к Астрахани, что разрешил разинцам поселиться у города, что не побил их сразу, да делать нечего, теперь уже поздно. Так думал князь, еще пристальнее разглядывая Разина и отмечая в уме: «Видно, умен атаман! Ох и хитер, дьявол!»

Взяв полный кубок с вином, Степан поднял его, крикнул низким голосом: «Пьем за скорое возвращение на Дон!»

Все выпили, а Прозоровский подумал: «Исполнилось бы твоё желание поскорее. Сдавал бы все, что требуется, да плыл бы себе на Дон. Ан нет, не торопится, все что-то вынюхивает, выжидает да смущает народ!»

После нескольких чарок астраханцы и разинцы стали чувствовать себя оживленнее, и враждебная стена, которая существовала ранее меж ними, исчезла. Собравшиеся разговорились, иные поспорили, а кое-кто нет-нет, да пытался затянуть песню. Казалось, все было хорошо, но иногда Разин во время пира чувствовал на себе тяжелый, враждебный взгляд кого-нибудь из начальных людей. Поймав этот взгляд, Степан хитро ему улыбался и подмигивал.

Федор Сукнин сидел за столом рядом с атаманом. Опрокинув несколько чарок, есаул захмелел, но от этого веселее не стал, а только еще больше хмурился. Грусть-тоска одолела Федора – по погибшей жене и неизвестно куда пропавшим детям. Есаул то и дело хмуро оглядывал стол, стараясь угадать, где же здесь дьяк Игнатий, который, как ему было известно, повинен в его горе. Не подозревал Сукнин, что сидит как раз напротив его. Дьяк уже сильно захмелел от выпитого, бессмысленно улыбался, тряс своей реденькой бородой, разговаривая с князем Львовым.

Ткнув локтем атамана под бок, есаул спросил:

– А где же, батько, сидит дьяк Игнатий?

Разин внимательно посмотрел на Федора, нахмурился, прошептал:

– Вон, против тебя он. Но смотри у меня, Федор, без баловства, а то испортишь мне тут все. Сдержи себя ради дела!

Ничего не ответил Сукнин, только сильнее побледнел лицом. Вспомнилась ему Мария, ее выразительное, красивое лицо, живые глаза, и дети – ласковые мальчики, с чистыми, любопытными глазенками. И от всего этого комок подступил есаулу под горло, крупная слеза медленно покатила по щеке.

В это время воеводские слуги принесли горячую уху из осетрины и стали расставлять в оловянных

тарелках перед гостями. Поставили уху и перед дьяком, но тот уже был изрядно пьян, голова его то и дело клонилась в тарелку, он тыкал ложкой мимо ухи. Сукнин осушил большой кубок вина, закусил, потом медленно встал, протянул руку через стол, загреб волосы на голове Игнатия, окунул его лицо в горячую уху и там немного подержал. Произошло это так быстро и незаметно, что многие за столом, увлеченные гулянкой, даже не обратили на это внимания и подумали, что казак достает себе что-нибудь из закусок. Но когда есаул отпустил дьяка и сел на место, Игнатий соскочил с лавки, выпучил глаза и, хватая ртом воздух, визгливо закричал во всю мощь своих легких:

– Ратуйте! С нами нечистая сила!

За столом все притихли, повернулись в его сторону, непонимающе посмотрели на кричащего. Пострадавший выскочил из-за стола и запричитал:

– Ой, ой, ой! Чуть не утоп в ухе!

Прозоровский, сделав знак своим дворовым, сказал:

– Уведите дьяка домой, опять опился вина так, что в тарелку с ухой окунулся.

Двое дюжих молодцов подхватили Игнатия под руки, потащили к выходу из палаты. Тот упирался, мотал реденькой бородой с застрявшими в ней рыбьими костями и кричал:

– Кто это сделал?! Кто обмакнул меня в уху?

Вокруг хихикали, а кое-кто закатился веселым смехом. Атаман, видевший всю эту картину от начала до конца, гоготал от души.

Наконец Игнатия увели. Атаман саданул локтем Федора под бок:

– Я тебе что сказал? Зачем лез?!

Разин внимательно посмотрел на Сукнина и понял, что тот рассчитается еще с дьяком. Снова грозно предупредил:

– Не балуй, Федор! С огнем играешь, все дело нам загубишь!

– Тогда отпусти меня, батько, на Яик посчитаться с Безбородовым, за мою Марию отомстить.

Разин задумался, прошептал:

– Потом поговорим об этом, а пока пей, гуляй, веселись. Вишь, воевода какое богатое угощение нам выставил.

Федор заскрипел зубами, пробурчал негромко:

– Чтоб глаза у него полопались, у этого воеводы!

Между тем пир продолжался, заиграли гусли, бубны. Посреди палаты выскочили скоморохи, заплясали и давай потешать народ.

* * *

В это время в спальне, на богатой постели, на мягких пуховиках Иван Красулин тешился с Анной Герлингер после долгой разлуки. Истосковалась женщина по любимому, по его сильному телу. Перебирала белыми руками русые кудри, целовала в губы, заглядывала в ясные глаза, расспрашивала о его новом житье-бытье.

– Чай, богатства много навез из-за моря, – любопытствовала Анна.

– Ты же знаешь, что я на барахло не падок, да и зачем оно мне?

– Как это зачем? – изумилась женщина. – Вон какие дорогие узорочья казаки с похода принесли. Неужто ты так ничего и не привез?!

– Почему же?! Привез. Только все это в общевоинской казне, мне пока ничего не надо.

Женщина на минуту задумалась, хотела еще что-то сказать, но вдруг кто-то постучал в окно. Анна встрепелась, быстро выскользнула из постели, накинула на себя летник и исчезла в одной из боковых дверей. Ее долго не было, только из-за дверей был слышен возбужденный разговор: один голос – мужской, другой – женский. Первый был как будто знаком Красулину. Он быстро подошел к двери и прислушался. Действительно, знакомый голос. Иван снова вернулся в постель и стал вспоминать, где же он все-таки слышал его, и вдруг вспомнил. Так это же голос Данилы, которого недавно привел Ефим из Астрахани и который остался у них в казацком войске. «Зачем он здесь? Как попал к Анне?» – подумал Красулин.

Наконец Анна вернулась в спальню, плотно закрыла за собой боковую дверь и легла к Ивану в постель.

Он спросил:

– Кто это?

– Это работный мой Алексей, по хозяйству в доме у меня управляется.
«Диво какое-то! – подумал Красулин. – Почему же голос у этого работного, как у Данилы?»
Долго, однако, думать об этом не стал: сегодня у него были другие заботы.

9

Казацкая станица прибыла в Москву к вечеру. В это время на улицах столицы было пустынно. Горожане с наступлением темноты спешили по домам. По местам становились сторожевые посты, протяжно перекликались между собой.

После дождей дороги на улицах города раскисли. Жидкая грязь заполняла выбитые колесами телег ямы. Только там, где улицы были вымощены толстыми бревнами, было сухо, и копыта лошадей глухо стучали о дерево. Когда мощная улица кончалась, уставшие кони вновь хлюпали копытами по лужам.

Из разинской станицы никто еще ни разу не бывал в Москве, поэтому казакам многое было на диво. Они то и дело задирали головы вверх, удивлялись, разглядывая каменные и деревянные здания домов и церквей. А когда проезжали мимо храма Василия Блаженного, Лазарька Тимофеев даже рот открыл и с восхищением произнес:

– Вот это да! Какая красотища! Видно, веселый человек эту церковь строил.

Путники остановили коней. В это время к ним подошел стрелецкий начальник и крикнул:

– Чтой-то, казаки, тут крутитесь, али что потеряли?

– Нам бы постоялый двор какой найти, переночевать.

– А вот туды езжайте прямо по улице, а там будет первый проулок, свернете в него и увидите постоялый двор для приезжих.

Казаки развернули коней в ту сторону, куда указал стрелец. Непролазная грязь московских улочек и переулков не давала всадникам ускорить свой путь.

– И как здесь люди живут, чем дышают, – сказал, ни к кому не обращаясь, есаул. – То ли дело у нас на Дону – простор. Пустишь бывало коня вскачь, мчишься по степи, дышитесь вольно, легко. А тут? Теснотища, дух нехороший идет. Нет, я бы тут жить не смог.

– Видно, есть в этом для них, московитов, своя сладость, – ответил кто-то из казаков.

Вот и постоялый двор – длинное, черное, покосившееся деревянное строение, до половины вросшее в землю, с прилегающими к нему различными хозяйственными пристройками.

Всадники медленно пробирались по непролазной грязи, боясь попасть в яму, так как уже стемнело и дорогу было плохо видно. Подъехав вплотную к изгороди постоянного двора, не слезая с коней, застучали в ворота. Лазарька Тимофеев крикнул: «Эй, хозяин, выходи!» – и сильно постучал рукоятью плети по воротам. Ответа не последовало. В доме как будто все вымерло, только где-то внутри двора, тявкнув, протяжно завывала собака.

– Может, мы не туда попали, – высказал предположение один из казаков.

– Эй, хозяин, принимай народ на ночлег, – рявкнул во всю свою глотку Лазарька.

В одном из маленьких окон постоянного двора вздули лучину, и замелькал огонек. Заскрипела дверь, на крыльцо прошаркал небольшого роста сгорбленный мужчина и крикнул хриплым голосом: «Кто там так поздно? – и пробурчал: – Шатаются тут всякие тяпоголовы».

– Не бойсь, хозяин, открывай, не тати мы, а донские казаки! Открывай, хорошо заплатим, – ответил Лазарька.

Горбатый подошел к воротам, взгляделся в путников и, убедившись, что это действительно казаки, сказал:

– Только, казачки, пуховых перин вам не обещаю, припозднились вы, ребята, все места в ночлежке заняты, но крепкое вино будет и поесть найдем, сегодня только скотину освежевали.

– Открывай, хозяин, что уж там! Было бы где прилечь да охапка соломы. Мы не бояре, переспим, а то, что винцо есть и закуска хорошая, за это заранее спасибо, при расчете не обидим.

Хозяин резко выдернул закладку в воротах, отгоняя лающих псов и, прежде чем впустить казаков во двор, потребовал:

– Плату, казачки, вперед, а то, кто вас знает, может, у вас ничего нет.

Лазарька запустил руку за пазуху, достал объемистый кожаный мешочек с серебром и бросил:

– Держи, хозяин!

Горбун ловко поймал подачку и, ощутив ее внушительный вес, хмыкнул, потоптался на месте,

молвил:

- Однако, казачки, у меня для вас кое-что найдется для ночлега, и спать вам будет любо-дорого.
- Что ж, хозяин, коли любо-дорого, то возьми-ка еще, – и подал горбуну горсть серебряных монет, которые звякнули в его жилистой руке.

Хозяин и вовсе засуетился, повел казаков в отдельное строение, где разинцы расседлали лошадей, задали им корм, только после этого, захватив с собой четыре сундука, отправились утолять свой голод. Вскоре они сидели в просторной горнице постоялого двора, хлебали варево с мясом, иногда прикладывались к чарке забористой анисовой водки.

Горница была просторная, рубленая из толстых бревен лиственницы. Дощатый стол, за которым сидели разинцы, был крепок, словно сделан на века. Посреди стола горела, помигивая, сальная свеча.

Хозяин тут же крутился около казаков, заглядывая им в глаза, стараясь удовлетворить их желания в еде и питье. Потом горбун подсел к ним за стол, налил себе чарку водки, выпил, не закусывая, утер рукавом губы и заговорил:

- Это откуда ж вы, казачки, путь держите?
- Мы, хозяин, издалека, ажно с самой Астрахани, со станицей к нашему государю Алексею Михайловичу. А послал нас в Москву атаман Степан Тимофеевич Разин, – ответил Лазарька.

Глаза у горбуна расширились, еще сильнее забежали, жадно осматривая казаков.

- Чай, и посулов дорогих царю навезли? – вкрадчиво спросил он.
- Не без этого, – ответил один из постояльцев.

Горбун скосил хитрые глаза на четыре сундука, которые занесли казаки.

Лазарька перехватил жадный взгляд хозяина, перемигнулся с одним из товарищей – высоким, черноволосым, с крупными чертами лица – Иваном Вихровым.

Поздний ужин подошел к концу, и уставшие путники ощутили единственное желание – лечь спать.

- Надо бы, ребята, и ночевать идти, – сказал есаул Тимофеев, зевая во весь рот.

Хозяин засуетился, стал предлагать лечь тут же в горнице, приказал уж было работникам внести одеяла и подстилки из войлока, но Лазарька на то ответил:

- Не суетись, почевать мы пойдем к своим лошадям на сено, сон на свежем воздухе еще крепче, – и дал знак товарищам, чтобы захватили сундуки с подарками.

В бревенчатом строении, где находились лошади, пахло мятой и свежим сеном. Кони, похрустывая, жевали сено, фыркали, тяжело вздыхали. Путники быстро расположились на ночлег, зарылись в сено, оставив Ивана Вихрова в дозоре. Вскоре станица захрапела, присвистывая и неясно бормоча во сне. Кое-кому из казаков снились тяжелые сны.

Иван долго сидел у сундуков, борясь со сном, но усталость брала свое. Сон наваливался на казака все сильнее и сильнее. С завистью он поглядывал на своих товарищей, но понимал, что спать нельзя.

- Неровен час, лихие люди прокрадутся, побьют нас и посулы заберут, – думал Иван. – Что же так меня в сон кидает, неужто горбун в вино какого зелья подсыпал, – голова казака то и дело свисала на грудь, и Ивану приходилось огромным усилием воли заставлять себя не спать. Устав бороться с собой, Вихров стал потихоньку прохаживаться. Это немного развеяло его сон.

Вдруг среди ночной тишины где-то в углу строения что-то тихо заскрипело и раздался приглушенный топот. Иван насторожился, затем потихоньку пополз к Тимофееву и стал его сильно трясти, пытаясь разбудить. Лазарька что-то мычал во сне, шлепал губами, но не просыпался.

Между тем в углу, сквозь небольшую дыру в стене, проникли четыре грабителя. Они потихоньку ползли к казакам, шепотом разговаривая между собой:

- Где ж это они спрятались?
- Видно, в соломе закопались, – прошептал в ответ один из проникших в сарай.
- Тихо, разбудишь их, – прошептал другой грабитель.
- Едва ли они проснутся, горбун им зелья подсыпал, – ответил тот же голос.

Оставив тщетные старания разбудить Лазарьку, Вихров вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок и, как только грабители подползли совсем близко, выстрелил, не целясь. Затем выхватил из ножен саблю и крикнул:

- Рубите тяпоголовов, казаки!

Непрошенные гости бросились со всех ног бежать туда, откуда проникли в помещение. Двое вмиг

выскользнули наружу, а двое сунулись в лаз в углу сарая. Оба разбойника, застряв, дергались, выли от страха, но выбраться на свободу не могли. Подскочив к ним, Иван дал одному из них по заднему месту хорошего пинка, от которого грабитель вылетел наружу и потянул за собой второго. С воем они кинулись бежать.

– Что там, Иван? Что случилось? – раздался рядом голос Лазарьки. – Ты, что ли, стрелял?

Привалив к лазу несколько коротких бревен, находившихся здесь, Вихров ответил:

– Гости тут у нас, Лазарь, были – хотели посулами пожить, а я им всыпал, угостил маленько. Долго будут помнить угощение!

Лазарька зевнул, затем сказал:

– Иди, Иван, поспи, а я в дозоре постою. Думаю, гости эти больше за подарками не придут, раз ты их так встретил.

Иван Вихров залез в уже нагретое Тимофеевым углубление в сене и безмятежно заснул.

* * *

На следующий день после обеда царь слушал доклад князя Долгорукого о казацкой станице Степана Разина и подробностях похода славного атамана. При этом присутствовали бояре: Одоевский Никита Иванович, Романов Никита Иванович, дядя царя, Бяратинский Юрий Никитич, а также старые и новые родственники – Милославские и Нарышкины. С ненавистью они косились друг на друга.

Юрий Алексеевич Долгорукий докладывал:

– Знаемый нами вор, Стенька Разин, вернулся из кызылбашских пределов в Астрахань. Грамоты, пресветлый царь всея Руси Алексей Михайлович, воевода Прозоровский ему вручил.

– Откуда, князь, тебе об этом известно? – прервав доклад Долгорукого, с интересом спросил царь Алексей.

– Сегодня, пресветлый государь, я в приказе Казанского дворца принимал станицу воровского атамана и обо всем у них узнал доподлинно, о чем и спешу тебе, государь, доложить, – и Долгорукий, стоящий перед царем, который сидел, развалившись в кожаном кресле, поклонился ему в пояс.

Царь сделал знак, приглашая боярина сесть рядом в свободное кресло. Остальные же бояре чинно восседали вдоль стен на лавках, обитых голубым аксамитом.

Присев на краешек кресла, Юрий Алексеевич продолжил:

– Разинская станица небольшая – из шести человек – во главе с есаулом, донским казаком Лазарькой Тимофеевым – казаком весьма рассудительным. Просили они, чтобы я устроил им встречу с тобой, пресветлым государем.

От этих слов царь поморщился, но продолжал молча слушать князя.

– Но я отказал, сославшись на твое плохое здоровье, а подарки, которые навезли казаки, обещал передать твоей светлости. Долго мы говорили с есаулом с глазу на глаз, обскажал он мне многое из походной жизни разинских казаков.

Царь сперва нахмурился, слушая князя, его одутловатое лицо скривилось в кислой гримасе, но чем больше Долгорукий рассказывал о походе Разина, слышанном от Лазаря Тимофеева, тем лицо его все более оживало, а в глазах появился азартный блеск. А когда Юрий Алексеевич рассказал о победе разинцев над персидским флотом Менеды-хана, царь вскочил со своего места, воскликнул:

– Однако этот Разин – смелый и дерзкий казак, и ума не лишен! Вот, воеводы, – обратился царь к своим боярам, – простой казак, а что учинил кызылбашам!

Бояре зашушукались, загудели, переговариваясь меж собой, затем Никита Иванович Одоевский громко сказал:

– Надо бы переловить воров-то да всыпать им как надо, чтобы в следующий раз неповадно было, а этого ихнего атамана-тяпоголова – казнить бы.

Спокойно выслушав боярина, царь сказал:

– Коли казаки возвращаются на Дон, и больше вреда чинить не будут, станицу отпустить с миром, а о прощении вин от моего имени подтвердите. Войско Разина домой пропустить, дабы не чинить новой смуты, а там видно будет...

Продолжение следует.

Виктор СЛАВЯНИН

Родился 19 февраля 1943 года под Киевом, в Васильковском районе, хутор Пинчуки. Окончил Киевский политехнический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Публикуется в журналах России и за рубежом. Автор шести книг. Последняя книга – роман «На меже. Украденный талант», вышла в 2009 году. Проживает в Москве. Член Союза писателей России.

Моей маме, Касьяненко Анне Ивановне, посвящается

Свой крест

Повесть

*Давай с тобою поменяемся судьбою.
Махнем, не глядя, как на фронте говорят.
М. Матусовский*

27 апреля...

Последние приготовления...

Тот, кто хоть однажды собирался на рыбалку после многолетних непоездки, знает, в какой нелепой суете проходят поиски нужных вещей по пыльным, захламлённым полкам и углам квартиры и скольких нервов всё это стоит. Самое важное – не забыть главного!.. А главного набирается на огромный увесистый рюкзак. Уже упакованы спальный мешок, резиновые сапоги, толстый свитер и на случай дождя непромокаемая куртка. Крючки, поплавки, грузила. Заточены тройники... Остаётся только перед сном в свете настольной лампы надраить блёсны. Да! Чуть не забыл! Положить запасные батарейки для радиоприемника. На пустом речном берегу можно будет без змеиного шипения глушилок слушать Виласа Кановера с наслаждением...

Я готовлюсь уже целый месяц. Точнее – полгода. Приобрёл на Птичьем рынке два новых спиннинговых удилица. Одно – длинное, другое – короткое. Если блеснить с берега, а рядом ещё кто-то бросает? Короткое тут и пригодится. Настырный продавец уговорил купить безинерционную катушку... и какую-то моднейшую снасть под названием воблер.

Последний московский вечер уходит с незаметной лёгкостью. Я уезжаю на рыбалку с чистой совестью и довольный самим собой. Вчера сдал в редакцию газеты «Правда» большую статью о первом годе Великой войны. Завотделом заверил, что поставит мой материал в двух номерах перед днём Победы. Единственное, о чём приходится сожалеть, что не смогу похвастаться публикацией перед приятелями-рыбаками. Купить газету на берегу Днепра в десяти километрах от ближайшего села – несбыточная мечта...

Билет на поезд лежит на столе...

Осталось только ночь переждать. Всего лишь до одиннадцати утра. И в путь...

Зазвонил телефон.

– Юрий Васильевич? – спрашивает незнакомый голос в трубке.

– Да.

– Это из военной редакции...

– Слушаю... вас... – Чувство беды заставило замереть сердце.

– Зам главного просил передать, что ваша статья пойдёт тринадцатого мая...

– Почему?! – вырвалось у меня.

– ...пришло письмо из отдела пропаганды «цэка». Должны прислать две статьи... Секретаря по идеологии... И какого-то маршала... Сами понимаете... Если материалы не поступят вовремя, то ваш поставим в седьмой и восьмой номера... Да, одно замечание, если позволите?.. В одном месте у вас вероломное нападение и сто девяносто дивизий... А в другом – сто девяносто шесть. Надо уточнить.

– А кто пишет для маршала и секретаря? – с раздражением спросил я. – Редакция?

– Не передёргивайте, Юрий Васильевич. Мы только правим... – Трубка упала на рычаг аппарата.

«Пусть – тринадцатого, – нервно согласился я. Уже сто раз получал по мордасам от редакций. Мог бы и привыкнуть. Но не получается. И чтобы успокоить себя, подумал: – Меньше буду мозги сушить на рыбалке».

Телефон снова загудел.

– Старина! – раздался крик в трубке.

– Слава Богу, позвонил, наконец, – ответил я. И спросил: – Ты собрался? Я готов.

– Форс мажор, старик!

– Кто вероломно на кого напал без объявления войны?! – выпалил я, заведённый звонком из редакции.

– Я ценю твои шутки, старик! Не пускают даже на десять дней, сволочи! Под угрозой увольнения! А у меня диссертация на выходе... Понимаешь? Диссертация!.. Ты всё равно в этом ни бельмеса не смыслишь! Докторская... Не колбаса, а диссертация...

– Ты-ы... – Я начал заикаться от возмущения. – Что за глупости?!

– Поезжай один, старик!

– И ты туда же, прокурор! – крикнул я в трубку. – Удружил! Кто меня полгода уговаривал? Уши продырявил до самого мозжечка? Билет-то куда я должен девать?! Бежать сдавать?! Я купил снастей на сотню целковых! И выпивки!.. – Это был последний и самый весомый аргумент в пользу нашего совместного путешествия.

– Слушай сюда, старик! Всё путём! – крикнул приятель на противоположном конце. – Ты садись в поезд... Только не перебивай, а внимательно слушай!.. Выходишь в Рудне... Поезд придёт в половине четвёртого утра. А в половине пятого на площадь приедет автобус. Уже будет светло. Не перепутаешь... Ты в него прыгаешь... и едешь. Водиле скажешь, чтоб высадил у Хлебных Хуторов... Запоминай! Хлебные Хутора... Перейдешь через дорогу и по просеке в глубь леса. Километров пять пешодрала... Ну, может, семь. Ты мужик здоровый, до озера добежишь быстро. А я постараюсь приехать, старик... Обещаю. А выпивку бери. Не пропадёт!.. Первое мая через три дня...

– Какое озеро?! Ты говорил – будет Днепр!.. – выпалил я, не сдерживая себя. – И что я буду делать один в лесу?!

– Почему один? – заявил приятель. – Там всегда народ... Извини, старик...

Телефон загудел коротко и надрывно...

«Вот и порыбачили! – зло выругался я. – Лучше бы в какой-нибудь пансионат смотался... Кормят. Спи и гуляй! Предлагали же... – Вспомнил призывно заманивающие слова приятеля. – «Рыбалка во время запрета! Ни одного инспектора! Лови от души!..» Наловился!»

Залез в рюкзак, вынул бутылку коньяка...

Снова звонок.

«Меня убеждать больше не надо, – подумал я уверенный, что это снова приятель из Киева. – Оправдываться ты умеешь!..»

– Ну, что ещё?! – крикнул я. – Теперь какая диссертация?!

– Ты ещё не спишь? – спросила трубка женским голосом.

– Ещё нет... – погашено ответил я.

Есть звонки, которые круто меняют не только настроение, но и жизнь. Судьба посылает их неожиданно. И горе тому, кто пробует переломить её выходку через колено. По опыту я знал, что мне не удавалось это сделать никогда. Она, мудрая, всегда побеждала.

– Приеду, – с твердым желанием заявил голос.

– Нет, – так же твёрдо ответил я. – Уезжаю на рыбалку. Поезд через два часа. Приятель на такси должен подъехать вот-вот. Приеду, позвоню...

Положил трубку.

«Господь распорядился: «Ехать!» – понял я. – Завтра утром всё равно она придёт без приглашения и проверит, где я. Оказаться обманщиком? Не ребенок уже... А держать женщину под дверью, как кошку, вернувшуюся с ночной прогулки по чердаку, я не смогу...»

29 апреля.

Из вагонов на чуть освещённую платформу вывалил народ и суетно скрылся в маленьком здании вокзала. Я пошёл следом.

У кассы на полу лежали в обнимку два парня с голыми животами. Над ними стояла женщина, разговаривала с кассиром через билетное окошко. Отошла и, глядя на счастливую пару, громко сказала:

– Господы! Праздник где же... а у этих терпец уже оборвался.

На станционной площади толпа ждала автобус. Первый пришёл скоро. Забрал половину народа. Следующего ждали около часа.

Начинало светать. Пробирает утренний холод.

Огромный красный «Икарус» вальяжно вкатился на площадь. С элегантною легкостью вздохнул тормозами, остановился у парапета, чуть качнувшись.

Народ ринулся к двери и, впихивая водителю в руки рубли, забирался внутрь.

– До Хлебных Хуторов доеду? – спросил я.

– Два двадцать, – ответил шофёр.

– Выбросишь? Чтоб не проскочить...

– Обязательно.

В салоне было темно и тепло. Я пробрался на свободное место в последнем ряду.

Первых десять минут, пока ехали, пассажиры шумели, а потом, словно сговорившись, умолкли. Кто-то захрапел.

Я пробовал бороться со сном. Но теплый воздух двигателя разморил...

* * *

– Хутора! – крикнул водитель в салон.

Я открыл глаза, ожидая Хлебные...

Автобус остановился. Дверь возле водителя бесшумно отошла в сторону. С переднего сидения поднялся человек в зелёной куртке и форменной военной фуражке. Недолго копошился с вещами. Сошёл на землю. Стянул за собой рюкзак на ступеньку машины и, лихо забросив его на спину, исчез за автобусом.

– Кто Хлебные хотел? – крикнул водитель в салон.

Я нервно вскочил. Попытался вытащить свой рюкзак, который застрял между чужими сумками.

– Заднюю открой! – крикнул я.

– Не работаить, – ответил шофёр. – Давай через переднюю.

Я потащил мешок и удилица по салону, лавируя в проходе, словно по топкому болоту, стараясь не опустить свои сапоги в чью-нибудь сумку, и выпрыгнул на вымощенную булыжником дорогу.

Автобус зарычал и уехал.

По обе стороны дороги золотисто-чёрной стеной стояли высокие сосны. Из глубины их крон, как с неба, падал птичий щебет. Все звуки слились воедино и, смешавшись с рассветным белым огнем, серебряной сетью накрыли лес и серую твердокаменную ленту.

Утро весело зацвело.

Напротив меня действительно начиналась просека. И по ней удалялся человек с большущим рюкзаком и удочками. Я пошёл за ним, надеясь, что с рыбаковскими снастями не ходят к теще на блины.

Сосновый лес не по-утреннему был светел. Из земли выбивались молодые побеги папоротника, похожие на морских коньков. А вокруг них жёлтым ковром рассыпалась ветреница. Вдруг на маленькой поляне выбелился куст цветущей черёмухи, сеющий вокруг себя удушливо-сладкий аромат... Сосны становились толще, кроны гуще, а свет сменился полумраком. И незаметно просека превратилась в узкую дорожку с дырками и буграми, которую обступили кусты ещё не начавшей цвести ежевики.

Человек с рюкзаком скрылся из виду. И я шёл почти наугад.

Лес в одночасье посветлел. Сосны разбрелись, освободив большую зелёную поляну, которая скашивалась к пустому берегу чистого озера.

Человек, которого я потерял на просеке, стоял у кромки серой воды. Рюкзак и удилица валялись на траве. Понятно – он пришёл...

Было ясно: оставаться на этой поляне мне нельзя. У рыбаков есть неписаное правило: кто первый попал на берег, тот и хозяин. Чужак должен искать себе другое место.

Озеро большое. Противоположный берег манил своей пустотой...

Я побрёл по краю поляны, обогнув какой-то холмик, напоминавший могильный, на краю которого из травы росла пирамидка, сбита из крепко чёрных у земли дощечек, хранивших остатки коричневой краски.

Впереди – сплошные заросли орешника...

– Не ходите, – остановил окрик. – Здесь другого места нет. Одни заросли кругом.

Я вернулся. Сбросил рюкзак.

– Что здесь ловится? – спросил я, не зная, как продолжить общение. Хотелось остаться на таком заманчивом месте.

– Рыба.

Лесной незнакомец – плотный цупкой старик лет семидесяти среднего роста, одет в зелёную куртку и зелёные штаны. На ногах резиновые сапоги-бродни. На голове – офицерская полевая фуражка.

– На что ловите? – спросил он.

– На спиннинг больше, – ответил я. – С червями сейчас не очень разгуляешься.

– Это верно...

Старик достал из рюкзака маленький топорик и ушёл в заросли орешника. Оттуда долетел рубящий стук. Вернулся с тремя палками и охапкой хвороста. Вбил в землю два рогаца и бросил сверху толстую перекладину.

– Завтракать будете? – спросил он и, не ожидая ответа, принялся разводить костёр.

– Вроде, пора, – согласился я, глянув на часы. – Девятый час.

– Тогда сходите в лес. Там много сушняка.

Вода в котелке закипела быстро.

– Что вы пьёте? – спросил старик так, точно я был не случайным залётным, а его давнишним приятелем.

– У меня есть кофе.

– Угощайте, – согласился он. Достал из рюкзака небольшую полсть. Расстелил её на траве. Развернул бумажный свёрток и выложил десяток бутербродов. – Жена запасла в дорогу. У вас, надеюсь, кружка найдётся?

– Конечно.

– Тогда доставайте. А то я взял только одну чашку, одну ложку, нож. Стараюсь брать по минимуму. Уже тяжело таскать...

Котелок на огне скоро закипел.

Когда разлили по кружкам кипяток, старик сказал:

– Как мне повезло.

– Чем?

– Что вы появились. А то мой приятель обещал приехать вместе с товарищем. Но в последний момент что-то случилось... Как сказал... форс мажор у него. Диссертация горит! – Отхлебнул кофе и, глядя на воду озера, добавил: – Глупости и суета, а не диссертация... Я шёл сюда и думал: «Как в одиночестве рыбачить?..» Вас как зовут?

Я назвал себя.

– А я – Павел Митрофанович... Немного подкрепимся и начнём обустривать лагерь. Вы надолго?

– Как будет клевать, – ответил я.

– Так можно остаться до осени...

– Нет... Дела дома ждут. Хорошо, что вырвался на недельку.

– До праздника не останетесь?

– Так... Первое мая уже послезавтра...

– Для кого и кобыла невеста, – хмыкнул Павел Митрофанович неулыбчиво, отхлебнув кофе.

– Коль вы меня приютили, – сказал я бодро, поняв, что не угадал с праздником, – тогда за знакомство... – Достал из рюкзака бутылку коньяка и две рюмки. Свернул пробку с горлышка. – Не будете возражать?

– Да утром как-то не хорошо, – ответил старик неуверенно. – Но коль за знакомство...

Он порылся в рюкзаке и вынул ещё свёрток. Выложил на полсть плитку шоколада.

– Мне не очень позволяют врачи сладкое, – сказал он. – Но не пить же коньяк с луком и салом.

– А вы надолго?

– Как настроение... Бывает, погода испортит всю рыбалку...

– И какая же это погода?

Мы чокнулись.

– Вот такая, как сейчас. – Павел Митрофанович глянул на небо сквозь рюмку с коньяком.

Солнце уже взобралось на вершины сосен и играло светлячками на ряби озёрной воды, которую

нагонял вдруг налетающий ветерок. Стволы сосен загорелись золотом. Весна грелась в теплых лучах...

– Здесь хорошо ловится, когда ветер дует и дождь крошит. – Он выпил. Втянул в себя воздух и затряс головой. – Да, да! Откат нормальный...– Заел бутербродом. Глотнул кофе. – А солнце я не очень жалую... Пойду организовывать быт. – Он поймал мой вопросительный взгляд. – Построю туалет.

– Зачем? – удивлённо спросил я. – Лес кругом.

Павел Митрофанович посмотрел на меня внимательно, с явным желанием сказать что-то хлестко-обидное, но удержал слова в зубах, сжав крепко губы, Поднял с травы сапёрную лопатку и топорик, и сказал:

– Пока я буду строить, вы попробуйте поймать что-нибудь. На блесну должно сейчас брать... Только слева... В метрах двадцати коряга...

Встал и пошёл в орешник, нервно потряхивая топориком.

Глядя ему вслед, я понял, что снова промахнулся, как с праздником... Ляпнул невпопад.

Из орешника донёлся стук топора.

* * *

Я собрал спиннинг и вышел на берег.

На третьем или пятом забросе блесна за что-то зацепилась... и по леске передалась нервная дрожь... Сердце у меня зашлось от неожиданной поклёвки... Метрах в тридцати выкинулась свечой щука, сверкнув на солнце сабельнобелым брюхом. Она сделала ещё одну свечу, пытаясь выплунуть изо рта блесну с крючком, и стремительно ушла в глубину, изогнув удилище. Пальцы нервно крутили ручку катушки, не позволяя леске ослабнуть.

У берега рыба сделала ещё одну попытку уйти на дно, резанув острием лески серую ткань воды, но я нагло выбросил её на траву к своим ногам.

– Хороша! – услышал похвалу за спиной. – Килограмма три... Считаю, обед готов.

Я посадил щуку на кулан и отпустил в озеро. Бросал еще часа два. Но поклёвок не было.

– Оставляйте эту затею, – сказал Павел Митрофанович, подходя ко мне. – Я же говорил... никакого клёва. Солнце... Лучше помогите.

Мы ушли в лес. Метрах в тридцати от наших рюкзаков, между двух молодых сосен Павел Митрофанович встал на колени и принялся рыть землю.

– Это чего? – спросил я.

– Партизанский схрон. Осенью зарываю, а весной достаю.

Из земли пахнуло сыростью. Появились чёрные прелые толстые ветки. За ветками – полиэтиленовое полотно. Из-под плёнки показался серый кованый армейский ящик. Он оказался увесистым.

– Что за сокровища?

– Кастрюли, сковородки, миски, ложки, вилки. За двадцать пять лет набралось... И рюмки тоже. – Улыбнулся старик. – Только одно неудобство в таком прятанье – каждый год менять место приходится. Как-то... Лет двадцать назад оставил зимовать в старой яме. Всё разграбили. Сходил на рынок в село, и там на местном мужике узнал свои старые армейские штаны, которые в яме хранились.

Из другой ямы мы выкатили, завернутый в полиэтилен, огромный кусок соснового ствола, похожий на тот, на котором мясники рубят мясо в магазине. За ним – пять пеньков поменьше.

– Вот и столовая готова, – сказал Павел Митрофанович. – Катите. Сейчас поскоблим с кипятком, и будет стол и стулья... Можно и уху готовить.

Из ящика достали плотно завязанный полиэтиленовый мешок и подобие мангала на четырёх ножках, сваренного из толстой арматуры. Павел Митрофанович развязал мешок, вытряхнул из него серую матерчатую штуку. Расстелил её на траве. Получился большой квадрат метров пять по стороне.

– Тент. Пусть просыхает. – Объяснил он и ухватился за мангал. Вбил его в землю и принялся разводить под ним огонь.

– Вы, Юрий, займитесь щукой, а я поскоблю тарелки и кастрюли после зимы. Вы как уху варите?

– Обыкновенно. Даже сало есть.

– А у меня чеснок.

На мангале кипел казанок.

Павел Митрофанович то подгребал под него угли, то отгребал.

– Уха не любит сильного огня, – сказал он. – Правда, какая из щуки уха? Так... супчик.

На столе-колоде он нарезал мелко сало, искрошил пять больших зубцов чеснока. Заложил рыбу в кастрюлю, где кипела картошка, и, глянув на часы, сказал:

– Через семь минут бросаем приправу. Она – главное в ухе. Через три – снимаем. Чтоб не переварить.

* * *

Солнце уходило за лес. Лучи с большим трудом пробивались сквозь густую сосновую хвою. День стал угасать незаметно. Озеро потемнело. Исчезли береговушки. Только белая цапля ходила по берегу, боязливо ворочая клювом в нашу сторону. Птичий хор угомонился.

– Первый день, кажется, прошёл удачно, – сказал Павел Митрофанович, наливая уху в алюминиевую миску.

– А если по коньячку? – спросил я.

– Мне можно... только чуь-чуть. Сердце шалит. Но по случаю ухи...

– Вам сколько лет? – Я достал из рюкзака бутылку.

– Неделю назад отметил семьдесят пять.

– Поздравляю! – Я поднял рюмку. – Вы очень молодо выглядите.

– Было бы с чем поздравлять, – хмыкнув, заметил старик. – Если бы двадцать... Ну, хотя бы тридцать. С молодостью нужно поздравлять. У меня же выходит, что я молод только с ближнего конца, – Он тяжело вздохнул. – За вашу щуку! И за знакомство.

Мы выпили.

Уха действительно оказалась ароматной. Чесночно-лавровый дух отгонял черемуховую приторность леса.

– А вы не боитесь здесь один? – спросил я.

– Нет, – ответил Павел Митрофанович. – К одиннадцатому мая кто-нибудь приедет. А местные знают, что я вооружён.

– Чем?

– У меня всегда при себе пистолет. – Поднялся, вынул из рюкзака блестящий «браунинг». И протянул мне. – Не бойтесь. Он не стреляет. Но об этом никто не знает.

– А милиция как?

– Это, можно сказать, наградной. От Бога... Гляньте на спусковую скобу. На ней выщерблина. Этот пистолет мне жизнь спас на Прохоровском поле. – Павел Митрофанович снова налил себе ухи и принялся неспешно есть.

– Так это же немецкий. – Я вертел оружие перед глазами.

– Конечно. Трофейный. Я его вместо нашего «тэтэшника» носил, который по штату полагался. Короче и легче. И танкисту удобней...

– Вы – танкист?

– С двадцать девятого года... По уставу пистолет должен висеть на поясе справа, впереди. Он мне мешал, потому что длинный. Крутиться неудобно. Цепляет за ногу. А «браунинг»...

– Начальство как на это смотрело? – взволнованно спросил я. – Оружие врага.

– Это в мирное время в проверялки играют. А на войне не до этого... Правда, комиссары косились. Подрываю авторитет советского оружия. – Старик ухмыльнулся и сказал язвительно, подливая себе уху. – Как «студебеккерами» и «виллисами» на фронтах дырки затыкать, да на «кобрах» и «харикейнах» летать – это не вражеское оружие.

– Где раздобыли? – Я тоже подлил уху.

– Под Москвой... Разведчики приволокли языка, гауптмана пехотного. Я допросил его для порядка, передал особистам дивизионным, а пистолетик капитанский оставил. Обязан был, конечно, сдать, но понадеялся, что в контрразведке об оружии у фрица спрашивать не станут.

– А где под Москвой воевали? – спросил я с интересом. – У моего приятеля дом в деревне от родителей остался. В районе Обнинска. Деревня рядом с той, где Зою Космодемьянскую фашисты схватили... Я как заикнулся про это в редакции, начальство сразу насело... «Пиши!»

Павел Митрофанович внимательно посмотрел на меня и, выдержав долгую паузу, спросил, как спрашивает экзаменатор безнадежного студента:

– Написали?

– Чего писать, когда всё уже написано? Ничего нового. Партизанила... Схватили...

– Об этом вам в каком классе рассказывали? – с той же издёвкой в голосе спросил старик.

– Повсюду пишут так... – с некоторой неловкостью ответил я, чувствуя, что опять воткнулся не-впопад.

– Блажен, кто верует... – Старик поставил миску и положил на ладонь «браунинг», как бы взвешивая его значение в судьбе. – Но есть Бог. И именно на войне. Я вожу эту железку с собой как талисман... Налейте, Юра, полрюмочки. Вспомнил – и сердце отпустило... Вот за него не грех и выпить.

– А как же Зоя?

Павел Митрофанович снова глянул на небо сквозь призму рюмки с коньяком и опрокинул содержимое в рот.

– Эх-да! Откат нормальный... – Он пожевал губами. – В Москве хороший коньяк продают.

– И всё-таки? – спросил я, наседаю.

– Бедная девчонка... – Старик заел торопливо ухой. – Могла бы за хорошего парня выйти замуж, детей нарожать. Сейчас бы с внуками нянчилась. А пошла избы жечь. Прикрыли смертницей свои задницы горе-стратеги кремлёвские...

– По-вашему выходит, что она незаслуженно получила Героя? – искренно возмутился я. Всё моё нутро не принимало слов старика.

– Почему незаслуженно? Герои разные нужны. Кто-то герой, потому что мозги на месте... А кто-то из-за отсутствия таковых... Правда, последних на каждом перекрестке по дюжине навешано... Один отца родного к стенке поставил – с доносом пионерским в волостное ОГПУ сбежал. Другая избу сожгла, но не ту... А иной бомбу водородную придумал. Вот таких героев днем с огнём в лупу не увидишь... Я что-то не слышал, чтобы какой пароходишко захудалый под именем «Павлик Морозов» или «Зоя Космодемьянская» по рекам или по морям ходил. Видать, стыдно напоминать о таких героях... Ладно. Хватит прохлаждаться. У нас ночь на носу. Давайте ставить палатку. Вы как ночуете?

– В спальном мешке, – ответил я нервно, подбирая слова, чтобы возразить. Я понимал, о чём говорил старик, но моя школьно-университетская закваска не принимала его слов в такой последовательности. Хотелось объяснить, что было такое время, что по-другому нельзя.

– В спальном?.. – заботливо уточнил Павел Митрофанович. – Это не хорошо. Надо спать свободно. Ставим палатку, надуваем матрацы... А к ночи ближе поджарим остатки вашей щуки? Я знаю способ жарить эту костлявку... пальчики оближешь.

Оранжевая палатка оказалась большой, с широкими сенями, застёгивавшимися молнией от верха до низа. В этом матерчатом доме можно было стоять во весь рост...

– Польская? – спросил я, вбивая алюминиевый клин расчалки в землю.

– Один знакомый дипломат привёз из Западной Германии. По моему заказу. Обратите внимание, Юра... Пол не просто прорезиненный, а надувается и служит спальным матрацем. У нас сейчас будет самый неприятный кусочек работы. По очереди надувать.

* * *

Темнота быстро захватила поляну. Только небо над озером ещё чуть отсвечивало слабым блеском в лучах давно зашедшего солнца. Совы тенями низко, с подсвистом, скользили в вечернем полумраке. Казалось, протяни руку и ухватишь...

Разожгли костёр. Павел Митрофанович достал из своего бездонного рюкзака пакетик.

– Панировочные сухари. Добавим чуток соли – и на сковородку.

Он налил масло и, обваляв куски щуки в сухарях, бросил на сковородку.

– Заваривайте, Юра, чай.

Жареная рыба оказалась действительно вкусной, ароматной.

– Как вам это удалось? – спросил я.

– Сухари, они и в Африке сухари.

– Вы играете в преферанс?

– Немножко. Жаль, нет третьего.

– А можно в «гусарика».

– Не люблю, – сказал Павел Митрофанович. – Бездушная игра выходит. Глаз партнёра не видно...

А с сухарями просто. Смешал с «вегетой». Из Югославии привезли.

– В книгах пишут, что на Прохоровском поле много танков побило?!.

Меня оборвал хлёсткий взгляд старика.

– Танки – железо. Сгоревшие ремонтники оттащат в тыл... по пять тысяч за штуку. А потом на переплавку, если не починят...

– А люди? Экипажи?

– Вы же спросили про танки, – старик ещё раз оцарапал меня колючим взглядом, – а не про людей.

– Ну... Я имел в виду... – оправдание у меня вышло наивно детским, – танкистов...

– Интересный нынче народ пошёл... – сказал Павел Митрофанович. – Всё по поверхности. А внутрь залезть нет желания. У меня брали интервью разные газетные писаки и которые по радио всякую чушь несут. Всех только танки занимали, как дети игрушки... Танкисты не интересовали, точно их и вовсе не было... А этих механиков-водителей и заряжающих полегло в четыре раза больше... чем танков.

– Почему в четыре?

– Потому что экипаж из четырёх человек. Если под командиром корпуса в том бою сгорело две «тридцатьчетверки», а от смерти спас трофейный «браунинг»... То простых танкистов тьма-тьмуца в той земле схоронено... – Старик подбросил в костёр несколько палок. Огонь вспыхнул, осветив его хмурое лицо. – Давайте помянем их, зарытых, где попало.

Он налил себе полрюмки.

– Если бы вы знали, Юра, как я завидую этим проклятым человеконенавистникам из Америки. Как они хоронят своих солдат... Мне дипломат знакомый рассказывал, что у этих поджигателей войны существует целая служба воинская. И до тех пор пока не найдут солдата и не похоронят под звездно-полосатым, он считается неубитым. Не пропавшим без вести, а неубитым...

Мы выпили.

– Откат нормальный... – снова оценил коньяк Повел Митрофанович. – Дело к вечеру... Всё кругом у-у-у! Это я о том, как меня «браунинг» спас... Вылез я из танка. Из третьего... С утра подо мной уже два сгорело, я говорил... Я ведь был в Пятой армии. Вы знаете, что такое Пятая армия на Курской дуге?

– Нет, – ответил я.

– Танковый рукопашный... Нас из резерва выдернули... И мы рванули в лобовую атаку с ходу, как татарская конница... От правого горизонта до левого – сплошные танки. Слава Богу, командарм Ротмистров запретил на себе пехоту везти... Так вот... Сначала в собственный противотанковый ров угодили, как в мышеловку. А когда выбрались с горем пополам...

– С горем?

– Больше – пополам. Почти половину экипажей в том рву оставили. А вот когда выбрались... Стали рвать немца на куски... как те мангусты змеиный выводок...

В какой-то момент, будь он неладен, прихватило меня... Захотелось вдруг под кустик... Сил терпеть нету... Оторвался от перпендинокля... Сапогом ткнул в спину Хамзю... Это мой механик-водитель... Стоп! А умом понимаю – нельзя останавливаться... Сразу подожгут... Но удержу нет... Поднял крышку и... на броню... Глазом уже ищу «укрытие»...

Не успел... Страшный удар в бок... Свалился на землю... Лежу и ничего не понимаю. Такое впечатление, будто огрели по голове чем-то тяжёлым... Когда в башню попадает немецкая болванка, а из стенки вылетают искры прямо в глаза – дело привычное. А тут совсем иное. Не в башню попало, а в тебя... Когда очухался, поднялся, потрогал место, куда ударило... Комбинезон и кобура пробиты, железо горячее... Палец зацепился за что-то острое...

– А нужда не вырвалась? – засмеялся я.

– Это сейчас смешно... А тогда, видать, и она перепугалась поболее моего... Хамзя сообразил, что со мной неладное творится... Отвел машину под защиту двух подбитых танков, которые дымилась... Вроде как в укрытие, под дымовую завесу. А я стою один среди боя. Ноги подкашиваются... Достал из кобуры «браунинг»: на скобе огромная вмятина. Чья-то пуля вырвала целый кусок... Оглянулся по сторонам... И вдруг стал целовать немца с благодарностью, как мать родную... Уже после войны я отправил рапорт по инстанции. Объяснил. Разрешили оставить пистолет на память. Только дырочку в казённом просверлить заставили... Местные знают, что я вооружён, а про дырку не ведают. Да и народ здесь не очень дикий. Выпить любит, а чтобы шалить...

Старик встал и прошёлся вокруг костра.

– Ноги занемели... Я предлагаю ложиться спать. Завтра попробуем что-нибудь поймать. Окунь тут клюёт на зорьке знатно... Вы свой спальный мешок бросайте на пол. Ночь будет жаркая. – Он побрел к палатке.

– Откуда известно? – Я пошёл следом.

– Совы разлетались. Значит, мыши бродят. А они в холодную ночь не очень гуляют.

– Как интересно. Это ваше личное наблюдение?

– В лесу многому можно научиться, – сказал Павел Митрофанович. – Особенно отличать брехню от правды...

– Есть лесная правда и степная? – спросил я не без иронии.

– Есть просто правда, а есть брехня. Автомат «пэпэша» уже в сороковом году на границе... Это брехня или правда? – Старик раскинул полы палатки, пропуская меня в сени.

– А разве не было?

– Это мерзость по отношению к собственному народу... Я его впервые увидел весной сорок второго... – сказал Павел Митрофанович, входя следом.

– А какая разница?..

– Никакой, – съязвил Павел Митрофанович. – Я все жду, когда д'Артаньян со товарищами мушкетерами проедут по Красной площади на «тридцатьчетверке»... с плюмажем на шляпах. Вот детишки порадуются...

Старик разделся, прошёл в палатку и улёгся.

– Я тут смотрел киновоюну, как Киев брали... «Освобождение» видели?

– Конечно, – ответил я и принялся тоже раздеваться.

– Тянут зенитку, а говорят на неё – «сорокопятка». Сорок третий год – а «катюши» на «полупорках»...

– Кто отличит «полупорку» от «газона» современного? – сказал я бодро, отстаивая свою уверенную правоту.

– Пока брехня и глупость были маленькие, – продолжил Павел Митрофанович, не заметив моей нагловатой самоуверенности, – я терпел. Потом не выдержал... На экране сентябрь. Лес весь жёлто-красный. В зарослях стоят танки и ждут приказа... И вдруг начинает куковать кукушка! Тыфу!

– И что из этого?

– Вы слышали, как соловей поёт? – недовольно хмыкнул старик.

– Конечно. Думаю, здесь через пару дней тоже запоёт.

– А какой сейчас месяц?

– Апрель кончается.

– Песни на свадьбах поют, а не на похоронах. Кукушки, как и соловьи, в сентябре не поют. В сентябре им не до любовных утех. Надо в Африку собираться... Кукушки кукуют только до конца июня. Ну, пару дней в июле, если погода располагает.

– В кино кукушка для антуража, – сказал я, оправдывая кинорежиссёра. – Чтоб оживить.

– Чтобы оживить? – засмеялся старик. – А «тигры» на Прохоровском поле тоже для оживления?

– А что «тигры»? – возмущился я, поддерживаемый расправившей меня уверенностью, что эти монстры там делали боевую погоду. – А мы их пересилили! «Тридцатьчетвёрки» перемололи хребет Порше!.. Да любую энциклопедию возьмите!..

– «Тигров» ваших на Прохоровском поле отродясь не было... – резко перебил Павел Митрофанович. – Ни одного!.. – А глупостью и брехнёй ничего оживить и пересилить нельзя! А вот дров наломать можно. Почему бы в кино динозавра какого захудалого против немца не выпустить? Немец сразу бы струхнул... – Он нервно повернулся на постели. – Один борзой жулик кино снял... А другой из кино вышел и статеечку в вашу энциклопедию тиснул...

Мы лежали молча.

Самоуверенность разрывала меня на куски. Я был убеждён, что услышанное – неправда. Ведь сколько я написал статей на эту тему?.. И никто никогда!.. Но спорить со стариком почему-то боялся. И казалось, что даже ветер был против меня. Он шнырял по кронам, качая верхушки сосен, лихо врывался на поляну, чтобы вступить за меня, но, заметив палатку, вдруг сникал и тихо перебирался на противоположный берег.

«Завтра поспорим, – сказал я себе. – Подумаешь! Если воевал... то и знает всё!..»

Сквозь сетку бокового окна в палатку пробивался квадратик серого ночного неба. Потом угас и он.

Старик ворочался на надувном полу, не находя себе места.

– Засыпайте, – сказал он. – Я буду долго крутиться, как собака. Ломит ногу в суставе и в паху...

– Защемление седалищного нерва?

Сказал и почувствовал, что старик в темноте смотрит на меня, как смотрят кошки, когда пытаются разбудить хозяина, чтобы тот выпустил их из дома во двор.

– Вы врач?

– Нет. Я некоторым образом литератор. А больше – журналист.

– Это что за профессия – литератор?

– Книги пишу.

– Писатель, значит, – с нескрываемой завистью сказал Павел Митрофанович. – Это здорово!

– Вы хватили, – ответил я. – Писателями были Пушкин, Чехов, Лев Толстой. А я – литератор. – И вспомнил: – «Нас тьмы, и тьмы, и тьмы».

– А как ваша фамилия? Писатели как-то подписываются. Пешков. – Горький. Холуев или может Придворов – Демьян Бедный ... Не помню точно.

Я назвал себя.

– Что написали последнего? – после долгого молчания спросил старик.

– В «Правде» должна выйти большая статья к юбилею Победы.

– О чём? – спросил он уже тоном экзаменатора.

– О первых двух годах войны.

Павел Митрофанович долго лежал молча, а потом, плохо скрывая растерянность, спросил:

– Вы воевали? Или были сыном полка?

– Я?! – вырвалось из меня удивление. – Да мне только сорок два года. Правда, родился в оккупации. Почти немцем крещёный. Начальник «эздэ» одолжил свои телегу и лошадь, чтоб меня свезти в церковь.

– Мой сын на два года моложе вас. Сорок пятого. – И, помолчав, добавил, всё ещё храня в голосе сомнение: – А откуда материал для статьи?

– Да его полным-полно, – вырвалась у меня радостно-бравурная фраза. – Прочитай мемуары всяких маршалов – и пиши. Хватает даже двоих. У всех всё равно одно и то же. Только изложи своими словами, чтобы не придрались.

– А разве и сегодня еще есть придирасты?

– Кто? – спросил я удивленно, не поняв слова.

– Которые придираются к вашим статьям.

Старик поднялся с постели, вышел в сени. Зажёг лампу, долго одевался и ушёл с ней к костру. – Выходите, – позвал он. – Сна ни у вас, ни у меня нет.

Я выбрался из палатки и уселся на колоду рядом с Павлом Митрофановичем.

Тот возился с крышкой термоса.

Костёр дотлевал. От него шёл тёплый дух.

– Мемуары – это очень серьезно... – выказывая некоторый скепсис, сказал старик. Отвернул крышку термоса. – Особенно первого прославленного маршала. И главное, – чистейшая правда... Как вода, пропущенная через песчаный фильтр. В первом издании про Вторую Ударную армию целая глава. А во втором – корова языком слизала. Или наоборот. Сейчас не вспомню.

– Может, коньячку? – предложил я, пропустив мимо ушей Вторую Ударную, потому что никогда не интересовался ее историей и судьбой.

– Врачи не рекомендуют пить на ночь глядя. Лучше – чай.

– Тогда я – кофе.

– А вы нигде больше не писали о войне? – поинтересовался Павел Митрофанович строго. Подбросил в костёр сушняк, который ярко вспыхнул, отодвигая от нас темноту.

Я вдруг ощутил кожей, что старик спросил не из праздного любопытства. И понял: совру – не ловить мне рыбу у этого озера

– В прошлом году в «Красной звезде». – Я вспомнил, как заведующий редакцией требовательно просил насытить материал героическими фактами... «Придумай, – сказал он. – Чтоб героизма побольше. Чтоб всякие там Матросовы померкли!» И с гордостью уточнил: – О Сталинградской битве...

– Из маршалов выдёргивали? – спросил старик.

– Конечно, – хмыкнул я.

– Видно... «Снаряды всё время стучали по броне», – не скрывая сарказма, произнёс старик. – Красиво написано. Получается, немец по танку не из длинного ствола бронебойной болванкой лупил, а из двудулки бекасиной дробью. «У одного танка Т-34 лопнул трубопровод топлива...» – Он очень точно цитировал мою статью.

– Трубопровод не может лопнуть? – возразил я на высоких тонах.

– Конечно, может. И даже обязан, чтоб добавить героизма... на пустом месте. – Старик глянул на меня с вопросительно-издевательским прищуром. – «Тогда механик-водитель оторвал от комбинезона лоскут, приложил к месту разрыва топливного трубопровода гаечный ключ и, примотав его тряпкой, запустил двигатель».

– Да. Что тут такого? – Ко мне снова вернулась самоуверенность. – Завёлся и завёлся...

– Дизеля, товарищ журналист, у которых разорван топливопровод, нужно тянуть на ремонт, чтобы прокачать всю топливную систему. Трубопровод разорвался, в систему попал воздух... А это катастрофа... для «тридцатьчетвёрки». Это тебе не «Жигули». Дизель – вещь тонкая... А у вас... примотал ключ и поехали...

– Но ведь маршал примерно так написал, – оправдался нервно я.

– В архив залезли бы...

– Не пускают... Всё – «совершенно секретно». Я эти главные военные мемуары выучил наизусть. Оскомину набили так, что пропала даже охота другие книги читать.

– Я слышал, что мой дед видал, как его пан едал, – рассмеялся Павел Митрофанович. – Но вы не обижайтесь. Я привык к такой писанине. – И вдруг сказал весело, наливая мне в чашку воду из термоса. – А я люблю читать. С собой хотел взять «Белую гвардию». Но тяжела книжка. Все три романа под одной обложкой. Жена привезёт... – Он плеснул себе кипяток в чашку. – К чтению тоже человека приучать надо. Когда в школу ходил, к книжкам не тянуло. У меня всего три класса... В танковой школе всё больше матчасть да уставы штудировал... Вот когда приехал в Борисов, и как-то само вышло... Это под Минском...

– А в Борисове что?

– Танковая броневая школа. Как теперь школа младших командиров... Меня туда назначили. Учить бойцов... Русский «Рено»... Танкетки. Рассказывал устройство и эксплуатацию... Но я не про железки. Про книги... Начальник КЭЧа, когда ставил на постой, предупредил:

«Ты гляди в оба, товарищ комрот. Хозяйка дома, где жить будешь – вражеская баба...»

– Какая? – рассмеялся я.

– Жена врага народа... «И будь очень-очень внимательным. Я бы тебя в другое какое хорошее место определил, да нету».

А дом врага народа в самом центре городка. Маленький, красивый. С большой верандой и садом. Окна с улицы ставнями закрывались на ночь.

Хозяйка оказалась бывшей буржуйкой. Училась в пансионе для благородных девиц. Наподобие Смольного. Она говорила где, да я запомнил... Комната для нас... Я тогда уже женился... Комната большая – меж окон кровать барская, широкая, никто через тебя не перелазит среди ночи, если по нужде. По середине комнаты стол круглый, над ним лампа-пятилинейка под розовым абажуром с кисточками по урезу. А хозяйка с дочкой в двух других... И была ещё одна комната. Самая большая. И красивая. Красный рояль в углу, огромное зеркало от пола до потолка в чёрной резной раме. Длинный стол на тяжелых ножках, какие теперь только в бильярдных и увидишь. А по стенам книг наставлено море. Я столько даже в училище не видел.

По вечерам хозяйка играла. Обязательно... Долго играла. И чаще всего одну и ту же музыку... Через стенку хорошо слышно... А дочка пела жалобно. То ли песня была жалобной, то ли голос у девочки такой. Меня всегда на слезы тянуло. «Песнь моя летит с мольбою в тихий час ночной...».

– «Звуки их полны тобою...» – продолжил я.

– Я много раз потом слышал эту песню. Даже по-немецки. Но по-русски она лучше. И никогда не хотелось узнать, кто написал. Узнаю... и память об этих женщинах исчезнет. А если слова и музыка берут за душу, то не важно, кто написал. Считай, уже народная...

К хозяйке ходили люди... Постучат в окошко тихохонько. А она принимает... Я долго не знал, чем она занимается. А однажды у моей жены живот схватило. Воет, орёт: «Умираю!» Я уже собрался бежать в комендатуру – пусть кого из санчасти пришлют. На вопли пришла хозяйка... До этого она как-то сторонилась нас. И дочь утром кивнет, как глухонемая. Так бы ни одного слова и не услышал, если бы не песни по вечерам...

Пришла хозяйка, значит. Давай мою жену щупать и расспрашивать... Жена в гарнизонной столовой работала поварихой... Хозяйка принесла красновато-чернильной воды, заставила выпить. Жена залпом литровую кружку хлебнула, а может, и две... Оказалось, хозяйка – врач... В общем, промыла

желудок... Через часок напихала в рот моей благоверной пять или шесть аптекарских пакетиков чёрного угля. Жена лежит на постели, тяжело дышит... Вышел я из своей комнаты в большую, где рояль, и спрашиваю:

«Как мне вас отблагодарить?»

«Заставьте вашу жену не есть что ни попадя», – нервно ответила хозяйка.

Угадала. Жёнушка любила пожрать. Что не увидит – в рот тянет, как дитё... Из столовой танковой школы таскала в судках еду. Прносила через «капэ» под юбкой. Я когда узрел... чуть не побил, хоть и женщина... Не спасло. Носила... и носила...

Отблагодарить всё-таки хотелось хозяйку-доктора. Совесть требовала. Но не ставить же на стол ворованный харч из солдатской столовой. Сходил на рынок, купил фунт ветчины и каких-то консервов... Сейчас уже не вспомню каких... Пляшку хлебного вина ... Ползарплаты потратил. Я, молодой командир, получал семьсот рублей.

Жена накрыла стол в нашей комнате. Пригласили хозяйку и дочь. Они долго не соглашались. Но всё-таки я уговорил... Вот только пить хлебное вино они отказались. Пили я и жена.

Хозяйка скромно положила в тарелку кусочек колбасы, две картошки... Дочь тоже.

А моя жена даже возмутилась:

«Да вы едите как люди, не бойтесь... Мы уж знаем, шо вы вечно голодные!», – сказала она..

Хозяйка и вовсе перестала есть. До конца просидела, не притронувшись ни к колбасе, ни к консервам.

А после ужина деликатно пригласила нас в большую комнату. Сама уселась за рояль, а Соня пела...

Спела «Соловья», потом вдвоём с хозяйкой «Выхожу один я на дорогу...» Пели по-немецки...

Я слушаю, а сам поглядываю на жену. Ёрзает она на стуле, точно сидит на крапиве... Видно – не нравятся ей романсы. И вдруг она сказала:

«А можна шо-нить хорошие спеть?»

Хозяйка с недоуменной растерянностью глянула на мою жену и, делано улыбнувшись, спросила:

«А что вам нравится?»

Жена поднялась со стула и запела:

«Девки, где вы?» – «Тута, тута!» –

«А моей Марфуты да нету тута!..»

И сдернув с плеч косынку, пошла в пляс, ударяя маленькими каблучками туфель о дубовый паркет. Песня и пляска вышли нелепыми и глупыми.

Меня сжигал стыд...

До полуночи просидел на крыльце – впервые не захотелось лезть в постель к вдруг опостылевшему человеку.

* * *

А в ближайшее воскресенье выхожу утром во двор... И на тебе! Хозяйка с дочкой дрова колют.

– Что же в этом удивительного? – спросил я.

– Что? Дочка полено держит, а мать над её руками топор заносит... Ну, чистая плаха с топорами...

«Что вы делаете!» – кричу.

«Кто дал вам право на меня кричать?» – весь ответ. И продолжает рубить.

Я не выдержал. Выхватил топор. Расколлот десяток чурбаков и говорю:

«Завтра вам все дрова расколют».

«Спасибо. Не надо. У меня нечем с вами рассчитываться».

«Тогда сегодня!» – крикнул я, не придумав ничего умнее.

Пошёл в школу, вызвал дежурного. Попросил выделить мне троих бойцов, топор и двуручную пилу...

Парни за пару часов намолотили поленницу... Они работают. Гимнастёрки сбросили. Хоть и конец сентября, а жарко. А у одного какая-то болячка на спине. Хозяйка опытным взглядом увидела и жёлтой мазью намазала. Потребовала от меня, чтоб отвёл парня в санчасть...

После в дом всех пригласила. Накормила, напоила бойцов, хотя с дочкой перебивались с хлеба на воду вечерними приработками...

Лечиться к ней полгорода ходило... Приносили, кто что мог. На работу не брали её, как она жена «промпартийца».

– А разве мало платила танковая школа за ваш постой? – уверенно сказал я.

– Какой там! Она – жена врага народа. Пусть радуется, что живёт в собственном доме, а не в тюремной камере. А командир Красной армии с женой на постое – как искупление будущих грехов... Ну, да я не об этом. Заговорился. Забыл, о чём хотел сказать...

– О книгах, – напомнил я.

– Да, да. О книгах... Сидим за столом. Бойцы едят. А я глазами по книжным полкам шарю. Разглядываю. Думаю: «Сколько же нужно иметь пустого времени, чтоб все их написать, а потом прочитать?!»

– Пустого? – спросил я, не скрывая вдруг вспыхнувшей иронии.

– Тогда я считал так: чтение – пустая трата времени.

Как-то днём возвращаюсь домой. Во дворе на крыльце сидит дочь хозяйки с книгой в руках.

«Хорошая?» – спрашиваю от нечего делать.

«Плохих книг не бывает», – отвечает дерзко.

«А мне дадите прочесть?»

Девочка смутилась. И как заколдованная протягивает книгу.

– А сколько лет девочке? – спросил я.

– Лет пятнадцать... Отдала книгу, а сама в дом убежала, – сказал старик отрешённо, точно не заметил моих слов. – Я снял гимнастёрку и уселся читать. Книга странная была. Начальных страниц в ней не было. И конец оторван... Четыре или пять рассказов в этой книжке было. Один я до сих пор помню. В душу вьелся, как наколка в кожу.

– О чём?

– Суший пустяк. Два молодых дурака поспорили, что один просидит в бане пятнадцать лет безвылазно. Как в тюрьме, только без охраны. Сам, добровольно.

А другой ему:

«Не просидишь!»

«Просижу. Только есть и пить регулярно приносите...»

– И выпить, – подхватил я, понимая, о каком рассказе идёт речь.

– Это как полагается русскому человеку, – сказал Павел Митрофанович. – Поначалу этот, который доброволец, запросил, конечно, вина и икры... И чтобы под окном играли скоморохи. Да! Самое главное забыл. Поспорили ведь на миллион! Через некоторое время он прогнал их, а потребовал книги. И принялся читать, читать, читать... А когда просидел десять лет, потребовал, чтобы ему принесли Библию и Коран... Есть стал мало. Обходился водой и хлебом. Кое-когда просил кусок баранины. Но всегда лук зелёный почему-то.

– А что же второй? – спросил я, улыбаясь наивному пересказу знаменитого русского рассказа.

– Второй был банкир. Обанкротился. А пришёл срок платить... Остался один день... И банкир, как истинно русский банкир, конечно, самое верное русское решение принял – убить несчастного сидельца. Взял револьвер. Пришёл в баню... и полный конфуз. Убивать некого. Товарища и след простыл. Только записка на столе... Прочёл банкир записку и его кондратий стал трясти.

– А кондрашка откуда? – спросил я, помня, что о болезни в рассказе не было ни слова.

– «Я гулял по миру, – пишет в записке этот бедолага. – Любил женщин... Познал мудрость бытия.

И ухожу. А ты оставайся со своим мильёном...»

– А чей это рассказ, знаете? – спросил я.

– Знаю, конечно. А всё равно хорошо, что в книге не было ни начала, ни конца. Моя бы воля, я бы этот рассказ в Библию поместил как пятое евангелие. Следом за благовествованием от Иоанна...

Прочёл я эту книжку без обложки. Вернул девчужке.

А она мне:

«Вы читали «Айвенго»?»

«Нет...»

«Тогда я вам принесу...»

Потом были «Следопыт», «Зверобой».

Спрашиваю как-то:

«Это всё про американцев и англичан. А про нас есть?»

Принесла мне толстую книгу. «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Я почти всё время проводил в школе. Собирал и разбираал коробку перемены передач «бэтэшки». А тут домой стало тянуть. К книгам...

Павел Митрофанович встал, ушёл в палатку и вернулся с курткой на плечах.

– Прохладно... Соня, дочка хазяйки, мне «Тихий Дон» подсунула. Вот это смачно! Как вареники с вишнями... А потом «Поднятую целину» в политотделе выдали. Её в «Правде», кажись, печатали... Или в какой другой газете... Не вспомню. В красном уголке три прошитые стопки лежали... Думаю: «Шолохов – значит хорошо». Читал и места себе не находил! Ну и скотина! Кого ты дуришь, писака!

Павел Митрофанович стал тяжело дышать.

– Вы не волнуйтесь, – я попытался успокоить его. – Пустое это. Написал и написал.

Старик отвернул пробку термоса и предложил мне кипяток.

– А после войны, – сказал он, – политработнички из-под палки заставили читать «Молодую гвардию». Читали?

– В школе проходили. В десятом классе. Но не осилил, – ответил я.

Павел Митрофанович стал наливать воду в чашку. Термос стучал по фарфоровому ободку, выдавая нервное подрагивание рук.

– Стоит ли из-за этой дряни в гроб себя загонять? – попытался я успокоить старика. – Тот самый человек, который написал о споре банкира и студента, говорил, что писатель, как и собака, имеет право лаять по-своему.

– Так нельзя рассуждать, – возбуждённо сказал Павел Митрофанович. – Я своим внукам запретил «Поднятую целину» даже в руки брать. Все книжки из собрания сочинений выбросил. Только «Тихий Дон» оставил... Обложки отодрал и оставил... А Чехов, должно, имел в виду порядочных собак, а не шавок...

– А зачем обложки обрывать?

– Хорошей книге обложка не нужна. Есть у Библии обложка или нет... всё равно она останется Библией.

Я молчал, соглашаясь.

Вдруг из ближайших кустов ударил соловей, напугав до дрожи.

– «Слышишь, в роще прозвучали трели соловья. Звуки их полны печали...» – вспомнил Павел Митрофанович. – Который час?

– Три. – Я глянул на часы.

– Через полчаса начнет светать. Идите спать, а я посижу. А потом схожу, нарою червей. Сон куда-то исчез.

30 апреля.

Утренняя прохлада пробралась в палатку и заставила меня натянуть одеяло.

Я попробовал доспать. Но отблеск пламени, проникавший сквозь сетчатую стенку палатки, отогнал сон.

Павел Митрофанович стоял у костра и длинной палкой загребал шишки под сковородкой.

– Доброе утро, – сказал я. – Времени сколько?

– Доброе... Девятый час.

Солнце пробивалось сквозь хвою сосен, окрашивая их верхушки в розовый цвет, и висело еще низко над землёй. Воздух был пропитан ароматом черёмухи и наполнен птичьим пением. Из общего шума выбивалась забористая песня соловья. На успокоенной глади воды плавали светлые пятна солнечного огня.

– Быстрее умывайтесь. У меня всё готово.

На колоде-столе стояла полная миска оладий.

– Вы не ложились? – спросил я.

– Почему же? Три часика поспал. Сегодня попробуем сварить настоящую уху. А после завтрака я схожу в местный магазин.

– Это далеко?

– Километров десять в сторону.

Старик налил в чашку кипяток.

– Вы как хотите, а я буду чай.

– У меня есть индийский, – сообщил я, стараясь хоть этим поучаствовать в приготовлении завтрака. Мне действительно было неловко, что проспал утро.

– Индийский – это хорошо. А то у меня какая-то «Бодрость». Сосед в Москву ездит. Привозит. Всё жалуется, что и там стало плохо. Даже в китайском магазине на улице Кирова ничего путного не купишь. Вы ходите в китайский магазин?

– Редко.

Я принёс жёлтую пачку со слонем на боковине.

Павел Митрофанович засыпал в чайник две чайных ложечки чёрных листочков. И принялся помешивать.

– Вспоминаю... Конец сороковых, начало пятидесятых. В газетах богатые урожаи, палач югославского народа Тито и висельник Ранкович... Во Львове... Про сахар я молчу... За хлебом очереди, как будто на каждой улице вместо магазина Мавзолей поставлен. Когда «выбрасывали» тюльку... Как она называется в Москве? Мелкая соленая рыбка?..

– Хамса.

– Вот-вот. Это праздник для народа. За ней толпы выстраивались подлинней чем в Мавзолей. А вот чёрной икры и крабов хоть объешься. Треугольными пирамидами стояли в витринах гастрономов коробочки. И чай в железных коробочках продавался. Грузинский – в синих, индийский – в коричнево-золотистых. – Старик пошёл в палатку и вернулся, держа в руке жестяную коробочку синего цвета. – Полюбуйтесь. Я с той поры блёсны да крючки храню в таких.... А самый лучший чай продавался всё же в бумажной обёртке. Цейлонский. Прессованный. Напоминал плиточный шоколад. Отломил квадратик, в кипяток бросишь... Сначала мутная коричневая жижа образуется. А потом осветляется, и напиток... рубиновый. Аромат на десятки метров вокруг. Пчёлы как на цвет липы слетались.

Павел Митрофанович выставил на чурбак две тарелки и две чашки.

– Садитесь. Позавтракаем и начнём за окунем гоняться... Он здесь на червя хорошо берёт до обеда. Я уже четыре удилища поставил.

Старик налил в кружку чай, бросил маленький кусочек рафинада, медленно и тщательно размешал.

– Почему вы пьёте не сладкий? – спросил я.

– Это ещё с войны. Она быстро учит экономить.

– И на всём экономите?

– Нет. Но привычку трудно перебороть. Помню... Влетели в один донской хутор... Отступали к Сталинграду... Танков осталось с гулькин нос – сборная солянка из трёх бригад. Харчей нет. Послал бойцов по куреням. Не густо. Зато в колхозном амбаре нашли семечки. Набили ими все кузова и карманы. В танках засыпали этой мелочью все саквы... Четыре дня ели только их. Внутри машин, как после сельской вечеринки – шелухи по колено наплевано...

Мы молча ели.

От берега долетел тонкий призывный звоночек.

– Кажется, клюёт! – радостно воскликнул Павел Митрофанович. Оставил чашку, побежал к воде. Он вернулся, радостно улыбаясь.

– Ну вот. Считай, обед есть. Уже четыре крепких окушка. Грамм по двести. Пока я буду ходить, вы ещё поймаете.

– В этой деревне газеты продаются? – спросил я.

– Нет. Но если вам без них неймётся, то я возьму у кого-то.

– А как вам новый генеральный секретарь?

– Никак, – равнодушно ответил Павел Митрофанович, словно ждал моего вопроса. – С некоторых пор все эти секретари сами по себе, а я – сам по себе.

– Вы же член партии, – удивлённо сказал я. – Военные у нас обязаны быть членами партии.

– И я был. В сороковом году вступил в экзэпэбэ. А в шестидесятые годы затерялся среди простого люда. Даже не знаю, кто я теперь: член или не член. – Старик говорил спокойно, словно рассказывал давнишнюю бородатую байку, о которой случайно вспомнил. – А вы тоже в членах ходите?

– Нет.

– Странно. Ваше газетное дело для власти поважней солдатского будет. Солдат стреляет в грудь, а вы – в мозги и в души.

– Какая-никакая перемена, – выказал я свою уверенность. Мне захотелось поделиться с моим

новым знакомым своей радостью, что благодаря смене руководства в стране издатели подписали в печать мою книгу, которая лежала под редакционным сукном уже более трёх лет.

– «А вы, друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь», – сказал Павел Митрофанович.

– А я надеюсь, что музыка поменяется.

– Я что-то никаких перемен не заметил пока.

– Так только месяц, считай, прошёл после пышных похорон.

– Всю жизнь думал, что завтра всё переменится. Думал – врагов народа перебьём и хлеб с маслом можно будет купить. Потом – немца разобьём и как люди заживём... У меня сейчас ощущение, что я вдруг вернулся в сорок первый год под Москву... И вот-вот случится какая-то катастрофа... Ладно, давайте что-то будем делать, а то останемся без обеда. Я пойду ловить окуня.

Старик поднялся. Стал собирать посуду.

– Оставьте, – сказал я. – Вымою.

Он молча согласился. Ушёл на берег и уселся на чурбак возле удилиц.

Я нагрел воду и принялся мыть посуду. Хотелось побыстрее с ней покончить и подсесть к Павлу Митрофановичу. Интуиция мне подсказывала, что этот человек может рассказать очень много такого, чего я ни в одной книге не вычитаю.

* * *

– А почему вы не верите маршалам? – спросил я, когда вышел на берег. Мне хотелось поведать старику о статье, которую я написал для «Правды».

– Кто хочет, пусть верит. – Павел Митрофанович помолчал и вдруг резко сказал: – Верит только тот, кто не видел сам... В другой раз, когда будете маршальскую правду читать, обратите внимание на цифры и буквы на последней странице. Какие-нибудь «д восемнадцать пятнадцать»...

– А это что? – спросил я, присаживаясь на берегу рядом со стариком.

– Номер цензора Главного Политического управления армии... И чем больше таких номеров, тем ближе катастрофа... Берите червей, – предложил Павел Митрофанович, подсовывая к моим ногам деревянный ящичек.

– Вы о какой катастрофе? – Я принялся нанизывать наживку на крючок.

– Да вся жизнь в России – сплошная катастрофа... – Старик поддёрнул удилице и вытащил довольно большого окуня с чёрно-полосатой спиной. Радостно заметил: – Вот уже пятый. И ещё не вечер... Павел Митрофанович снял с крючка рыбу и опустил её в садок. И, поймав мой взгляд, спросил:

– Что вы с таким удивлением смотрите? Хотите о катастрофе?

– Конечно.

– Вы про оборону Москвы каких маршалов читали?

– Десяток, наверное... Белобородов ... Всех не упомнишь.

– Про ледовое нашествие никто не писал?

– Ледовое побоище? – спросил я, понимая, что старик перепутал времена. – Но это когда было? При Александре Невском.

– Да, да, – ухмыльнулся Павел Митрофанович. – Только не при Невском... Как вспомню, так до сих пор по спине мороз. И сегодня до костей пробирает... А тогда был холод собачий. В конце ноября градусов тридцать с добрым гаком. Танки с огромным трудом заводились. А грузовики только тросом в протяжку... И то не все.

– Вы в каком звании тогда были? – спросил я, пытаюсь понять, о каком побоище говорит старик.

– Подполковник... Нас переподчинили Калининскому фронту, армии генерала Кузнецова ... Стояли мы у деревни Гашкино или Кашкино... А против нас какой-то фон Клюге... А сзади озёра. Водохранилища... В штабе армии получил прямое указание – отбивать атаки и готовиться к удару на Клине. Наступать всегда весело. А отступать – думать надо. Хорошо знать местность, чтоб не оказаться с танками на дне. Двадцать шесть тонн никакой лед не выдержит. А у меня таких машин почти шестьдесят пять. Да ещё полковое хозяйство...

– А как немец? – Я наживил червя и забросил снасть.

– Две недели мутзил нас. Закидал бомбами... Да большая часть мимо... Ну, мы отбились. Правда, два десятка с экипажами потеряли. Капониров в сорокаградусный мороз не нароешься. Маскировались, как могли... А погибших собирали. Окоченелых...

Вдруг среди ночи прискакал на киргизе делегат связи. Приказ из штаба фронта привез: немедлен-

но сняться с места и перебазироваться к ближайшему железнодорожному разъезду. Причин, конечно, не объяснил нарочный. Да и не его это дело. На коне верхом появился и ускакал с первыми лучами. Но русская земля слухами живет. Из уха в ухо – Гудериан к Туле прорывается... Получил приказ – выполняй! Разведка на следующий день дорогу разметила... Чтоб не плутать. День ноябрьский короткий. В три часа уже темнеет. А немец над ними летает беспрерывно, что осенний лист. Захочет – бомбы сбросит, захочет – просто покружится... Ох как куражился!

Первыми снялись ремонтники и заправщики. Ушли в ночь. Ранним утром две танковые роты и штаб...

– Тогда в полку разве были роты? – переспросил я.

– Извините, запямятовал... Да, да. Конечно батальоны, а в них – роты...

Я на своём танке замыкающим. Взобрался на высоту. Дай, думаю, гляну на оставленные позиции. Смотрю, а вдали колонна пехоты уходит куда-то – соседей наших тоже сняли с позиций. Удивляло и беспокоило только, что никого нам на смену не прислали. Получалось, вроде как мы оголили километров пять фронта. Заходи кому не лень... Нажал я ногами на плечи механику-водителю – трогай. Развернул башню и высунулся из люка... Сквозь рёв двигателя слышу какой-то грохот. И шёл он не от немцев, а с нашей стороны. Первая мысль – немецкие танки ночью зашли нам в тыл! Махнул красным флажком два круга над головой. Это у нас условный сигнал – полный вперед на максимальной скорости! Очень не хотелось второй раз из окружения выбираться... Правда, все уже были от командирского танка далеко...

Павел Митрофанович снова поддернул удилище и вытащил чёрного окуня.

– Соскучился я за зиму по настоящей рыбалке. Славная уха будет. Поглядите... окуни, как сардельки.

– А как насчет коньячку?

– Нет, нет, – отказался старик. – Я свою норму знаю. А через час таблетки. И в магазин... Махнул флажком и пнул механика в спину. Вперёд!

А грохот, как канонада. Сильный и близкий.

И опять мне повезло. На то место, где стоял ещё полчаса назад мой полк, накатила вода вперемешку с шугой. А следом стена льда, высотой три с лишком метра... Пригляделся... Мне вдруг стало страшно. Впереди себя этот ледяной вал тащит брёвна, выбитые из стен, и чёрно-рыжую солому, связанную в маленькие снопы, какими крыши кроют в деревенских избах... Увидел дверь. А на двери, как на плотике, держась за ручку, лежит ребёнок лет шести... Босой, без шапки. В одних портках и рубашечке... Как только с печи слез... Дверь скользит перед ледяным валом каким-то чудом, как санки. И вдруг уткнулась в огромный бугор, на котором голый куст сиротливо пальцы-ветки к небу вознёс. И остановилась. И на неё, вижу, надвигается грязная ледяная глыба, облепленная старой соломой. Минута-другая... и мальцу конец.

«Амвросий! – кричу. – Давай! Спасай!»

А сам стучу носками сапог в спину Хамзе – задний ход!

Механик-водитель сдал назад. Гусеницы остановились у самой двери. Амвросий выскочил на снег. Схватил паренька... Успел-таки запрыгнуть на броню вовремя... Глыба замяла дверь под себя, среза бугор и поползла дальше... Зацепила мне левую гусеницу и развернула двадцать шесть тонн... как лошадь пустую телегу.

– Кто такой Амвросий? – перебил я эмоциональный рассказ Павла Митрофановича.

– Мой старшина. Он со мной в танке на месте заряжающего всегда сидел.

– А мальчик?

– Кое-как в танк впихнули. Он уже коченеть стал... В тепле и тесноте машины отогрелся... Пришли на разъезд. Давай расспрашивать. Он с бабкой и дедом в этой самой деревне жил. Кашкино или Гашкино. А утром их дом сорвало и понесло... Он плачет. «Хочу к бабушке...»

Накормили мы его. Парни из хозроты какую-то одежку справили...

На разъезде нас уже платформы ждали... Погрузились. И поехал пацанёнок с нами Гудериана воевать под Тулу... А когда про паренька слух до особистов дошёл, примчались, как чумные, и, ничего не объясняя, забрали...

Я старался понять: говорит старик правду или складно выдумывает, чтобы выглядеть особенным героем в моих глазах... То Зоя Космодемьянская – несчастная девчонка. А теперь какой-то паренёк на двери в лютой мороз...

– Так что это было? – спросил я.

Павел Митрофанович смотрел на удилица сосредоточенно. Я наклонился над деревянным ящиком с червями и заглянул старику в глаза. Голубые, уже потерявшие яркость, они были наполнены неудержимой болью переживания, словно происшедшее с ним случилось не давно, а только вчера. И было видно, что боль не отпускала...

Он поддёрнул удилице и вытащил из воды голый крючок. Долго насаживал на него червя. Пальцы у него дрожали. Забросил нервно снасть, вытер тряпчочкой руки и, вздохнув, нехотя сказал, должно, наспех придумав ответ:

– Не знаю. Может, где плотину какую прорвало...

Но мне показалось, что старик не говорит правду, хотя и знает её. По тому, с каким раздражением он бросил снасть в воду, я понял, что разговор ему не нравится.

Я знал многих рассказчиков, истории, придуманные которыми, были страшней и безумней услышанной о мальчике. Но глаза краснобаев всегда светились радостным огнём, питаюсь счастливым умением обманывать простодушных слушателей.

Мне было неловко с этим человеком. Хотелось поспорить с ним, но предмет для спора ускользал, и я не мог понять почему. И, нарвавшись на несколько болезненных замечаний старика, боялся, что и победа в споре обернётся против меня.

Дальше мы сидели молча. У Павла Митрофановича клевало. У меня – нет. Я поймал только двух плотвичек.

Старик ходил к палатке глотать таблетки.

– Я предлагаю, – сказал он, снимая с крючка очередного окуня. – Вы готовите уху. Окуней чистить умеете?.. А я сбегаю в село. Зайду к знакомым. Возьму картошки и капуста...

– Спросите газеты, – напомнил я, соглашаясь.

Павел Митрофанович оставил удилица, пошёл к палатке. Быстро собрался и скрылся в густых кустах просеки.

Продолжение следует.

Светлана ЛОЗИНСКАЯ

Родилась в г. Шаргороде Винницкой области, Украина. Окончила Кишинёвский институт искусств. Двадцать семь лет проработала в туристической отрасли Молдавии искусствоведом Всесоюзных маршрутов. Автор восьми сборников стихов.

Яблоко от яблони...

Подметая дворик, Марта не заметила машину, остановившуюся у её калитки.

– Кажется, всё подмела, – сказала сама себе женщина и вдруг почувствовала, что кто-то за ней стоит. Выпрямившись, ахнула: – Люся приехала! Боже мой, Люся приехала!

– Я думала, меня здесь будут встречать с оркестром, – смеется Люся.

– Оркестр ушёл чинить товарищу машину, – тем же шуточным тоном отвечает Марта.

– Помню, всё помню. Оркестр – это твой милый супруг. Придётся ждать до вечера. Сейчас хочу помыть руки, – входя в коридор, говорит гостя. – У вас всё по-старому, та же чистота и уют. Ты славная хозяйка.

...Через пятнадцать минут женщины уже сидели в угловой комнате, пили кофе, рассматривая фотографии, привезённые Люсей.

– Посмотри, – весело рассказывает Люся, – это наш участок. Мамин дом ты помнишь?! А левее – Зосин, в два этажа. Маменька свой дом немного обновила, пристроив веранду в виде Зосинога балкона. Говорит – нужна схожесть зданий. Они всегда поют одну и ту же песню.

– У дочери и мамы одна песня? – поправляя выбившийся локон, спрашивает Марта.

– Ты разве не знаешь, что они все жизненные вопросы решают вместе? С детства так заведено. Профессии у них почти одинаковы. Мама окончила строительный институт, Зося – архитектурный. Даже рисунки похожие, я имею в виду стиль. Если пейзаж – то обязательно будет что-то из строения: дом, калитка, забор или колодец.

– Яблоко от яблони... Твой отец был видным печником, а дочка уже в шестнадцать лет помогала ему строить печки. Родовое передалось. Не знаю, правда ли, что твоя мама пешком пошла в Киев поступать учиться.

– Да, действительно. Мой дедушка слыл знатным печником. За ним заказчики приезжали даже с Киева. Где он научился этому ремеслу – не знаю. Скорее всего, кто-то из предков оставил ему своё умение.

– От твоей мамы профессия передалась внучке. Никак не могу понять, почему наследственность передаётся, а воспитание нет, – вытирая набежавшую слезу, вздыхает Марта.

– Извини, пожалуйста, – пересаживается с кресла на диван Люся. – Я, наверно, должна была сначала узнать, что у вас случилось.

– Это мне надо просить извинения, что потревожила всех вас, так и не рассказав толком семейной беды. Наша Лера снова убежала.

– Снова? Когда это случилось? – с тревогой спросила Люся.

– Больше года назад. Если раньше её находили или она сама возвращалась, то сейчас её след простыл. Я хотела попросить тебя, чтобы ты обратилась к Денису Михайловичу, может, он поможет, – почти заикаясь, говорит Марта.

– Давай всё по порядку, – ласково предлагает Люся. – Чтобы разобраться во всём, я должна знать о её прежней жизни, иначе открыть дело на поиск человека невозможно.

– Простите нас, – немного успокоившись, вздыхает Марта. – Мы не говорили правду о Леринем прошлом по просьбе Максима. Начну с самого начала. После окончания техникума наш сынок со своим другом уехали работать в Иркутск. Всё у него было хорошо до тех пор, пока не женился на местной девушке, по имени Анна. На свадьбе мы не были. Получилось так, что они срочно расписались и поселились жить у невесты. Позже сын прислал фотографию, на которой он вместе с женой

и её дочь Лерой. Позже он удочерил Леру, дал ей свою фамилию и отчество. Мы были рады, что у Максима всё складывается хорошо. Так прошёл год. Не помню, как случилось, в один день он позвонил и, путаясь в словах, сказал, что Анна лежит в больнице, но вряд ли она от этой болезни избавится. Что это значило, мы не поняли. Потом он замолчал и только через три месяца сообщил, что разошёлся с женой и живёт отдельно. Следующее письмо было странное – Максим написал, что якобы Анна издевается над ним и Лерой. Мы ничего не поняли, и я тут же выехала в Иркутск. Всё, что я там узнала и увидела, поразило настолько – передать словами невозможно. Оказывается, жена Максима пьёт давно и без меры. У неё теперь новый мужчина, а Леру она оставила на попечение нашего сына. Когда его не было дома, решила пойти и посмотреть на бывшую невестку. Но дом, если это убогое строение можно назвать домом, был изнутри закрыт, а соседка, с опаской оглядываясь, рассказала мне историю Анны. Девушка, или, лучше сказать, бывшая жена Максима, родом из районного городка. Мать её убежала от родителей, когда ей было 16 лет. Связалась с вором и пьяницей, прожила с ним три года, вернулась домой с ребёнком на руках. Через какое-то время попала в аварию и погибла. Аня осталась жить у своей бабушки. В 14 лет уже жила с парнем. Любовь закончилась тем, что в 16 лет она родила девочку Леру, а еще через год подалась в Иркутск. Вскоре умерла бабушка, оставив Анне прекрасный дом с участком земли, который она продала. В Иркутске купила «халупу», а остальные деньги пропила. Когда деньги закончились, Анна стала работать нянечкой в детском садике, куда и определила свою дочь. Она немного изменилась, повзрослела. Именно в тот период Анна и познакомилась с Максимом, а вскоре вышла за него замуж. Жить бы им да жить, только родовое наследство её не покинуло. Она вновь начала выпивать, и не только – ей хотелось компаний, гуляний, ежедневных праздников. Это привело к разводу. Вот такие новости я узнала о моей бывшей невестке от посторонних людей. Максим обещал мне – когда Анна придёт в себя, они решат судьбу Леры. Но ничего из этого не получилось. Я уехала, так и не дождавшись, когда Анна протрезвеет. Через месяц после моего отъезда Максим позвонил и сообщил страшную новость – дом Анны сгорел вместе с хозяйкой и её любовником. Я тут же снова выехала в Иркутск и забрала Леру к себе. Девочке тогда исполнилось шесть лет. Свою мать она хорошо помнила. Такое не забывается. У нас она получила то, что нужно ребёнку: любовь, внимание, воспитание. Как-то к нам пришла моя знакомая Тамара и, плача, стала рассказывать о своей беде – её племянница отказалась от своего сына, уйдя в пьянство и гуляние. Когда Тома ушла, Лера долго возмущалась, как это так, чтобы мать бросила своё родное дитё. Мы с Виталием долго потом говорили на эту тему, радовались, что у Леры другие корни и другое воспитание.

Марта отпила глоток кофе, кинула взгляд на фотографию, что висела на стене, где была сфотографирована с Лерой:

– Никто не в силах уничтожить тот негативный ген, который, к сожалению, передался по наследству. Наша Лера загуляла уже в восьмом классе. Мы думали, это просто влюблённость. Но – ошиблись. Сначала Лерочка заимела подружку из неблагополучной семьи, которая была старше её на пять лет. Они вместе выпивали, подворовывали и вели разгульный образ жизни. Потом она ушла из дома на неделю, передав через приятельницу, что едет отдыхать. Вернулась домой и, как ни в чём не бывало, пошла в школу, сказав учителям, что ездила со мной на похороны дедушки. Виталий пригрозил ей – если она будет так себя вести, он отправит её к Максиму. Не знаю почему, но она не хотела жить с Максимом, сетуя на то, что у него злая жена и двое сынков, которых он любит больше, чем её. Мы все силы прикладывали, чтобы оградить её от всего плохого и негативного. Училась она не важно, но любила красиво одеваться, ходить на дискотеки...

В 9-м классе Лера чуть не вышла замуж. Однако жених оказался женатым. После окончания школы заявила, что идёт работать продавцом в киоск. А через месяц она выходит замуж. Сыграли свадьбу... Содержание молодой семьи легли на наши с Виталием плечи. Ровно через три месяца после замужества супруг Леры сказал, что она гуляет с соседом. Ещё через месяц они развелись. Лерочка вернулась к нам, обещая, что исправится и все будет по-другому.

Как сейчас помню – стоял тёплый осенний день. Лера вдруг заявила, что вновь выходит замуж за красивого и умного парня по имени Сергей. Так оно и было. У Сергея был дом с садом и добрый участок земли. Работал он директором небольшого магазина. Опять сыграли свадьбу, на этот раз за счет Серёжи. Наш дом вновь наполнился радостью и надеждой на покой и благополучие. Мы отдали Лерочке всё, что она захотела. Жили они неплохо. Когда у них родился Димочка – Лера совсем преобразилась. Только счастье было недолгим. Вскоре Лера уезжает с каким-то не очень молодым кавалером в неизвестном направлении. Как это случилось – мы не могли понять. Сергей рассказывал, что Лера в последнее время частенько захаживала к новой подружке, которая трижды была замужем. И вдруг Лерочка пропала. Подружка весело сообщила Серёже, чтобы тот не беспокоился – Леруся улетела в Ялту. Вернулась спустя месяц. Врала мужу и нам, что её похитили и увезли, она ничего не помнит. Плач, клятвы, просьбы – всё перемололось. Мы решили

поговорить с Сергеем, чтобы он простил её – сетуя на молодость, буйные фантазии, на время, которое подталкивает на «любовные» подвиги.

– А сколько лет тогда было Димочке? – сметая крошки со стола, спросила Люся.

– Два годика. Он уже кое-что соображал, но дитё есть дитё – ему нужна мама. Кстати, через часок Димочка приедет. Обещал. Любим мы его особенной любовью. Чудный ребёнок. Весь в отца: такой же умный, добрый, ласковый. А какие у него глаза – два зелёно-синих пруда, – оглянувшись на открытое окно, сказала Марта. – Я никак не могу забыть, как Лера говорила и порицала тех мам, которые бросают своих детей. А тут, на тебе, сама стала кукушкой.

– Что сейчас Дима говорит о маме? – рассматривая Лерину фотографию, спросила Люся.

– Ждёт её. Какие чувства в нём сидят – мы не знаем.

– Ты писала, что Лера исчезала из дома несколько раз, – подливая кофе Марте, спрашивает Люся, – Когда это было? Кто и как её искал?

– Из дома она уходила три раза. О первом я тебе рассказывала. Потом было ещё два. Правда – отсутствовала она не долго, по недельке. Оправдывалась тем, что муж её обидел и жила она в селе, у друзей. Не знаю, проверял ли Сергей, но жену принял назад. Сейчас мы с ног сбились. Ищем все вместе: Сергей, его родители и мы. Моя подруга Ксения работает в органах, она тоже подключилась. Сотни писем, заявлений, телефонных звонков – результата никакого. По некоторым данным появилась Лера сначала в Николаеве. Потом видели её в Одессе и Симферополе. Мы не знаем, это была она или похожая на неё девушка. А тут недавно наш дальний родственник Николай сообщил, что видел Леру по дороге в Киев, возле придорожного ресторана, она садилась в кабину большой грузовой машины. Мы сразу запросили Киев, но... результата нет. Я не знаю, что нам делать. У Виталия скачет давление, у меня болит сердце.

– Максим по-прежнему живёт в Туле? Может, он знает что-нибудь о Лере? – записывая что-то в блокнот, спрашивает Люся. – Дай адрес Иркутска, где жила Лерина мама. И если знаешь, откуда она родом, тоже скажи. Всё это я передам Денису. Умный он человек. Как раз занимается такими делами. Думаю, не откажет нам.

– Яблоко от яблони... – вздохнув, сказала Марта. – Не зря люди придумали такую поговорку. Не отдохнула природа на Лерочке. Дай Бог, чтобы она отдохнула на Димочке.

Стояла ранняя осень. Высокая груша, видневшаяся за окном, уже принарядилась в яркие наряды, наслаждаясь последним теплом. Тихо проскрипела калитка, и послышались быстрые детские шаги.

– Димочка идёт, – поспешила навстречу внуку Марта.

– Бабушка, я пришёл! – звонко сказал мальчик и, увидев гостью, добавил: – Добрый день. Меня зовут Дмитрий.

– А я Люсия Павловна, – подавая руку Диме, как взрослому человеку, светло улыбнулась женщина. – Тебе сколько лет?

– Шесть. Собираюсь в школу. Умею читать и писать, – серьёзно ответил мальчик.

Долго звенела посуда на кухне Марты и неслись оттуда голоса двух женщин и ребёнка. Долго не умолками смех и тихие вздохи, пока не открылась дверь веранды и во двор вышли хозяйка дома, её гостья и смысленый не по возрасту мальчишка.

– Через час я должен быть дома, – подбирая разноцветные листочки с дорожки и смешно морща лобик, сказал Дима. – Обещал папе приехать вовремя. Маршрутка ходит часто, успею ещё погулять с вами.

– Тогда идём в сад, – предложила Люся. – Когда бываю здесь, наслаждаюсь покоем, тишиной и бытием жизни. Как не любить этот уголок?! На трёх сотках красуются плодовые деревья, грядки и есть даже беседка. Живи и радуйся. Давайте плести венки из листьев. Возле вишни их много-много.

В глазах мальчика была тихая грусть и в то же время надежда на что-то доброе и светлое. Он знал, он догадался, почему гостит у бабушки тётя из Киева. Она приехала, чтобы помочь разыскать его маму. Детское сердце улавливает самые незначительные взгляды старших, их намёки, недоговоренные слова, даже их повышенное внимание к нему.

...В венках из осенних листьев шли к остановке маршрутки Марта, Люся и Дима. Двое встречных мужчин, увидев такое шествие, улыбнулись, а мальчик, оглянувшись на них, гордо поднял голову.

– Вот, возьми, – подавая пакет Диме, сказала Люся. – Там подарки тебе, папе, бабушке и дедушке. К сожалению, я завтра утром уезжаю. Но обещаю, приеду еще.

Маршрутка быстро заполнилась пассажирами. На какое-то мгновение Дима задержал взгляд на Люсе, и в этом удивительно-вопросительном и просящем взгляде она увидела глубину детской печали, мольбу и просьбу о помощи – разыскать его маму.

Тетя Люся ответным взглядом дала понять малышу, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы сбылась его мечта.

Платон БЕСЕДИН

Прозаик. Родился в Севастополе. Публиковался в журналах «Радуга», «День и ночь», «Крещатик», «Зарубежные задворки», «Флорида», «Наша улица», «Дети Ра» и др. Печатался в сборниках прозы и литературных альманахах (Россия, Украина, Германия, США). В начале 2012 года в России и Украине вышел дебютный роман «Книга греха». Победитель, лауреат конкурсов «Славянские традиции», «Активация слова», «Новые писатели», «Согласование времён», «Дебют».

Дьявол обыкновенный

Как говаривал один чёрт: «В последнее время работы у нас поубавилось. Раньше выбрал человечку и давай его сбивать с пути добра, а сейчас и сбивать собственно не с чего. Это нам, чертям, есть чему у вас, людей, поучиться».

И то ли люди пошли такие, то ли время настало смутное, но куда ни плюнь – везде чёрт. Смотришь – человек человеком, а присмотришься – так чёрт, форменный чёрт.

Вот и Лаврентий Сергеевич Трупилов, субъект незначительный, вдруг взял да и стал личностью масштабной, эпической. Был он как все, жил со сварливой тещей да работал в городском морге, но вдруг резко преобразился.

Однажды утром Трупилов обнаружил, что кожа его, доселе землистая и морщинистая, неожиданно разгладилась и побелела, а правый глаз из зелёного окрасился в тёмно-чёрный. В области правой ключицы у него кристаллизировался твёрдый бугорок. В туалет Трупилов начал ходить кровью, а кушать стал исключительно сырое мясо.

Произошедшие события привели Лаврентия Сергеевича в страшное замешательство. Он принялся искать спасительных ответов у врачей, а после, как водится, обратился к магам и экстрасенсам. На них он потратил почти все свои сбережения и даже заложил в ломбард бриллиантовое кольцо покойной жены, но становилось только хуже: крови из члена лилось всё больше, а глаз чернел и чернел.

Почти вконец отчаявшись, Трупилов наткнулся на гадалку Ефросинью.

Та до карьеры экстрасенса звалась Марфой Рвачевой, работала на рыбоконсервном заводе, любила портвейн и плешивых мужиков. Решив стать гадалкой, она подчитала книгу, создала интерьер и зажила новой оккультной жизнью.

Ефросинья повертела свой магический шар, купленный на распродаже под Харьковом, почитала давеча сочинённую молитву и объявила, что Трупилов есть форменный дьявол. Тут потомственная гадалка перекрестилась и неожиданно, в первый раз за свою недолгую, но плодотворную карьеру, почувствовала странные вибрации, охватившие помещение. Такой ход дел до смерти напугал Ефросинью; она выгнала Трупилова вон, заперла лавку и уехала лечить свой магический дар в Кисловодск.

Лаврентий Сергеевич, выйдя от гадалки, долго курил, смотрел на проходящих людей и наконец решил, что дьяволом быть не так уж и плохо. Развеселившись, он зашёл в ближайшую пивную, тянул две кружки тёплого пива и во всеуслышание сообщил посетителям, что перед ними восседает Сатана. Те посмеялись, выпили с воплощением зла на брудершафт и вскоре выгнали его за inferнальное буйство.

Пьяненький Трупилов грустно побрёл домой. За ним верной собачонкой потрусил долговязый паренёк в чёрной футболке «Judas Priest». Он свято поверил, что Лаврентий Сергеевич есть самый настоящий дьявол.

Надо заметить, что живого дьявола долговязый паренёк по кличке Рахит мечтал встретить едва ли не с самого детства. Мечта эта была единственным двигателем жизни Рахита. Он искал дьявола на кладбищах, готических вечеринках, в магазинах оккультной литературы и даже в сектах сатанистов.

Правда, от последних он довольно быстро сбежал, когда увидел, как приносят в жертву истощенно орущую кошку.

И вот мечта Рахита сбылась. В затхлой пивной он повстречал дьявола. Так у Трупикова появился первый поклонник.

Рахит привёл ещё нескольких парней, в таких же чёрных футболках, но уже с другими надписями. Те привели новых, те – ещё одних. И вокруг Лаврентия Сергеевича Трупикова, бывшего работника морга, а ныне живого дьявола, образовалась маргинальная кучка, получившая название «Церковь истинного возрождения».

Поначалу возрожденцы собирались у Трупикова дома, но тёща своими истеричными криками нарушала ход магических таинств, а потому решено было собираться на даче, оставшейся Лаврентию Сергеевичу от покойной жены.

Здесь простора было больше, а назойливых личностей меньше. Трупиков уволился с работы, так как полагал, что дьяволу не пристало работать, и занялся исключительно церковной деятельностью. За бесплатно, ради идеи. Альтруизм продолжался ровно до тех пор, пока у Трупикова не протёрлись последние брюки, а новые купить было не на что.

Тогда Лаврентий Сергеевич решил взимать с возрожденцев членский взнос. Первых сборов Трупикову хватило на новые брюки, рубашку и приличную закупку продуктами в супермаркете.

С тех пор дьявол Трупиков обеспечивал себя за счёт «Церкви истинного возрождения». Он принялся собирать не только членские сборы, но и взносы на оформление помещения церкви, издание специализированной литературы и просто как благотворительность.

Дела Трупикова пошли в гору. Дача превратилась в храм веры, сторонников Церкви становилось всё больше, а денег, собираемых с них, хватило на иномарку, брендовую одежду и поездку в Сан-Франциско. Туда Трупиков ехал стажироваться к Антони Шандору Лавею, знаменитому основателю первой Церкви Сатаны, которой группа «Eagles» посвятила свою балладу «Hotel California».

Добравшись до улицы Калифорния, на которой находилась сатанинская церковь, Лаврентий Сергеевич изрядно струхнул, взмок и вместо дьявольской мессы отправился в ближайший кабак. Там он порядочно набрался виски, после чего получил свой первый гомосексуальный опыт.

Спать с мальчиками Трупикову понравилось. Он вернулся в родной город и предался содомскому греху. «Голубые» опыты открыли Трупикову двери в новый мир – мир шоу-бизнеса и политики. Здесь ценились гомосексуализм и еврейские корни.

С первым у Трупикова был полный порядок, а вот второй фактор, что называется, подкачал. Лаврентий Сергеевич долго рылся в своей родословной, пытаясь отыскать в ней хоть одного потомка Моисея, но тщетно. Тогда он плюнул на поиски и сменил имя на Лаврентия Иосифовича Бронштейна. Родословную соответственно тоже пришлось переписать.

Так Трупиков и жил. В его «Церковь истинного возрождения» пришли новые прихожане, уже из состоятельных, известных и власть имеющих, для них совершались отдельные мессы, инкогнито, а денег у предводителя возрожденцев стало ещё больше. Их стало настолько много, что он отстроил роскошный особняк, купил себе «Майбах» и закутил пару громких интрижек с известными моделями.

Шуры-муры с моделями ему посоветовал завести персональный PR-менеджер, с недавних пор появившийся у Трупикова. Лаврентий Сергеевич отнекивался, мол, для чего, коль предпочитает он исключительно мальчиков, но PR-менеджер разумно рассудил, что мальчиков предпочитают многие, однако, сей факт не мешает им создавать информационные поводы любовными интригами.

Трупиков целовался для камер с Ниной Агафонцевой, бывшей продавщицей мороженого в Петрозаводске, а ныне топ-моделью и лицом «Vavon». Посещал светские рауты вместе с Ритой Земляничной, когда-то работавшей проституткой в Твери, а сейчас культовой ТВ-ведущей. И наконец потряс общественность фееричным романом с Анной Шнитке, убеждённой лесбиянкой и популярной певицей.

С Анной у Трупикова зашло настолько далеко, что, нанюхавшись кокаина, он предложил ей выйти замуж. Певичка обалдела, но затем, логично рассудив, что ничего в их быту собственно и не изменится, а вот отступные при разводе можно будет содрать приличные, согласилась.

Трупиков, отойдя от кокаина, перепугался собственной решительности и собрался всё отменить, но PR-менеджер со свойственной ему рассудительностью убедил шефа женитьбу не отменять.

Близящийся брачный союз живого дьявола Трупикова и певицы Шнитке широко освещался в прессе, и обручённые даже дали пару подробных интервью.

В частности, в одном из них Анна, отвечая на вопрос журналиста о сущности Трупикова, заявила: «Лаврентий, конечно, не сын Сатаны, но Сатана любит его как сына». Сам же Лаврентий Сергеевич, находясь под воздействием кокаина, на всю страну, в прямом эфире, заявил, что у него прихожан куда больше, чем в православной церкви.

Православные обиделись, выступили с обличающей проповедью против еретика Трупикова-Бронштейна, а позже наехали на него по понятиям. Из передраги Лаврентий Сергеевич выбрался без полумиллиона евро.

Переживания изменили Трупикова ещё сильнее. Он покрылся серебристой коркой, глаз его впал в черепную коробку и превратился в форменную чёрную дыру.

Роль дьявола Трупикову осточертела, здоровье стало хуже некуда, а как уйти, он не знал. За ответом Трупиков решил обратиться к Ефросинье, но та бесследно пропала в Кисловодске. Не найдя гадалки, он приуныл, ушёл в алкогольно-кокаиновую кому, расстался со Шнитке и забросил дела церкви.

К жизни его возродил pr-менеджер, который посоветовал Лаврентию Сергеевичу открыть свой телеканал. Уже скоро зрители лицезрели «ЦИВ-ТВ».

Данное событие вернуло Трупикову прежнюю активность. Днём он читал пространные проповеди по своему телеканалу, а ночами просиживал в кабинете за бутылкой виски и кокаиновой пылью.

В одной из таких ночных посиделок Лаврентию Сергеевичу явился некто. Он без стука зашёл в личный кабинет Трупикова, ухмыльнулся, проперделся и сказал:

– Всё сидишь, Лаврентий, штаны протираешь...

От такого хамства у Трупикова перехватило дыхание. Он задёргал своей уродливой птичьей головой, покраснел, разволновался, не в силах вымолвить ни слова.

– Сиди уже, не вставай, – продолжал издеваться незнакомец.

– Охрана! Охрана! – обретая голос, заверещал Трупиков.

– Ну ты и лох, – осклабился незнакомец. – Какая на хер охрана?

Трупиков незнакомца ясно видел, но описать не мог. То есть были черты, цвета, приметы, но всё это никак не складывалось в единый портрет.

– Знаю, что ты назвался дьяволом, – нахальным голосом продолжал незнакомец. – Тут, конечно, ничего страшного. Я таких много на своём веку перевидал, только ты самый никчёмный из них.

– А вы, простите, кто будете? – опешил Трупиков.

– Не узнаёшь? – заржал незнакомец. – Я и есть дьявол, собственной персоной.

– А я Бог, – пробурчал Трупиков и заорал громче прежнего. – Охрана!

Тут незнакомец щёлкнул пальцами, в груди Лаврентия что-то сжалось, и он стал само внимание.

– Диспозиция такая, – заявил незнакомец. – То, что ты дьявол, это хорошо, но пора бы и дело делать.

– К примеру? – уточнил Трупиков.

– Мне тебе рассказывать? – вздохнул незнакомец. – К примеру, пусть твои жертвоприношения делают, мерзости творят...

– Они творят, – заметил Трупиков.

– Масштабы не те, – пробурчал незнакомец. – Ты бы флеш-моб какой-нибудь организовал. Например, массовое самоубийство прихожан. Идейка неплохая. Мне нравится. Так что, Трупиков, действуй, вперёд и с песней.

– Так у меня не останется прихожан, – пробормотал Трупиков. – На что я жить буду?

– Это, как говорят, твои личные половые трудности, – осклабился незнакомец и молниеносно исчез.

После его ухода Трупиков застыл за письменным столом, просидел так пару часов, наконец шумно втянул кокаин и заснул тяжёлым, дурным сном. Снился ему незнакомец в самых разных обликах: от первого любовника до покойной тещи. Проснулся Трупиков совершенно разбитым. Пластом он пролежал три дня. Интуиция подсказывала ему, что визит незнакомца не был наркотической галлюцинацией, а нёс в себе абсолютно реальную угрозу. В стремлении забыться Трупиков ринулся в омут бурной деятельности: его проповеди на «ЦИВ-ТВ» стали ещё более экспрессивными, ночные кутежи – ещё более безудержными.

Причину явления незнакомца Лаврентий Сергеевич видел в своём угольном глазе. С него начались все беды. Трупиков обратился к пластическому хирургу с просьбой удалить странное образование. Светило науки осмотрел чудного пациента и постановил, что операция невозможна.

Выйдя от хирурга, Трупикив столкнулся нос к носу с ночным гостем. Тот нагло, по-блатному козырнул Лаврентию Сергеевичу и скрылся в кустах. Трупикив выхватил у одного из телохранителей пистолет и принялся палить вслеп, но безрезультатно.

С тех пор встречи их стали регулярными. Незнакомец подмигивал из зеркала в ванной, выскакивал по утрам из шкафа, оказывался одним из журналистов на пресс-конференции и даже ухитрился скалиться Лаврентию Сергеевичу с фотографии его матери. На стенах, мониторах камер, книгах, зеркалах – везде кровоточила одна и та же надпись – «самоубийство».

Трупикив сдался. Он велел пригласить pr-менеджера и, запершись с ним в личном кабинете, принялся обдумывать, как совершить массовое самоубийство прихожан «Церкви истинного возрождения» с максимальной для себя выгодой. Pr-менеджер выпил гаитянского рома и изложил абсолютно беспроектный план. Трупикив согласился.

Той же ночью Лаврентий Сергеевич увидел престранный сон, в котором его покойная жена сквозь бледно-зелёный туман подавала ему загадочные знаки.

Очнувшись ото сна, Трупикив, будто по наитию, отыскал потрёпанный альбом с фотокарточками и принялся проверять каждую фотокарточку. Наконец на одной из них он обнаружил то, что искал, – рисунок с подписью «Старец Антоний». Трупикив был уверен, что раньше этой надписи не было. Сразу же тронулся в путь.

Старец Антоний жил в деревянной избе за городом и собственно совсем не походил на старца. Трупикива поразила его развитая мускулатура, спортивные штаны и лицо тридцатилетнего человека. Разве что седая кустистая борода придавала Антонию хоть какое-нибудь сходство со старцем.

Трупикив уставился на колющего дрова Антония, осмотрелся по сторонам, словно не понимая, где находится, и решил было ехать обратно, когда старец, могучим ударом вогнав топор в пень, обратил свой взор на Лаврентия:

– От Настасьи? – от упоминания имени жены Трупикив вздрогнул. – Заходи.

В избе Антония пахло ладаном. На киоте стояло три иконы в серебряных рамах: Иисуса Христа, Богородицы и Николая Чудотворца.

Лаврентий Сергеевич открыл рот, чтобы обратиться к странному старцу, но неожиданно для себя навзрыд разревелся. Антоний улыбнулся и по-отечески проговорил:

– Не до конца озверел.

Вытирая слёзы, Трупикив с удивлением обнаружил, что его угольный мёртвый глаз слезоточит. От такого события Лаврентий Сергеевич пришёл в совершеннейший восторг. Он чихнул, вздёрнул бровями и принялся рассказывать свою историю.

– Кто или что я? – резюмировал Трупикив.

– Дьявол обыкновенный, – произнёс Антоний.

– Разве такое бывает?

– И не такое бывает, – прикрыл веки Антоний. – То, что в тебя бес вселился, это полбеда. Хуже, что поведением своим ты в других бесов поселил. По пастырю и стадо.

– А тот кто? Который мне покоя не даёт?

– Чёрт.

– Сатана? – в ужасе прошептал Трупикив.

– Много чести, чтоб Сатана к тебе сватался. – Антоний рассмеялся. – Чего побледнел? Или не сам дьяволом назвался?

– Не хочу дьяволом...

Трупикив пробыл у старца семь дней, а по возвращении прочёл в прямом эфире на «ЦИВ-ТВ» свою лучшую проповедь.

Суть её сводилась к тому, что счастье человека есть не ярмо и не хлыст, коим подгоняет его неразумный пастух, а путь духовный, глубоко личностный, измеряемый душевной свободой и любовью, которые и есть мерил на весах человеческой судьбы. «Церковь истинного возрождения» навсегда прекращала деятельность по воле своего создателя. В проповеди Трупикив не упомянул ни одной из религий, заметив лишь, что идея или движение, служащее в угоду её создателя и несущее энергию не в человека, а от человека, есть ложь, созданная гордыней и тщеславием по примеру самого Люцифера. Свою речь перед поражёнными зрителями Лаврентий Сергеевич Трупикив закончил следующими словами:

– Прошу у вас прощения, братья и сёстры, за то, что вверг вас в осквернение тела, души и духа.

Идите с миром, с любовью к себе и близким, ибо только любовь и может переродить нашу греховную сущность, и помните: как хотите, чтоб поступали с вами, так и вы поступайте с людьми. Это говорю вам я, дьявол обыкновенный, вновь переродившийся в человека.

Выслушав своего пророка, возроденцы опешили. В их рядах начались разногласия. Одни полагали, что предводитель сошёл с ума, другие призывали создать свою церковь, а третьи мирно расходились по домам, возвращаясь к нормальной жизни.

Впрочем, достаточно быстро «Церковь истинного возрождения» возобновила свою деятельность под названием «Церковь нового возрождения». Возглавил её бывший рг-менеджер Трупикова, объявивший себя антихристом, сыном Дьявола.

Сам Лаврентий Сергеевич отправился в монастырь, принял постриг, имя Захар и дал обет молчания. Доподлинно известно, что он истязал себя строжайшей аскезой и исцелял слепых утром седьмого и двадцать первого дня каждого месяца. Его угольный глаз побелел и превратился в кусок соли.

Яблоки, или подлинная история Евы

Ко мне подошёл Адам и сказал: «Ева, только без глупостей, Ева». Чего ещё можно ожидать от мужчины? Только очередной несуразицы. Если бы он не был мужчиной, то прекрасно бы понимал, что женщина без глупостей – уже не женщина.

Пока он предавался своим вечным размышлениям о бытие и благодати мироздания, я гуляла. Конечно, сначала мы совершали прогулки вместе. Но только сначала. Потом они ему надоели. Он решил отдохнуть, немного побыть наедине с собой. Наверное, если бы Адам был более внимателен, требователен ко мне, всё было бы по-другому.

Больше всего меня раздражало благополучие. Всё это ровное течение времени, событий, обстановки. Бытовуха убивает. Это верно. Особенно если бытовуха лишена эмоциональной окраски.

И тогда, во время очередной своей пешей прогулки, я забрела в рощу. Великолепную, как и всё в Эдеме. Эта идеальность меня и раздражала более всего. Когда всё ровно. Когда всё прекрасно. Когда всё идеально.

Женщина устаёт жить в мире, где всё хорошо. Она хочет ещё лучше. Неважно, как это будет достигнуто, ценой каких усилий; главное – ещё лучше. Потому что рано или поздно устаёшь: от мира, гармонии, любви. Хочется остротки: эмоционального взрыва, исполнения каприза, размолвки, наконец. Не потеряешь – не найдёшь. В том смысле, что сложно осознать всю ценность того, чем постоянно владеешь.

Адам приучил меня к тому, что я всегда буду счастлива. Не в смысле исполнения желаний, а в смысле их отсутствия. Жизнь без страстей исключает страдания. Страшно сказать, но и помечтать не о чем.

Вам, конечно, сложно даже представить о таком. Вам, думающим о лучшей работе. О подарках на праздники. О девушке, встреченной в метро. У вас есть, что желать. О чём мечтать. Страсть делает человека живым. Она всегда твердит ему, что где-то там есть лучшая, более прекрасная и совершенная жизнь.

Здесь, в Эдеме, ты уже на пике. Выше, лучше, прекраснее ничего нет, а, стало быть, и нет мечты, нет стремления. Конечно, нет и разочарований, боли утраты, горечи поражения – нет всего того, что делает человека сильнее.

Правда, что скрывать, даже здесь я ухитрялась предаваться мечтам о лучшей жизни. Женщине всегда кажется, что нет предела совершенству. Всегда есть, что улучшить, подправить, изменить.

Наверное, это одна из причин того, что случилось. Тогда, в саду.

Отец говорил мне: «Ева, не бери плодов», но кто слушает отцов? И вот подвернулась возможность. Этот смазливый змей ухитрился так вывернуть дело, что мне захотелось отведать запретного плода. Почему?

Вторая причина – гордость. Мол, запрещаете, а я всё равно сделаю по-своему. Вечная женская гордость, куда уж без неё? Всё сделать так, как хочу того сама. Надоели эти запреты. Свобода ведь не в их отсутствии, а в их наличии; при условии, что запреты эти ставит человек, которого ты любишь, и ставит он их так, что ты сама понимаешь, что собственно никогда и не хотела их нарушать.

В Эдеме с запретами ситуация патовая. Их вроде бы и нет, по той простой причине, что нечего запрещать, но запрещать приходится.

И вот этот змей извивается вокруг меня. Извивается так, словно хочет продать мне самый зале-

жалый товар по самой высокой цене. Конечно, я поняла, что он искушает. Если бы не искушал, то уж наверняка бы елеем с раздвоенного языка меня не смазывал. Поняла я, что и подсовывает он мне, в сущности, чёрте что – ересь да гниль.

Но вот представьте, сидите вы в золоте с утра до вечера да питаетесь одними дивными яствами, а тут вдруг приносят вам мерзкого варева в медной тарелке. Заинтересуетесь, наверняка заинтересуетесь, потому что меди-то никогда и не видели. Да и про варево расскажут так, как в лучших ресторанах. Мол, деликатес, редчайшее блюдо, а оно всё, что дорого, как правило, мерзко выглядит.

А тут ещё вся эта змеиная реклама. Шипит он слоганы, шипит свои дифирамбы, то с одного боку зайдёт, то с другого, а оно же страсть как хочется запретного попробовать. Попробовать, чтобы, в сущности, понять, что есть оно на свете запретное, иное, чем эдемское совершенство. В уродстве красота ведь лучше всего и отражается.

Потом всё свалят на меня; грехопадение – женское дело. Но скажите мне, господа судьи, в каком грехопадении женщины обошлось без мужчины?

Адама я узнала сразу. Весь этот нелепый маскарад с переодеванием в змея ему удался плохо. Уж не знаю, где он додумался найти этот змеиный костюмчик.

Впрочем, чего не сделаешь, дабы проверить свою жёнушку? Это, знаете ли, в природе мужчин: испытать, чтобы лишний раз убедиться в верности, а значит, и в правильности своего выбора.

И вот он сидит, Адам, муженёк мой, в образе змея, да диктует свои искушающие манифесты. Я думаю: «Была не была, хоть узнаю, что оно есть, это несовершенство». Ведь, знаете, когда каждый день совершенство видишь, его-то только и знаешь, начинает казаться, что и не совершенство это вовсе, а так – обыденность.

Откусила я. Вкус, надо сказать, препоганый, мерзкий до безобразия. Наверное, если бы был он лучше, то я бы и заподозрила неладное. Мол, чего это муженёк мой мне такую вкуснятину скармливает? Ан нет! Ловушка устроена так, что изначально мерзко до невозможности, а потому и втягиваешься. Похоже на первую затяжку сигаретой.

Откусила я яблоко, приснула слюной и давай бежать обратно, к мужу. Знаю, что сидел он на ветке, но фокус ведь в том, чтобы примчаться домой раньше него, разоблачить, доказать, что нехорошо это – собственную жену проверять.

Прибежала я домой, а Адам развалился, предаётся думам своим высоколобым. Думаю, может, змей был настоящий. Смотрю так пристально в глаза мужу и успокаиваюсь. По блеску глаз угадала, что всё же прятался на дереве, увещевал меня искушениями именно мой Адам.

Протягиваю ему яблоко, на, мол, попробуй. Он смотрит на меня, как на дуру, да отнекивается. Не хочет от плода запретного кусать.

Я тогда думаю, ну уж нет, я попробовала, значит, и ты туда же. Не мытьем так катанием уговорила его. Куснул, стало быть, яблочка, которым сам меня потчевал.

Поели мы, отплевались и только тут поняли, как же хорошо всё-таки в Эдеме. Лучше и не найдёшь. Смотрим, зачаровываемся и понимаем, что мы в этом великолепии отныне самые неидеальные элементы. И в сердце такая радость, живая, блаженная, всеобъемлющая. Только радость эта будто и не наша уже, а чья-то чужая, тех, кем мы были.

Дальше вы и так всё знаете. Появился Отец и отправил нас туда, где каждая частичка мира напоминает нам о том, чего мы лишились.

С тех пор и ходим мы по планете, я и Адам, и всё никак не можем открыться друг другу, что отведали мы яблока по собственному недоразумению да лени, не решаясь довериться и признаться в том, что один не остановил другого, пойдя на поводу собственной гордости.

Теперь мы заключены в теле каждого, кто вступает в брак. Мы взираем друг на друга их глазами, миллиардами глаз, много веков подряд. Наблюдаем, как в очередной ссоре они продолжают бросаться друг в друга яблоками, не желая остановиться на миг, осмотреться по сторонам и понять, что их окружает самое прекрасное, имя которому «любовь». И, поверьте, совсем необязательно надкусывать яблоки для того, чтобы лишний раз убедиться в великолепии и благодати своего Эдема.

Эхо

*However far away I will always love you.
However long I stay I will always love you.
Whatever words I say I will always love you.*
Р. Смит «Love Song»

В тесном кабинете следователя Волошко пахло нечищеными пепельницами и свежеекрашенными окнами. Сварливой тещей жужжал включённый кондиционер.

Следователь, лысеющий человек с выбеленными глазами, рассматривал синюю папку, на титульном листе которой значилось: «Дело №325 гражданки Окунева А.П.». Сама гражданка, кудрявая блондинка с жеваными губами, сидела напротив.

Волошко: Пойдём по порядку, Анастасия Павловна. Как вы познакомились с будущим мужем?

Окунева: На дне рождения общего друга. Он предложил греческий салат. Тем, как он это сделал, мне и понравился. Вышли на балкон, перекурили, обменялись телефонами.

Дальше, как у всех. Встречи, кафе, ухаживания. Когда ждёшь его под дождём, а он опаздывает, и ты психуешь, но вот он появляется, с горящими глазами, с цветами наперевес, и всё твоё раздражение уходит, будто и не было его...

Волошко вздрогнул. В его голове гипнотическим шёпотом звучало эхо. Вспомнилось первое свидание с женой: рыбный ресторан, её чёрное облегающее платье, стриженные «ёжиком» волосы и большие миндальные глаза, всегда чуть встревоженные и удивлённые.

Эхо: *Виной семейным ссорам – гордость и лень.*

Гордость не позволяет быть слабым, первым идущим на «мировую». Хотя выигрыш очевиден, ибо нет большей победы, чем обретение любви.

Лень мешает делать то, что вначале казалось естественным. Внутренний голос твердит, что объект завоёван, а значит, не стоит прилагать лишних усилий. Хотя удержать всегда сложнее, чем завоевать, ибо любовь есть процесс непрерывный.

Окунева: С мужем мы съехались на третий месяц знакомства. Хорошая двухкомнатная квартира. У него, кстати, всё было хорошее: и родители, и работа, и воспитание. Конечно, он разбрасывал носки, забывал поднять крышку унитаза, но это уже – мужские аксессуары. Важно другое – старание исправляться.

Он исправлялся. Я хвалила и находила новые поводы.

Волошко: Поводы для чего?

Окунева: Для недовольства. Я хотела изменить мужа. Он же мечтал остаться собой.

Помню нашу первую серьёзную ссору. Мы собирались в кино. Он хотел смотреть приключения, я – комедию. И никто не уступал. Всё началось с выбора фильма, а закончилось взаимными обвинениями. Он пошёл в кинотеатр – я осталась дома. Конечно, он вернулся с извинениями и цветами, уверял, что больше не хочет ссориться, а я, вся зарёванная, клялась ему в вечной любви и обещала, что мы никогда не расстанемся. Но что-то треснуло тогда.

Волошко: Вы говорили с мужем об отношениях?

Окунева: Он говорил. Я молчала, уткнувшись носом в подушку.

Уйдёт? Милости просим! И даже если потом будет паршиво, а так и будет, то и хрен с ним; сейчас ты хочешь быть без него... только сейчас и можешь.

Слушала я его лишь раз, когда он предлагал мне выйти замуж.

Эхо: *Два базиса семейного счастья – настойчивость и восприятие.*

Одному необходимо преодолеть защитный рефлекс другого, который пытается либо избежать прямой встречи с проблемой, либо приуменьшить её размер.

В конце концов любая ссора имеет два варианта развития: быть или не быть вместе. Если человек выбирает «быть», то ему незачем портить себе жизнь семейными дразгами. Если «не быть», то почему они ещё здесь, почему цепляются друг за друга?

Волошко загрустил, вспоминая, как делился с женой мечтами стать психологом. Спустя месяцы он уже не заикался об этом.

Волошко: После свадьбы стало легче?

Окунева: Только первое время. Затем наша жизнь превратилась в ещё больший кошмар, потому что теперь каждый имел право требовать.

Знаете, однажды я увидела, как горит дом, плод усилий десятков людей; в нём было столько денег, труда и надежд. Но одна искра, и всё то, что строилось годами, вдруг исчезло за час. И жильцам нужно было искать новый приют.

Волошко: К чему это воспоминание?

Окунева: К тому, что у нашей любви остался лишь остов. Я искала новый приют.

Начала с подруг. Для замужней женщины нет ничего хуже одиноких подруг. Они твердили мне, что муж не моё. Посмотри на него, кем он стал, шипели они: растолстел, полысел, обленился. Советовали сменить причёску – меняла. Сделать татуировку – пожалуйста. Проколоть пупок – нет проблем.

Время женщины ограничено, твердили мне, и тратить его необходимо на себя. Муж говорил мне о том, что главное в жизни любовь, о том, что нет ничего выше семьи, но его слова казались очередными ограничениями моей свободы.

Волошко: Вы изменяли мужу?

Окунева: Да.

Волошко: Он догадывался?

Окунева: Не думаю.

Волошко: Как вы проводили время вместе?

Окунева: В будни я приходила с работы, после – готовка, уборка, телевизор. В общем, старалась не замечать его. В выходные деваться было некуда. Мы пили вино, ходили в кино и молчали. К тому времени мы перестали разговаривать. Любые слова вели к ссоре. Ругани стало отвратительно много. И это были не те ссоры, что случались в начале. Они стали злее, больнее, потому что мы уже знали слабые места друг друга.

Волошко: Доходило до рукоприкладства?

Окунева: Да. Вы же знаете.

Волошко: Он бил вас?

Окунева: К чему этот вопрос? Я била его. Вы же знаете. Швырялась посудой, книгами, вазами – всем, чем попадалось под руку. Мне нравился страх в его глазах. Я научилась доводить его до слёз. Он плакал, вставал на колени, умолял прекратить.

После наступало перемирие. В такие моменты у него были счастливые глаза ребёнка. Он едва не прыгал от радости, а я думала: «Как же ты жалок...»

Эхо: Мужская и женская измена имеют разную природу.

Мужская объясняется самоутверждением посредством обладания большим числом трофеев. Женская обусловлена сущностью клитора.

Волошко изменил жене только раз. Поругавшись, он ушёл из дома, напился с друзьями, и те посоветовали ему девочку, «всего двести рублей за ночь». Сунули в карман пиджака презерватив, в руку – бутылку водки и отправили развлекаться.

Как честный муж, Волошко признался в измене. Неделю он жил у друзей, после был прощён, но стало лишь хуже.

Волошко: Почему вы не завели ребёнка? Это бы скрепило вашу семью.

Окунева: Семью? Не тот эпитет. Сожительство, может быть. Да и как можно забеременеть, не занимаясь сексом?

Волошко: Вообще?

Окунева: Крайне редко. В основном тогда, когда я встречала симпатичного мужчину, но не могла переспать с ним. В таком случае я занималась сексом с мужем, представляя себе того, кто мне нравился.

Волошко: Это и отдаляло вас.

Окунева: Он размышлял так же, как и вы. Притащил домой вибраторы, насадки, смазки – хотел разнообразить сексуальную жизнь.

Волошко: Помогло?

Окунева: Он был мне отвратителен сам по себе, а с этими штуками ещё больше.

Эхо: Секс – атрибут материалистической сущности человека, который интересен исключительно своей новизной, а значит, требует постоянного обновления.

Но гроб ценен пустотой, куда можно положить покойника. Пустота не зависит от выбора материала для гроба.

Так и секс должен быть средством для выражения любви, но не попыткой самоутвердиться, не страстью самой в себе.

На второй год семейной жизни Волошко уже не мог вспомнить, когда последний раз был близок с женой. Она не изменяла ему – старалась давить своё сексуальное желание, от чего становилась всё более и более раздражительной. В результате – заработала невроз и мигрень. Сам Волошко периодически мастурбировал.

Волошко: Почему вы не ушли от мужа?

Окунева: Из-за страха. С ним была упорядоченная жизнь. Паршивая, конечно, но кто сказал, что с другим будет лучше?

А здесь всё-таки быт, общие друзья, квартира, наконец. Куда идти? С чем? Тебе уже двадцать семь (у женщин именно так – уже двадцать семь), ты привыкла к сытой жизни, а неизвестность пугает. Лежишь рядом с ним и в сотый раз думаешь: «Смогу ли я начать всё с начала?»

Волошко: Вы смирились?

Окунева: Я ждала. Надеюсь, что рано или поздно появится тот, кто из всего этого меня вытащит. При этом собственно мне и делать-то ничего не придётся.

Поэтому и не рожала. Женщине нужно либо много смелости, либо много цинизма, чтобы намеренно родить от того, кого презираешь.

Я хотела жить в прежнем мире, но без мужа. Пользоваться той же ванной, смотреть тот же телевизор, спать на той же кровати – только без мужа.

Эхо: Причина женской неудовлетворённости – иллюзии.

Они формируют устойчивые «точки счастья»: свадьба, рождение ребёнка, карьера и т.п. Число «точек обиденности» значительно превышает число «точек счастья». Как следствие – разочарование и неудовлетворённость.

Женщина ищет «точки счастья» на стороне. Однако там, как и в семье, первый этап беззаботности всегда подходит к концу. Реверс.

«Точки счастья» необходимо создавать на своей территории.

Волошко вспомнил разговоры с женой: споры о картошке, ругань на козлов-соседей, жалобы на транспорт. Он не помнил, чтобы они беседовали о своих отношениях.

В какой момент картошка стала важнее любимого человека? Когда «как у всех» оказалось эквивалентно «как у нас»?

Окунева: Всё же иногда я пыталась уйти от мужа.

Волошко: Что мешало?

Окунева: Он. Стоял на коленях, рыдал, умолял. Я оставалась. И так каждый раз. По сценарию. И вдруг однажды он остался в комнате. Я стояла в коридоре с вещами и думала: «Ну, пожалуйста, подползи». Потому что уйти я боялась, но ещё больше боялась потерять своё лицо. Делала вид, что укладываю вещи. Час, наверное, укладывала и плакала.

Волошко: Он не выдержал?

Окунева: Да, приполз.

Волошко: Стало легче?

Окунева: После таких ссор всегда становилось легче. Он радовался, говорил о том, что теперь

всё будет хорошо, а я смотрела на него и думала: «Если бы ты только знал...»

Но в такие моменты я чувствовала к нему что-то вроде привязанности.

Волошко: Вы считали себя хорошей женой?

Окунева: В плане быта – да. Я старалась: готовка, стирка, глажка. Стояла у плиты до поздней ночи, – он любил покушать – просила его о помощи, но неизменно получала отказ. «Это женская обязанность», – поучал он. Апатия и лень в мужчине отпугивают больше всего.

Волошко: Что вы сделали, дабы он стал лучше?

Окунева: В этом-то вся и проблема.

Эхо: *Самое главное в отношениях – говорить друг с другом. Вначале это просто, но со временем откровенный разговор превращается в пытку. Пустить отношения на самотёк – значит, намеренно идти на конфликт.*

Если бы двое говорили друг с другом, то все бы психологи мира враз стали безработными.

«Не сошлись характерами» – стандартная причина развода. Четыре года сходились, а потом вдруг взяли и не сошлись. Странно это, думал Волошко во время бракоразводного процесса.

Когда они вышли на улицу, уже разведённые, то не знали, как себя вести. Волошко импульсивно взял её за руку, посмотрел в глаза и хотел что-то сказать, но ком в горле не дал. Она расплакалась, отдернула руку и прыгнула в такси.

Волошко остался на тротуаре и прошептал «я люблю тебя», понимая, что именно эту фразу он так и не смог сказать.

Волошко: Это вся предыстория, Анастасия Павловна?

Окунева: Пожалуй. Я же говорила, что ничего нового вы не услышите. Как у всех.

Волошко: Не все жёны убивают мужей.

Окунева: К счастью, да. Но... вы же знаете...

Волошко: Случайность, как вы говорили.

Окунева: Если отбросить всё сказанное, то да. Само убийство – случайность.

Волошко: И всё же, как так получилось?

Окунева: Я уже рассказывала им.

Волошко: А теперь расскажите, пожалуйста, мне.

Окунева: Он хандрил дома. Вот уже неделю. Больной он был ещё невыносимее. Моё отвращение к нему стало запредельным. В тот вечер я просто хотела помолчать.

Но он заговорил. Хуже – начал приставать: Я чистила лук для котлет, а он мешал. Его кислый запах, сальные ладони, шершавые губы – всё это было невыносимо. Просила отстать, но он был настойчив, а оттого ещё противнее.

Я оттолкнула его. Стала материться, унижать. Старалась сделать максимально больно, чтобы избавиться от него, но он остался. Сел за стол и начал говорить.

Я почистила лук, вымочила батон в молоке, прокрутила на мясорубке мясо, слепила котлеты, обваляла их в панировочных сухарях, пожарила, а он не умолкал. И...

Волошко: Пожалуйста, дальше.

Окунева: Я хотела, чтобы он заткнулся. Как угодно, но лишь бы заткнулся. Но он говорил. Я орала, бесилась, швырялась котлетами. Наконец ударила его... сковородой.

Он вскочил на ноги. Я думала, что сейчас он ударит в ответ. Но он повалился на колени, схватил меня за ноги и, плача, прохрипел:

– Настя, ну нельзя же так!

Потом вскочил, стал целовать в шею и лицо. Я отталкивала его, но он был сильнее.

И тогда я ударила его тем, что первым попало под руку.

Волошко: Кухонным ножом.

Окунева: Наверное.

Волошко: Вы пробили ему сонную артерию. Убили одним ударом.

Окунева: Для чего вы говорите мне это? Хотите сделать больнее? Для чего?!

Волошко: Я просто пытаюсь понять. Не каждый профессионал может убить так...

Окунева: Понять? Я не понимала себя. Это была не я! Боже мой, не я!

Как же вы не можете понять? Это была не я! Всё время, что мы жили вместе. Не я! Не такой я была, когда клялась ему в любви!

Для чего, чёрт возьми, для чего вы говорите мне всё это? Его не вернуть. Сашеньку моего, любимого! Прости, родной, прости! Господи!

Эхо: Влюблённые как дети: они играют в любовь. Взрослея, они теряют интерес к игре, любовь умирает. Нужны новые правила игры. Только так можно остаться детьми.

Бог есть любовь. Дьявол есть отец лжи. Бог, смешанный с Дьяволом, перестаёт быть Богом. Ложь убивает любовь.

Окунева рыдала. Слов было не разобрать. Она повалилась на вспухший линолеум. Волошко бросился к ней, чтобы успокоить, но остановился. Окунева очищалась. Она увидела себя его глазами.

Когда Окуневу увели, Волошко принялся рыться в ящиках стола. Наконец отыскал пожелтевший фотоснимок. На нём он обнимал стройную женщину с большими миндальными глазами. Волошко набрал номер телефона и после долгих гудков услышал заспанный голос:

- Алло.
- Галечка, прости, что так поздно.
- Лёша, это ты? Что случилось?
- Случилось, – Волошко осёкся, – но ничего страшного. Хорошее случилось. Ты одна?
- Да.
- Я приеду.
- Что?!

Но Волошко уже не слышал последней фразы. Он думал, где найти круглосуточный магазин цветов. Вспомнил, выключил свет и вышел из кабинета.

Назвав в такси адрес бывшей жены, Волошко передумал и сказал свой, вспомнив, что на их первом свидании он был в белом костюме и полосатой рубашке. Где лежала рубашка, он знал. Осталось найти белый костюм и купить цветы.

Николай НАТАРОВ

О динозаврах и бюрократах

Сей вопрос решил частично Дарвин,
Пусть вопрос является чреватым:
«Почему исчезли динозавры,
Отчего живучи бюрократы?

Почему так на Земле случилось?
Динозаврам – чудо-великанам,
Видно, ночью и не снилось,
Что исчезнут столь нежданно.

Посему они – травку жевали,
Утоляя добрый аппетит,
Вес тоннажный набирали,
Дабы стал солидней внешний вид!

Пусть они и были великаны,
Но мозгами, как ни странно, – простачки.
Бюрократы, как и тараканы,
В век от века медленно вперед ползли...

Становились бюрократы изощренней,
Поболтать, – все стали мастаки,
Про себя хоть миллион историй
Выслушать с иронией могли!

Издавали кучу формуляров –
Только б оградить себя от дел!
Даже если навещали их кошмары,
Мало кто из них слегка так поседел!

Очень жаль наивных динозавров.
Кто они сейчас? Музейный клад?!
И как прежде без цветов и лавров
Где-то рядом восседает гордо – бюрократ!

Окончил Ленинградский политехнический институт, кандидат технических наук, 59 лет. Работал КТЗ, в Институте математики, Институте прикладной физики Академии наук РМ, в Национальном институте стандартизации и метрологии и других госучреждениях. Женат, имеет двоих детей.

Эх, дороги

Дороженьки-дороги,
Как вы нам дороги,
Вы слышите тревоги
Родной нашей Земли!

Я помню еще с детства,
Как пыльная трава,
Что с вами по соседству,
Растерзанно росла.

Вас вместе рвали мины,
Калечила война...
Но были вы едины,
Как тело и душа!

Вы вместе воскресали,
Так радовали глаз,
Что люди улыбались
Без пустозвонных фраз!

Но вот минули годы
И лег асфальт кругом,
Из-за плохой погоды
Земли не слышен стон?!

И Человек не слышит,
Природа как кричит,
Не чувствует, чем дышит,
А молча в такт сопит...

Сопит, с трудом глотая
Тяжелый, мрачный смог,
Дороги загрязняя,
Сует природу в гроб!

Но верю, разум наш сильнее,
Разгонит он печаль,
И на «глухих» аллеях
Трава пробьет асфальт!!!

1991 г.

1989 г.

Бурные месяцы жизни

Быстро времечко летит.
 Не успеешь оглянуться –
 Старый год уж позади,
 В Новом – вскоре все проснутся!
 Первый месяц – всех быстрей,
 Пролетает, словно санки,
 Всюду крики: «Эй, налей,
 Ну налей еще полбанки!»

«С Новым годом Вас, друзья!»
 Многократно раздаётся...
 До двадцатого числа
 Водка с пивом – рекой льётся!

На работу бы не шли,
 Да вот кончились деньжонки:
 За пустые кошельки,
 Не дай Бог, побьют девчонки!

В свои права вступил февраль
 Настроению подняться:
 Чудо-воины под хрусталь
 Будут трижды целоваться!

Будут вновь их дамы чтить,
 Мужиками называя,
 Мужики же будут пить,
 Постоянно доливая...

Как настанет месяц март,
 Зацветет в лесу подснежник.
 И с цветами, войдя в азарт,
 Мужики поздравят женщин!

И невинное вино
 Стаканами и ковшами
 Будет питься – так легко,
 Во столовых со столами!

Как настанет месяц май,
 Расцветет повсюду липа.
 Бурны крики: «Наливай!» –
 Напугают важных V.I.P.-ов!

И полгода не прошло!
 Продырявились носочки...
 Денег нет, чтоб пить еще:
 Общество дошло до точки!

Ноябрь 2011 г.

Еще раз о Высоцком

Лед тронулся – услышан в народе
 Могучий, раскатистый треск!
 Как жаль – не увидел Володя
 Волны перестроечной всплеск!

Ушел он, ушел слишком рано,
 Ушел – нам еще не допев,
 Ушел – наш талант и отрада,
 Ушел, наши души согрел!

Сейчас нам его не хватает,
 Когда изменился наш дух...
 Когда весь народ твердо знает,
 Что правду сказать нужно вслух!

Чтоб вмести делить все невзгоды,
 Чтоб вместе, – идти напролом!
 И чтобы губители талантов народных
 Отправлены были на лом!

Он с ними боролся нещадно,
 Они все – морили его...
 А мы – подпевали «наглядно»
 И слушали магнитофон!

Он пел про любимые горы,
 Он знал, как нелегок подъем,
 Когда, кроме гор, чрез заборы
 Шагать надо всем – напролом!

Он знал труд солдата, шахтера,
 Он знал, что такое война,
 С ней дрался на зависть саперам,
 Чтоб мир не постигла беда!

Звенит напряженно гитара,
 Владимир, как прежде, поет,
 Поет увлеченно и с жаром,
 Поет... и за сердце берет!

Поет он, нас всех призывая
 Бороться с недугом и злом,
 Бороться, себя отдавая,
 За нужный так всем перелом!

1990 г.

Татьяна ПОРЯДОЧНОВА

Поиск во сне

Кукурузными зёрнами сыплется солнце
 В город вызревшего на корню винограда.
 Тает долька дыни луна за оконцем.
 Растворяется август ночью прохладой.
 Погружение в сон и отчаянный поиск.
 Бесконечны дороги, ведущие к морю.
 Словно сердце, стучит проезжающий поезд –
 На бегу, без билета врываюсь измором
 В предпоследний вагон проходящего лета,
 Мимо, без остановки мелькнувшего днями.
 И судьбе доверяюсь с надеждою, слепо.
 И с любовью, зажжённую в окнах огнями.
 Я рассыплю её меж песчинок на берег,
 Растоплю подо льдами застывшие волны.
 И пробьют они в явь затворённые двери –
 Я проснусь, я успею сон вещей исполнить!

23.08.2011г .

* * *

Пробуждение. Тающий сон.
 Ни единого облачка в небе.
 Бархатистого моря сезон.
 Кувыркается ветер на гребнях:
 Разбивает лучи по волнам,
 Закипающим в пене молочной,
 Убегающей к бережным дням,
 Что в часах ускользают песочных...

29.08.2011 г., Курортное

Примета

А море – прозрачные слёзы.
 На дно канул золота слиток.
 Сентябрь подкатил на колёсах.
 И час расставания близок.

Родилась в Одессе. Выросла и выучилась в Якутске. В настоящее время живет в Кишинёве. Увлекается музыкой, рисованием, литературой.

Надолго ли? Выскажет время –
 Безбрежной строкой горизонта.
 Песчинками слов, что согрело
 На памяти выжженной солнцем.
 Прикрытые веки ракушек
 Магическим взглядом покорным
 Обрато к их месту зовущих
 Цветами, рисунками, формой.

Да горсть украинских монеток
 В пучину закинутых данью:
 На дно погрузилась примета –
 Желание я загадала...

Любовь и чайки

Наивысшим пилотажем чайки
 Между морем и небесной гладью
 Зависают в невесомом чате,
 То парят, кружась, пространство глядят.
 Налетят на берег белой шайкой.
 След резной в песке от тонких лапок.
 И глядят пугливо попрошайки,
 Чёрно-угольно четырёхглазки.
 Размахнувшись, брошу хлеба крошки,
 И наперебой стрекочут клювы.
 Мало что ли в море им рыбёшки –
 Выдирают друг у друга, злюки.
 Чайки и бакланы недотрожки,
 Мне кормить их дорого и люблю.
 И чувствительны и осторожны –
 Жизни эпизод: «Любовь и люди».

Счастье с частью

Маленькому счастью нет границ
 В тесноте, обиде бытованья,
 В скомканности вырванных страниц,
 В наделенье силой убыванья,

Сквозь преграды ввевшихся вериг
 Измельчённое в песок прибрежный,
 Искрой солнечной в лучах горит
 И загаром обнимает нежным.
 Счастье, погружение в любовь
 Глубины морской, неизмеримой.
 На поверхности вскипает бой
 Пенной волн, что хлещут нестерпимо.
 И раскрыта «Книга Бытия» –
 Крыльями листают в небе чайки.
 И Вселенная вне забытья.
 Счастье – оставаться Божьей частью!

Нет ТЕНЕЙ

Я знаю место, над которым нет теней
 Ни от людей, ни от домов, ни от деревьев:
 Бескрайний берег, горизонт ещё длинней,
 На дне лучами прорастая, зреет время –
 Восходит в двери неба гостем по утрам,
 Зардевшись на щеках смущения румянцем.
 Вуали облаков, подвластные ветрам,
 Промчатся мимо в переливах светлым гляncем.
 Блаженство умиротворения ночей
 У моря, параллельного чертам небесным,
 Мерцаньем звёздным многоточия очей
 Манит магнитом. Нет теней в открытой бездне.

Качели.

1

Заржавели от пролитых слёз
 И охрипли от плача качели:
 Они в небо опять полетели,
 Задавая щемящий вопрос.

А в ответ я ловлю тишину.
 Голова закружилась в мельканье
 Неустанных размахов исканья.
 От ударов едва увернусь.

Не осталось счастливых минут,
 Подаривших святое общенье.
 И уже опустело сиденье,
 Где объятия не разомкнуть.

Надрываясь, качели ревут,
 Рассекая пространство до боли.
 Остаётся избитая доля
 От разлук, что, как тень, наяву...

1985 г.
 г. Якутск

Качели.

2

Полёт качелей выше, выше...
 Мой сын катается один.
 А я осталась позади
 И виновата в том, что вышло.
 Теперь к себе он не допустит,
 Как в детстве, слепо охранять.
 Но я осталась. Та же мать.
 Вот только слёзы стали пуще...
 Но их я глубоко упрячу.
 И чтоб качелям не ржаветь,
 И сыну не мешать взлететь –
 Сама я упаду без плача...
 Не боль я чувствую, но радость,
 Что сын поднялся высоко,
 Свободно без моих оков,
 И я, счастливая, с ним рядом.

20 лет спустя.

* * *

Я всегда рядом с тобой. Не замечаю прохожих, не слышу их голоса, я далеко от них. Моё сердце ласкает тебя. Никаких слов я не подберу, чтобы выразить своё чувство – все они слишком мелки по сравнению с его неизмеримой глубиной. Ты проник в него своими нетвёрдыми детскими шагами и никогда не уйдёшь с протоптанной тобою не имеющей конца тропы. Самая драгоценная награда для меня – твоя некрепкая рука, ставящая меня на твою защиту, доверчивые глаза, не встретившие обмана, твои слова: «моя мама», означающие, что моя жизнь для тебя. И я хочу всегда стоять этой награды, принимать её заслуженно, ведь ты мой единственный судья – самый справедливый и самый беспощадный. Добрее твоего добра и злее твоего зла не бывает. Нежнее твоей ласки и больнее твоего удара для меня нет. В тебе одном – моё единство.

Алексей ДУКА

Раздумья

Месяц вечерний склонился
Над серебристой рекой,
Тополь в лугах озарился,
Машет кому-то рукой.

Шепчутся ивы лениво,
Косы свои теребя...
Будет вдали мне тоскливо
Видеть свой мир без тебя.

Ты говорила, что разум
Сердцу любить не велит,
С нашей разлукою сразу
Что-то в груди защежит.

Будет твоею наградой
Лишь безысходная боль...
Только, пожалуй, не надо
Думать, что станет со мной.

Взор твой, увы, потупился,
Но почему ж, почему?..
Тополь уже не светился,
Луг погрузился во тьму.

У костра

Угасло усталое небо,
Раскинув нам звездный шатер,
Где перед бродяжьим ночлегом
Пылает бивачный костер.

Налей-ка чайку, да покрепче, –
О вечном идет разговор...
Как думаешь – впредь будет легче?
Гитары умолк перебор.

Как думаешь – зла стало больше?
Счастливым народ укажи...
И будем ли жить мы подольше?
Утонет ли мир весь во лжи?

А месяц всплывает неспешно,
Светясь серебристой полой

Родился в 1931 г. в Киеве. Инженер-конструктор, журналист, автор более 50 публикаций в периодических изданиях, а также трёх литературных сборников (стихи: «Про любовь и нелюбовь», 1997 г.; «Откровение», 2001 г.; «Рассказы и повести», 2006 г.). Редактор альманаха «Литературный Диалог», 2005 г. и книги Алеко Бежича «Сага о Беженарах», 2002 г. Учился в Народной академии писателей (1993-1995 гг.) Член Союза писателей им. А.С. Пушкина. В 2005 году исключён из Ассоциации русских писателей РМ.

Над этой прекрасной и грешной,
Такой непонятной Землей...

Св. Валентин

Мне помнится день этот синий
И снежный широкий простор,
Где лыжи в далекой России
Чертили любовный узор.

Я падала, смех был и слезы,
Меня поднимал он, спеша,
Над нами склонялись березы,
Когда целовал, чуть дыша.

Потом он, смешной, на перроне
Шептал лишь одно: «Не забудь!»
В бегущем к разлуке вагоне
Надеждою наполнилась грудь...

Какое счастливое время
Средь прожитых лет и картин!
Наверно, над нами не дремля,
Трудился святой Валентин.

1986 г.

1954 г.

Теряя – обретай

Не очень часто – раз иль два в году,
Но вспомни с удивлением дорогу,
Которой шел ты к своему порогу,
И подытожь успехи и беду.

И в памяти все светлое оставь,
Все лучшее, что было в этом сроке;
У худшего найди его истоки, –
С печалью сердца мудрость переплавь.

Неси потерю, словно крест святой,
Душой не озлобься за неудачу,
И пусть потеря эта много значит, –
Теряя, обретай в ней смысл иной.

И помни: познают металл огнем,
А дружбу – только временем иль кровью,
Мужчину – женщиной, мечтающей о нём,
А женщину – лишь преданной любовью.

1990 г.

Признание

Мне вспомнилось осенью поздней
Весеннее утро в цвету,
Где юность кудрявою гостьей
Меня целовала в саду.

Взволнован, от счастья хмелея,
Глядел я в девичьи глаза,
Лукавить еще не умея,
Любимой открыто сказал:

– Мне нужно на Север уехать,
Там факел я в тундре зажгу...
А девушка молвит без смеха:
– Так ты приезжай, подожду!

Промчалась без милой эпоха,
Лишь светится в памяти май,
Где юность звала без подвоха, –
– Тебя подожду-у, приез-жа-ай...

1999 г.

Обида

Когда на душе очень скверно,
И сердце терзает печаль,
И все надоело безмерно, –
Уехать так хочется вдаль...

Куда? – Все равно, лишь бы напрочь
Забыть эту всю кутерьму,
Уехать, уехать, – хоть на ночь,
И кануть в крошечную тьму.

Но нет, я по опыту знаю, –
Обида пронзает и там,
И будет стоять, словно Каин,
Взирая на боли от ран.

Ничто не поможет. Лишь время
Молчанием лечит всерьез;
Пока же – неси свое бремя
И думай о прошлом без слез.

Быть может, был некто неправым,
Быть может, иной хамоват,
Но все же – итог был бесславленным,
В котором и ты виноват.

1997 г.

Это сладкое слово «свобода»

Мы устали от бедности дикой,
А казалось – рукою подать,
И от щедрости чьей-то великой
Ниспошлётся на нас благодать.

Обольстили нас сытые страны, –
Стали жить мы на вольных хлебах.
Вспоминают теперь ветераны
Об ушедших заветных годах...

Всюду слышим – «Права человека!»,
«Не стесняйте свободу ничем!»,
Только нищих у нас на полсвета,
А свобода для нищих – зачем?

У кромки

*За короткое время из маленькой
страны выехали за рубеж на
ПМЖ сотни тысяч граждан.
Из газет*

– Уезжаешь? – Уезжаю.
– И надолго ль? – Насовсем...
– Как же будет? – Я не знаю,
Может, лучше станет всем.
Может лучше, может, хуже,
Только знаю точно я, –
Не вернемся, не увидим
Наши отчие края...
– Что вдруг стал тебе не нужен
Дом отцовский и родня?
Та же школа, прежний город,
Парк отрядный у пруда...
– Гонит нас отсюда голод,
Безысходность и нужда.
Уезжаем ради внуков, –
Такова уж их судьба...
– Там чужой язык и нравы.
В непонятном мире звуков
Тяжко будет прозябать.

– Да, конечно. Всё вы правы,
Трудно, право, возражать.
Но свершилось, – уезжаем!
А тоска возьмет за душу –
Слезы всласть повиытираем
И навзрыд еще споем
С детства милую «Катюшу».
Вспомним, каждый о своем, –
О стране родимой, милой,
Как живется нам непросто,
И о дедовских могилах
На оставленных погостах...
Бед натерпимся у кромки
Разделенные судьбою, –
Может, вспомнят нас потомки
И оценят все сполна,
Как накрыла с головою
Эмигрантская волна...

2000 г.

Волчья погоня*Николаю Савостину*

Представляю себе наяву
 Всю трагичность погони нещадной,
 Будто вижу судьбу на краю,
 Будто слышу там возглас прощальный.

Яро вожжи сжинает ладонь,
 А душа, как залетная птица...
 Пронесет ли натруженный конь?
 Устоит ли бывалый возница?

Только ветер уносит усталость,
 Только сильному духом – посметь!
 Впереди еще много осталось,
 Можно много успеть...

1996 г.

Мрія вечірня

Зірнька ясна край неба зійшла,
 Наче перлина, уткана в блакить,
 В серці сумному притулок знайшла
 Мрія кохання, надія любить...

Вже не чекав я, що в роки мої
 Дякувать буду за щастя з небес –
 Постать, усмішку та руки твої,
 Справжнєє чудо моє із чудес.

Тихо вечірня пора надійшла,
 Вітер ледь-ледь по верхах шелестить;
 В просивих скронях притулок знайшла
 Мрія кохання, надія любить...

1975 г.

Письмо*Пишет любимая мне*

Вы уезжали, как всегда, –
 В тайгу, на ледники и в горы...
 Без Вас мерещилась беда,
 Пустыми были разговоры.

Вы звёзды, как поэт, любили
 И пили радость из Ковша,
 По Млечному Пути ходили,
 Где пела юная душа.

Извечно Вас труба звала, –
 Казалось ведь, что где-то лучше...
 А дома Вас жена ждала,
 Молясь Всевышнему беззвучно.

И дождалась – пришли домой.
 Как укатали Сивку, горки!
 Явились с пышной сединой,
 И был Ваш вид чужим и горьким.

Сойдя с небес и став земным,
 И окунувшись в жизни омут,
 Пришлось Вам быть совсем иным
 И не под стать всему былому.

Не потому ль с печалью рядом,
 Стихи слагая не спеша,
 Вы вспоминали с грустным взглядом,
 Как пела юная душа?!

2003 г.

О, да!

Умников много и бездарей тьма, –
 Редко с талантом кто будет;
 Но в недостатке везде и всегда
 Истинно добрые люди.

С умником тотчас слезою прольюсь,
 С добрым – воспряну, как гений...
 Я головой перед мудрым склонюсь,
 Пред добротой опущусь на колени.

2010 г.

Завет

Не торопись уйти ко дну
 С угрюмою тоской,
 Молись с надеждой на луну
 И будь самим собой.

Не объявляй в сердцах войну, –
 Благослови покой,
 Лови весёлую волну
 И, улыбаясь, пой...

Не уходи к обманному вину, –
 С бутылочкой хмельной.
 Наткнёшься вскоре на стену
 И вечный упокой...

Не огорчай свою жену
 Ни словом, ни рукой, –
 Люби лишь преданно одну
 И юный, и седой...

Не тронь гитарную струну,
 Коль ухом ты тугой.
 Прости несчастную страну,
 Что стала мачехой-судьбой.

Не лъстись на нищего суму,
 Пусть за твоей спиной
 Добром, неведомо к кому,
 Проляжет след земной.

2001 г.

Росина БУГОР

Родена съм на 27 юни 1993 в град Леово в българско семейство. През 1999 година бях приета в подготовителния клас на българското училище «Васил Левски» – гр. Кишинеу. В началното училище преподаването беше само на български език. Моята учителка, г-жа Людмила Тодоровна Германова ми помогна да усвоя литературния, съвременен език. Това беше първата и най-важна тес тъпка във формирането на моя мироглед. Сега училището вече има статут на лицей. Това ми дава възможност там да получа лицейско образование и да усъвършенствам знанията си в областта на българистиката. Тази година аз съм абитуриентка на Българския теоретичен лицей «Васил Левски».

Да останем българи

(есе)

От малки ние се стараем да приличаме на своите родители. Спазваме традициите и обичаите, които са се предавали от поколение на поколение. А после ще учим нашите деца на всичко това, което знаем от бабите и дядовците си. Ние сме бесарабски българи и независимо от това, че живеем извън България, свято спазваме националните обичаи. В Молдова има много български села. Говорът на техните жители се отличава в зависимост от това, от коя част на България са дошли техните предци, но еднакви остават традициите.

Баба често ми разказва как нейната майка е пекла козунак и украсявала яйца. Всичко това прави до днес самата тя, като не променя нищо в този ритуал. Мисля, че това е много важно. Разбира се, всичко това сега може да се купи, но вече няма да е Великден в нашето семейство. За мене е много важно, че на този празник се събираме всички заедно, за да усетим в суетнята по подготовката му българските традиции и да опитаме за пореден път бабината вкусотия, която всяка година има един и същи превъзходен вкус. Тази рецепта вече знам и аз. Преди Великден винаги съм край нея, за да не пропусна нито една тайна от нейния майсторлък. Това е една от вековните традиции, които се предават в нашето семейство и ни помагат да останем българи, макар и далеч от нашата прародина.

Радвам се, че в Молдова по никакъв начин не се пречат нашето желание да останем българи и всячески ни подкрепят. Доказателство за това е българският лицей, който носи името на Апостола на свободата – Васил Левски. Ние изучаваме българска литература и история. Мисля, че това е много важно за нас. Как можем да живеем тук и гордо да се наричаме българи ако не знаем нищо за България? Нашият лицей е едно късче от нея в Молдова.

При нас учат деца, които имат български корени, но не говорят езика ни. Те искат да се върнат към своето начало, а за това никога не е късно, защото е наше свидно, скъпо, родно. Имам и съученици, които нямат българска кръв във вените си, но някога са чули мелодията на тези звуци сладки. В някое българско село при приятели са празнували по нашите обичаи някакъв празник и са останали заплени от традициите, от веселието и искреността ни. Това и ги е довело в нашия лицей.

Накрая мога да кажа, че когато се докосвам до българската литература и история откривам отново и отново моята прародина. Разбирам какво е да си българин и се гордея с това, защото за мене е много важно да знам коя съм и откъде съм.

Росен ДРУМЕВ

Роден е на 9 декември 1958 г. в гр. Бургас. Издал е стихосбирките «Тежко време» (Български писател, София, 1990), «Отломки» (Свободно поетическо общество, София, 1994), «Наноси» (Аб, София, 1999), «Сиромашка трапеза» (21-ви век, Бургас, 2003), «Армада. Пътуване през спомена» (Либра скорп, Бургас, 2009). Публикувал е стихотворения в антологии, в периодичния печат. Носител е на национални награди. Работи като редактор на «Море» – списание за литература, изкуство, култура. Членува в Сдружение на българските писатели.

Колумб

Попътен вятър
за думите, изречени на глас –
красивите им форми плуват леко
в море от светлина и съпричастие,
докато ти – Колумб отчаян –
завинаги на сушата оставаш.

Човек от кал

Всяко бъдеще е ясно,
щом настоящето го обещава...

Повърхността безумно свети
от погледи на вярващи,
зараяни към хоризонта...

«Слепота», си мисли она, който
почиства дъното на този свят –

Там тинестата кал полепва
и човек изглежда
от кал направен.

Думите

Думите, които пиша,
са хората, които не говорят с думи,
приятелите ми, които знаят
цената на живота и мълчат,
когато в тях се раждат светове.

Думите, които пиша,
превърщат се в дърво с корона златна
през есента – спокойна и дълбока –
с едно небе, пропаднало надолу,
ръждиво от дъжда на две очи.

Защото думите, които пиша,
са за човека, посадил дърво.

Лист

Миговете – тежки капки –
дълбаят времето, определено за живот,
и то се рони на частици –
радост, скръб...

Повехнал лист
с изписани отдавна ситни думи
на твоя клон сега трепери.

Нахлува вятърът на ново време,
обрулва сгърчения лист и го отнася
далеч.

Тяло

Така дълбоко те усещам, мое тяло –
под пластове, нагънати от тишина,
корените здрави пият влага.

Не понасяш гордото величие
на премереното до секунда време –
бързаш да спечелиш, да загубиш,
да прелееш в страстното люлеене
на кръвта...

Ти си шеметното лутане във здрача,
ти си свят, изгубен във света,
като малък кораб сред вълните...
Аз ти се отдавам. Аз потъвам
в пластове, нагънати от тишина,
толкова дълбоко да се слея с тебе –
там, където корените пият
и животът ти със чувството расте.

Полет

Животът се побра
в една спокойна дума – тишина,
в която тялото остава почти невидимо,
дълбока дума,
пропаст, бездна под нивото на езика –
капан за уморени

фанатици и за пострадали герои,
спасение под формата на мнима смърт,
задавен вик и ето на –
лети надолу,
както улучената бяла птица
с втвърдени, обездвижени крила,
стремително пропада и след миг
ще цопне в блатото.

В памет на Янаки

умря приятелят ми –
тих добър поет
на изгревите и цветята
на слънцето и слънчогледа
на детските очи сред чудото живот

не можеше да спи по цели нощи
от стрес от неразбиране от груби думи
излизаше от къщи рано и понякога
ме вдигаше от сън за да си спомня
че още има някаква надежда
че още има някаква надежда за човека
отвъд натрупаните късове омраза
отвъд излъсканите коридори на властта
все още някаква надежда
дълбоко в будното око
на вътрешния поглед

умря преди една година точно
на този ден (4 IX 1999) в който
виновните така и не разбраха колко са виновни
въпреки че го повтаряха до изнемога
до изповръщане на цялата си същност –
«ох колко сме виновни
колко сме виновни»...

така и днес
отново ги видях в скръбта им

с подути от сълзи блясали очи
с десници мускулести натежали
от непрекъснатото кръстене
в устите божието име – залък

не искам никого да съдя само искам да напомня
че всяка чужда смърт напомня собствената
смърт
и ако нещо след това остава да живее

над него бог и ангелите
имат власт

* * *

Множество различни времена
в настоящето на този миг
в който съм безсмъртен и умирам

Единицата е винаги в единствено число
но аз съм нула Нула пренаселена от светове
която се разгръща за живот Тъпанчетата ми
ще се пръснат от шума в галактиката и една
Халеева комета се насочва право към сърцето ми
Затова ще се преместя по на юг

Като се напрегна още малко
чувам ясно звуците на нощна музика
Значи Моцарт е пристигнал във Виена

Сигурно е хубаво да сътворяваш музика
вместо да поддържаш слънчеви системи –
да следиш въртежа на планетите
и да внимаваш някоя да не изчезна в този миг
в който музиката ме приспива
със спокойното течение на Млечен път

и ако нямах дарованието да измислям
щях да съм завинаги забравен

Татьяна СТОЯНОВА

21 год. Студентка Российского государственного университета туризма и сервиса и Московского государственного университета печати. В 2008 году окончила Вулканештский лицей им. И.Н. Иваногло. Призер Республиканской Олимпиады по русскому языку и литературе в Молдове (II место, 2007 год, победа в номинации «Грамотность», 2005 год). Участница Студии литературного творчества «Я и ВСЕ» под руководством В.Д. Майорова. В 2009 году вступила в клуб «Поэтическая кухня» при журнале «Студенческий меридиан».

Растерзанные ладони

Солнце расплавилось и пролилось
Ливневой лавой на блеклые клены.
Алчно распластанные ладони
Жаром лучей пропитались насквозь.

Тяжек пир опьянённым:
Ветер – смерть опалённым –

Слишком тонкие кисти:
Разлетаются листья,
Припадая к груди земной,
Проклинают в горячке зной.

Каждый миг – горький вскрик,
Каждый шаг – всхлип и всплак.

Сжимаются листья клена –
Растерзанные ладони.
Под тяжестью гулкой ног –
Ступающих в осень сапог.

Малым счастьем

Солнце радугой пыль слизало
С витража задождившего дня,
Взгляд прибил к небес причалу
И поймал тонкий луч для меня,
Чтоб воспеть и воспитать мою
Перерытой словами душой...
Я окно распахну и согреюсь
Малым счастьем в мире большом!

Взгляни на неверных

Взгляни на неверных – их руки в крови,
И брызги не выведешь мылом...
Проклятье заколотой в сердце любви

Рдяными рубцами на пальцах застыло.
Взгляни на неверных – их ноги в пыли,
Мозоли не скроешь бинтами:
Обив все пороги, на папёрть взошли,
Дрожа под поклажей с грехами...

Взгляни на неверных –
их спины кривы,
Не выпрямить гордостью стана.
Дугою направленной в цель тетивы
Согнули их стрелы изъяна...
Взгляни на неверных – и взгляд отведи,
Им с верными не по пути.

Забыв покой

В плену чарующей сети,
Мерцающей с отливом цинка,
Трепещут белые кувшинки:
И горький всплеск: «Освободи!» –
Звенит струною колдовской...
Забыв русалочий покой...
Так мой покой забыт... Во мраке
Минувшее мне сон клянет...
И в сотый раз судьбу оплавав,
В ответ на стон я стисну рот,
Лишь сердце удержать не в силах –
Вспорхнет голубкой сизокрылой,
Воркуя громче слез...

Как идет река

Ты идешь ко мне, как идет река,
Всем течением, мглистым паром,
Приникающим к берегам,
Обнимая прибой поджарый...
Расходясь и сходясь ручьями,
Разливаясь в круги, клокоча,

Вырываясь со дна струями
 В ритме чадного ча-ча-ча,
 Ты идешь, раздвигая тину,
 Принимая поклоны трав...
 Ты идешь, когда воды стыннут,
 Ты идешь, даже жизнь отдав
 Обездвиженным жаром лета,
 Обезвоженным солнцем дням...
 Ты идешь ко мне, и за это,
 Никому тебя не отдам...

Боги земных ночей

Безумие звездных ночей –
 Небесный наш дар. Ничей
 Согбенно сомкнутый рот
 Твой голос не отберет,
 Печать твоих губ не вскроет:
 По звездной реке лишь двое
 Скользят, опрокинув плот!..
 Пусть штили штормят и воют,
 Мы к устью, за дали вод
 Вселенной – любовь зовет
 Нас за руки, за горизонт...
 Пока не раскрылся зонт,
 Расшитый иглой лучей,
 Мы боги земных ночей!

Окрыленности легкой кладь

Оголенные метры-шпили
 Мы шелками любви покрыли,
 Чтобы души летать могли,
 Не пугаясь земли...

Неподъемные доли далей
 Размололи мы, растоптали,
 Чтоб не выронить, удержать,
 Окрыленности легкой кладь...

Обесточенный сумрак ночи
 Раскалили в печи многоточий,
 Растворенные в страсти сны
 Распивая... Чтоб днем, пьяны,
 В минной муке разъединенья
 Подорвать все поля сомнений...

Громкое молчание о Молдавии (цикл стихотворений)

Странники

Мы странники странные, нет у нас дома
 Ни в тёплых ладонях, ни в чреве земли...
 Наверно, поэтому с тайной истомой
 Мы крест перелетов несли...

Мы тихие странники, нет у нас слова
 Ни в limba natală*, ни в ana dilim*...
 Наверно, поэтому звука родного
 Не слышим, когда говорим...

Мы странники беглые, нет нам свободы
 С оборванной нитью в руке...
 Наверно, за это, ступая сквозь годы,
 Мы прокляты быть налегке.

Я выросла в эту землю

Я выросла в эту землю, впилаь,
 В укрощённую солнцем траву,
 В расцелованных ветром трасс
 Жарко плавленную канву...
 Я межа в разноклетье равнин,
 Я спина многогорбых полей,
 Я распластанных крыльев клин,
 Облака, молока белей...
 Я вспоённый росой луч,
 Разомлевшая тень креста,
 Шелестящие чащи круч,
 Я замшелая череда,
 Переливистый стон дорог...
 Я нигде и везде... И Бог,
 Как слепую, меня ведет
 На безродности скользкий лед...

Утро в Буджакской степи

Там заспанные губы просят,
 Росу глотая жадно: «Пить!» –
 Блестят растрёпанные косы
 Медово-наливных колосьев...
 Повязывают горизонта нить
 Полей натруженные кисти...
 Дремотно дребезжит пчела,
 Прибой ветров качает листья...
 Лишь жаворонок трон расчистит,
 И ночь сгорит в лучах дотла...

Земля моя

Земля многострадальная,
 Откуда силы ты берешь
 Благословлять в дорогу дальнюю
 Всех тех, кого уж не вернешь?..

Земля моя долготерпимая,
 Откуда веру ты берешь,
 Чтоб называть нас всех родимыми
 И уверять, что подождешь?..

Земля моя обетованная,
 Откуда ты любовь берешь:
 В минуты встречи долгожданные
 За горечь счастьем воздаешь?!
 Вальс мыльных пузырей

* Пер. с молд. и гагауз. яз. «родной язык».

Вальс мыльных пузырей

Посвящено событиям, 7 апреля 2009 года.

Заливисто несется
С улыбками детей
На родине моей...
Но скоро насмехнется
Над верой матерей
Позор апрельских дней,
Где ревом отзовется
На заговор теней
Ребячий клич: «Разбей!» –
И, вздрогнув, задохнется
В удушье марш-цепей
Вальс мыльных пузырей...

Альбомы в стрекозиных переплетах

Альбомы в стрекозиных переплетах:
Из мига в миг, вперед – назад, прыг-скок...
Ты взглядом забываешься в полетах
Минут, которых ты не уберег.
Листаешь фото – листья, лепестки
Засушенного времени цветка...
Под пальцами мгновенья и века
Изломаны, искрошены... Легки
Всей тяжестью утраченных минут.
Но вспышки камер время не вернут:
У вечности иной, бытийный суд.

Бред миражей

Давай разбредемся по сонной пустыне:
Нам чудится тайнопись чуждых дорог...
Мерцающий зной на закате остынет –
Пусть тот, кого пламенный воздух обжег,
В тумане глотает удушливый смог.

Бескрылым замахом иссушенных рук
Дрожащие пальцы твои осеняют
Окрестные дали крестами разлук,
Поспешно к поникшим плечам припадают,
Как будто на миг, не на жизнь покидают...

Восхождение

Первый шаг по пути восхождения...
Губы съежились... Выдох, вдох...
В темноте со свечой прозрения
Проводил до калитки Бог...
Отшлифованный посох слова,
Разомлевший под солнцем рук,
Стал мне братом единокровным,
Стал мне сонмом сестер-подруг...
Одинока, как Эльбрус высокий,
В перевалах весь путь, весь день...
И земные дома волоокие,
И увитый плющом плетень
Позади... Но в который раз
С волною тоской вглуби
По обочинам ищет глаз
Разожженный костер любви...

К смерти бытием пригвождена

Запечатлей мои черты твоей рукой,
О, скульптор вечности! Запомни мои губы,
Так много не сказавшие, раскрой
Их зов немой... Дай пальцам приголубить
Мои глаза, прозревшие едва
И души возлюбившие слепые,
Рассей налетом времени слова,
Узором памяти и снов скрепи их...
Запечатлей на судьбах письмена
Моих стихов. О, ниспошли мне чудо!
Пусть, к смерти бытием пригвождена,
Бессмертия шедевром буду!

Засохшие слезы

Засохшие слезы на крышке стола,
Как днища соленых озер пустыни...
Стирала разводы, ногтями скребла,
Но тщетно: отметины вечны отныне.
Так ливнем кислотным пролились слова
На древо надежды... Пожухла листва...

Владимир РУСУ

Родился в Кишиневе. Окончил лицей М.Садовяну. Авто-дорожный колледж. Студент третьего курса Петрошанского университета в Румынии. Пишет в стиле рэппа.

Будняя суета

у нас много задач и немало забот
решенье задач похоже на взлет
наличие забот сбивает с пути
при них трудно покой обрести

где север забыл я давно
и может быть разыскать не дано
все равно разыщу я его
невзирая на опасность и зло

и пусть все суету говорят
пока нефтяные продукты горят
и полно, неизвестных страшных вещей.
в голове, у этих странных людей!

мы все запутались в полюсах
тускнеет свет в наших глазах
и все же это не страшно
не для всех все одинаково важно

кто то умрет за идею отважно
кому-то вообще просто неважно
кто-то ценит миг каждой секунды
но все хотят разыскать скрытые клумбы

цветущую жизнь в просторах сознания
и то что рождает желанья
в поисках харизмы и знания
кто-то корыстью себя убивает

другие пьянеют и все забывают
людей очень много на этой планете
двоих одинаковых нету на свете
каждый все видит в разных тонах

и поиск задачи в наших руках
у каждого своя отдельная тема
у кого то в руках есть даже дилемма
и близок ответ если есть из чего выбирать

если нету при возможности надо искать
и пусть весь мир против тебя
хороший компас поможет всегда
и если не все знать но хотя бы что надо

я уверен судьба будет рада
у каждой сложной задачи
много решений в придачу
палитра отлаженных дел

решают конечный удел
и не важно сколько решений
ошибок и плохих направлений
результат всегда лишь один

суета маскирует его в псевдоним
кто ближе всего к оригиналу
замечает какие помехи по какому каналу!

* * *

Меняя время на опыт
порой что то теряем
ни к чему жуткий ропот
богатство взамен приобретаем

если со стороны посмотреть
мы все бедняки
это не сложно узреть
в пределах души

порой не понятно от куда тоска
приходит и остается
бывают сложные времена
кто-то без боя сдается

кто-то старается в поте лица
понимая что задача
не так уж сложна
все встает на места

кто-то сначала все рассчитал
значит так надо
чтоб каждый узнал
какой будет баллада

оказавшись в центре событий
приняв нужный выбор
осознать смысл великий

* * *

На свете много интересного.
И все хотят вкусить немного неизвестного.
Кому за это Оскары, награды,
Кому непониманье без пощады.

А кто-то войны затевает,
Пытаясь множество людей напутать.
И сотни тысяч умирают,
А для чего все миллиардам не распутать.

Каждый день рождается новая жизнь,
И каждый день кто-то умирает.
В бессмысленном суждении
Вся наша вера исчезает.

По телевизору нам говорят про бога.
Пока нас учат ненавидеть.
И мы, глупцы, идем в дорогу
И смеем ничего не видеть.

Нам в школе историю преподают.
И нас учат про империи царей.
Но правду или ложь учебники плетут,
Мы узнаем, как умирало множество людей.

На свете все так интересно!
И всё, что важно, неизвестно!
И кто-то за изобретение получил награду,
А кто-то умер, потому что знал всю правду...

* * *

Опять и опять все сначала
Вроде полокеана проплыл но вновь у причала.
При этом у того, от которого ты отплывал,
как обойти страшной тупости шквал,
когда кругом непонятной мути вода
и непонятно, какие нужны тебе берега,

дабы не возвращаться без пользы к началу
кораблей, прибавив другому причалу
либо хуже без компаса плыть
рискуя корабль свой утопить
и вернуться на дно океана
или разбиться от бурного урагана,
потому что природы закон не познал
и с творцом страшный спор увязал
из-за отравы в мутной воде,
утерял смысл главный в себе,
замени глупостью север
и тупостью юг
не растет посаженный клевер
из-за метелей и вьюг.
И как теперь быть,
в какую сторону плыть,
дабы природы замысел не загубить,
ошибки с палубы грязной отмыть,
при этом причал новый открыть,
где и зачем не забыть.

* * *

Смысловые эффекты внутри.
Чьи-то проекты в пути.
Много мнений на поворотах.
Масса записок в блокнотах.

Несчастий куча у всех
На лицах фальшивый смех
Без особого смысла люди бегут
Ненужное в мысли берут.

Грязью кидая на поворотах,
Смеют сидеть на закрытых воротах,
И как им увидеть истинный путь,
Если ключ что в замке не повернуть.

Ведь ворота не те поворот не туда,
А если все верно то нету ключа,
Ведь мысли не те в голове,
Надо сделать поправки в черновике.

Судьба несет нам вечно ключи,
А мы в темноту как упыри,
Не видим дороги к вратам,
Значенье предавая ненужным вещам.

Чудесные мелочи нас окружают,
Кусочки дороги нам освещают
Но на них закрываем глаза,
И говорим что нечестна судьба.

Вот так и проходим свой «истинный» путь
На жизнь по другому не смея взглянуть,
И от судьбы вновь ломом по голове,
Кричим что вечно в беде.

Валерий РУМЯНЦЕВ

Под псевдонимом Валерий Румянцев опубликованы стихи, басни, пародии, рассказы, лаконизмы и т.д. в 108 изданиях Российской Федерации (в том числе в 15 литературных журналах). Зорькин Борис Иванович, 1951 г.р., уроженец Покровского р-на Оренбургской области.

Большое искусство

Рассказ

Когда Зая (так звали Зайцева со студенческих лет) протянул мне почтовый конверт, внутри которого обнаружили синие глянцевые билеты, я не смогла ему отказать. И не потому, что глянец манил блеском и обещал посещение мероприятия, о котором через несколько дней можно будет прочитать в модном журнале. И даже не потому, что, посетив это мероприятие, с гордостью можно будет сказать, что культурный градус повышен, а галочка в уме напротив графы «самообразование» будет проставлена.

А просто потому, что мужчина, протянувший билеты в театр, был мне по-человечески дорог. Как память о юности, той поре жизни, когда на сложные вопросы, существуют волшебные простые ответы. И о студенчестве, прошедшем в музыкальных закоулках под трели Моцарта и грохот октав Рахманинова. Когда мокрые ладошки, соскальзывающие с клавиатуры инструмента, можно было высушить с помощью побелки, осыпающейся в длинном коридоре, а нечаянная россыпь нотных листов на полу за пять минут до выхода на сцену была приметой, сопоставимой с чёрной кошкой, переходящей тебе дорогу.

Итак, Зая протянул мне конверт. Я сказала «да», и, условившись о времени и месте встречи, мы расстались до вечера.

Не могу сказать, что ожидание посещения театра для человека, вступившего в зрелую пору жизни, является событием. Скорее, отличным от повседневной рутины. Но она, рутина, меня настигла даже в тот вечер.

Зая опаздывал.

Зая опаздывал всегда, сколько я его знала, и, возможно, именно это его качество не связало нас узами Гименея. Мы так и остались добрыми друзьями.

– Где же ты, чёрт тебя побори? Уже без десяти семь, а нам нужно еще дойти до театра! – кричала я ему в трубку телефона.

– Мася, я еду, – булькнуло в ответ, – скоро буду.

За три минуты до начала спектакля Зая явился во плоти и стал бубнить что-то про своего начальника, который требовал «выдать результат по максимуму» за пять минут до окончания рабочего дня. Как и мои, Заины руки больше не касались слоновой кости белоснежных клавиш, а перебирали макулатуру, на каждом втором листе которой гордо выделялся синий оттиск со словами «Копия верна».

Как мы ни старались преодолеть законы физики, расстояние до театра за три минуты нам не покорилось. Ничуть не пасуя перед точной наукой, Зая авторитетно заявил:

– Ничего, зато у нас места в партере.

Я подумала о том, что если бы ещё и места были не в партере, то соответствие студенческой тусовке было бы стопроцентным, с той лишь разницей, что нынче моё тело упаковано в костюм от кутюр, а под макияжем нанесен инновационный крем, стоимость которого обязывает чувствовать себя юной.

– Ваши билеты? – спросила старушка на входе, сама как незыблемый реквизит здания искусства, имя которому «театр».

Миновав контролёршу, мы ступили на полированный мрамор пустынного холла.

– Да, а на что мы идём? – на ходу снимая пальто, спросила я Заю.

– На «Три товарища»... Ну, по Ремарку, – уточнил он, заметив мою оторопь.

«По Ремарку!», – с отчаянием подумала я, и предстоящая встреча с искусством не показалась мне такой уж и заманчивой.

Дело в том, что я не люблю Ремарка. Даже не так. Я его патологически не выношу. Я его не смогла перенести в восемнадцать лет, не смогла вынести в двадцать восемь, и третий подход в возрасте, который женщины не имеют склонности называть, не дал мне ощутимых результатов в этом нелегком для меня деле покорения классической немецкой литературы. Ремарк стоял как Эверест жизни, покорить который моему мироощущению не удавалось. Он меня раздражал рублеными фразами, угнетал отсутствием декоративной красоты, прямо-таки бесил своей простотой и правдой жизни, которой в избытке на улице за стенами того же театра. На третий раз покорения литературной вершины под названием «Ремарк» я поняла, что у меня завелся кровный враг. Его же вендетта преследовала меня каждый раз, когда разговор касался Ремарка, и у меня не было желания поддерживать светскую беседу. Когда афиши пестрели его именем, в моем мозгу вырисовывались убогие картины жизни, и, на мой взгляд, так жить люди не имеют права. И когда, наконец, я приходила в театр, он подставлял мне свою подножку и тут.

«Зая-Зая», – тоскливо подумала я, зная, что дружба требует жертв, но слегка успокаивало то, что наш путь лежит в партер.

Однако старушки, незыблемый реквизит фундаментального здания искусства, имели на этот счет другое мнение.

– Вам в бельэтаж, пройдите наверх.

Мы не согласились с предложением реквизита.

– Вы опоздали, – последовал презрительный ответ, – поэтому вам в бельэтаж.

О, в этот момент я не знала, кого больше ненавижу: Зая, его начальника, старушку-реквизит или даже самого Ремарка.

Но я улыбнулась кроткой улыбкой, которую умеют примерять на своё лицо женщины, способные приносить великие жертвы во имя благородного нечто, и мы покорно двинулись на ярус бельэтажа.

Немногочисленные ступеньки бельэтажа были усеяны сидящими на них зрителями. Другие театралы шпалерами подпирали стенки.

Мне повезло. Я опустилась на ближайшую ступеньку, тем самым застолбив за собой право просмотреть первое действие не стоя на ногах. Зая примкнул к шпалерному ряду и растворился в темноте.

А на сцене тем временем разворачивалось действие.

Роберт буянил, его друзья заливали за воротник, скороговоркой выпаливая наболевшее, а я подумала, что сценарист взял на себя слишком много, пытаясь втиснуть в два с половиной часа историю дружбы и любви с избытком возможных подробностей. Но потом появилась Патриция, и внимание зрителей сконцентрировалось на ее нежном образе. В Пат я узнала актрису, недавно скандально зашвырнувшуюся в бульварной прессе, где в деталях оглашался ее разрыв с мужем и дележка двух общих детей. Оглядев девичью фигурку, с завистью отметила про себя поразительную способность актрисы к быстрому восстановлению.

Погрузившись в свои богатые бульварные впечатления, я рисковала пропустить фразу:

– Что Вы, Робби, жизнь — это так прекрасно!

Рисковала, но не пропустила. Фраза прозвучала просто, но вместе с тем сильно и глубоко, поразив меня искренностью прямо в подкорку головного мозга, туда, где сходятся тотальная человеческая рациональность и древняя сила чувств. Туда, где мысль уступает место эмоциям. Именно туда, где живет зародыш чувства прекрасного.

Нечасто, совсем нечасто чужому таланту удастся поразить эту цель, сокрытую наростами повседневности, монотонности и желанием никогда не открывать эту дверцу, потому что подобно приносящему сплошь беды ящику Пандоры, открыв его, рискуешь увидеть только убогую обыденность, которая вцепилась мертвой хваткой, не оставляя и шанса на миг встречи с прекрасным.

Но актрисе-Пат удалось поразить эту цель. Она была проста, естественна, обаятельна; она не тянула за собой шлейф скандальной славы, пачкающей страницы новомодных журналов. Актриса-Пат растворилась где-то там в глубине сцены и моей подкорки для того, чтобы отчаянно шагнуть навстречу жизни, заодно прихватив с собой ключик от дверцы, которую я старательно подпирала с другой стороны тонной макулатуры с оттиском «Копия верна».

Актриса-Пат исчезла для того, чтобы появилась просто Пат. Хрупкая и сильная одновременно, рожденная жить, но подстерегаемая старухой с косой, с переполненным сосудом любви, который тем не менее дал течь раньше, чем зародилась сама потребность в чувстве.

И я с интересом углубилась в созерцание сплетения человеческих жизней, пасуя перед натиском ее таланта.

– Нет, нет и нет, – кричал Робби, – я не хочу, чтобы ты видела эту убогую комнату. Ты создана для роскоши.

– Робби, что ты говоришь?! Это самая прекрасная комната, которую я когда-либо видела. Это твоя комната, – нежно отвечала Пат.

И я верила, что эта часть стены с полкой муляжей книг – самая прекрасная комната на всём белом свете.

– Нет, я не достоин даже твоего мизинца, – не унимался Робби. – Я всего лишь плебей, любящий аристократов.

– Что ты, Робби, – успокаивала его Пат, – никакой ты не плебей. Ты самый благородный человек, какого я только знаю.

И я тоже искренне верила, что истерзанный жизнью Робби – человек благородных кровей и помыслов, не запятнавший себя ничем.

Я готова была верить каждому произнесенному её слову и дальше, если бы не одно «но»; и иначе как прозой жизни это «но» назвать не получается.

Здесь придётся вернуться к тому самому моменту, когда я застолбила за собой право просмотреть часть спектакля в сидячем положении, примостившись на ступеньке. Думаю, вы согласитесь, что вряд ли можно сравнить мягкость покрытия театральных кресел и жесткость паркетного пола. Поэтому если скажу, что прочувствовала искусство нервом, я не солгу. Сидалишным.

С каждой минутой, приближающей меня к вожделенному антракту, нерв мой, не будем повторяться какой, трепыхался как птица в клетке, настойчиво требуя воли. Каждая фраза Пат, пронизанная чувством и желанием жить, отзывалась во мне не менее жизненным желанием встать и подвигаться.

Тем временем действие продолжалось. Робби казнил себя за убогость бытия, словно его воля могла что-то изменить в его биографии. Пат томилась, а я жаждала антракта как избавления от бельэтажа. Однако, признаюсь, от встречи с большим искусством у меня пропало желание ускользнуть со второго действия, как это было задумано, едва я услышала о Ремарке.

В то же время неутомимая проза жизни порождала в этот вечер новые детали. И имя новой маленькой заковырки был Большой голод. Заин начальник на время лишил меня не только купленных мест в партере, но и возможности своевременно заморить червячка.

Чем ближе минуты приближали меня к антракту, тем больше шалил сидалишный нерв, голод громче стучал в барабаны, и наконец я почувствовала, что Заин начальник повинен еще и в том, что лишил меня возможности посетить дамскую комнату загодя.

О, как я ждала этого антракта!

И как я ненавидела Заиного начальника!

Оставшись наедине в неравной схватке с прозаической стороной бытия, я почувствовала, что поэзия чувств и хитросплетения человеческих жизней закономерно померкли и отошли на задний план. Поэтому, когда занавес опустился и я обрела легальную возможность подняться с обжитой ступеньки, меня переполняло счастье от этого факта.

Выходящий из дверей бельэтажа и хромяющий на одну ногу Зая согласился, что тоже впервые в жизни прочувствовал искусство тем местом, на котором люди традиционно предпочитают сидеть.

Я вам уже говорила, что рутина настигла меня даже в тот вечер?!

Так вот, эта настойчивая дамочка допекла меня по полной. Первой мыслью, когда я среди наплыва женских декольте и мужского парфюма пробилась к табличке с нарисованным женским лицом, была мысль о том, что театр заключил договор франчайзинга с Макдональдсом. Ибо все знают, что в царстве гамбургеров трепетно относятся к человеческой нужде и за реализацию оной мзды не берут.

Но встав в очередь без конца и края, я поняла: тут дело совсем в другом. Просто все женщины мегаполиса в этот день дали себе зарок посетить уборную только после первого действия спектакля. Прямо так утром проснулись и с утренней зорьки до антракта проявляли чудеса выдержки и женской логики.

О, как я ненавидела женскую логику!

И заодно Заиного начальника, который фактом своего существования не дал мне подготовиться ко встрече с искусством должным образом. И заставил проявлять чудеса выдержки.

Но и в этой нелегкой схватке с прозаической стороной бытия я снова вышла полноправным победителем и гордо пронесла свой облегченный профиль мимо таблички с женским лицом.

Поджидая меня, Зая переминался с ноги на ногу и жалостливо смотрел куда-то вниз, где значилась многообещающая надпись: «Буфет».

– Маса, давай перекусим, – выпалил он, едва увидев меня. – С обеда маковой росинки во рту не было.

В очередной и десятый раз вспомнив Заиного начальника, которому икота в этот вечер обязана была испортить жизнь, мы понеслись вниз на пленительный аромат кофе и колбасы.

Когда от вожденного бутерброда нас отделяло человека три, прозвучал призывный звонок, и театралы неспешным потоком потянулись вверх. Все, кроме нас и тех трёх упрямец впереди, претендующих на остатки съестного в буфете. Второй звонок застал нас, раскрасневшихся, в блаженном состоянии пережёвывания пищи и внезапно оформившимся вопросом: «Где же мы будем сидеть, если снова опоздаем?»

Подгоняемые мыслительным процессом и бурлящим желудочным соком, мы с Заей ворвались в партер и, о чудо, погрузили свои тела в гостеприимную мягкость театральных кресел раньше, чем сцена ожила. А это значило, что проза жизни на мгновение прекратила свои художества.

Занавес открылся, и под натиском искусства я окончательно рухнула в мир, где не было сцены, декораций и актеров.

– Дорогой Робби, – мечтала Пат, – давай немедленно поедem в деревню. Там хорошо, там свежий воздух, там настоящая жизнь.

– Обязательно! – воскликнул Робби. – Мы обязательно поедem в деревню.

И, располагая техническими возможностями сцены, мгновение спустя, они уже были в деревенской комнатке, наполненной ароматами сельских трав, бриза и счастья.

– Пат, почему ты так бледна, ты плохо себя чувствуешь? – тревожился возлюбленный.

– Робби, это усталость, просто усталость, мне нужно отдохнуть, – говорила Пат тем особенным шепотом, который был слышен даже на последних рядах галёрки и который призывал в свидетели скорее силу воли девушки-Пат, чем физические возможности голосовых связок Пат-актрисы.

Девушка сотрясалась в душераздирающем кашле – и красное пятно на ее лице расплылось и заняло всё пространство вокруг, застилая собой и сельскую комнатку, и море за окном, и предчувствие, что жизнь прекрасна.

Мне, сидящей в партере, в двенадцатом ряду, захотелось жить. Отчаянно, страстно, наперекор всему и всем, назло старухе с косою и красному пятну на белой простыне. Дикий кашель, терзающий тело Пат, в одночасье стал моим кашлем и болью. Теперь руки доктора сжимали рентгеновский снимок моих пораженных легких и приговор «осталось жить от силы несколько месяцев» затянул мертвую петлю на моей стремительно угасающей жизни.

Потом Робби отвёз меня в санаторий в горах, где разрешил носить то роскошное красное платье, из-за которого он прежде устраивал мне сцены ревности, а на улицах тем временем процветала фашистская свастика, голосили немецкие овчарки и поблёскивала кожа длинных пальто. Лучи прожектора стремительно меняли дислокацию, выискивая противников режима, а меня, ту, что в двенадцатом ряду, забила мелкая дрожь страха.

«Только не меня, только не меня», – шептали остатки разума, подгоняемые генетически заложенным ужасом перед свастикой и гортанными фразами немецкой речи.

Меня не тронули.

Тронули Готтфрида...

Отто...

Робби...

...

Всех моих друзей, разом, словно их и не было в живых и в моей жизни.

А потом я умерла. От меня, моей любви, моей дружбы осталась одна-единственная чёрно-белая фотография, где мы все вместе с развевающимися волосами на ветру в автомобиле Кестера улыбались, улыбались, улыбались...

– Маса, – твердая мужская рука трясла мое плечо, – Маса, очнись. Уф, наконец-то закончилось. Какое длиннущее второе действие, правда? Тебе как, ничего так?

– Ни-че-го, – медленно согласилась я, унимая мелкую посмертную дрожь и вытирая мокрые холодные пальцы о костюм от кутюр.

В отличие от Заи я не имела иммунитета к Большому искусству. Только к той его части, которая имеет потуги на великое. Так меня когда-то учили.

А еще мне говорили, что все мы – дети, воспитать которых под силу только одному учителю – Большому искусству.

Май 2011 г.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте (Белоруссия). В 1960 году сменила место жительства. В настоящее время проживает в городе Кодинске Красноярского края. В 1971 году окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института. Работала проектировщиком-электриком в Группе рабочего проектирования от московского института «Гидропроект» на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. Писательским трудом занимается с 1997 года. Член творческого клуба «Новый Енисейский Литератор», «Крымского клуба фантастов» и редакционного совета детского альманаха «Енисейка», член СПР, лауреат международного поэтического конкурса «Звезда полей-2011». Автор двух романов – «Убийца неподсуден» и «Звездочёт», а также шести книг стихотворений. Публиковалась в «Новом Енисейском Литераторе», «Енисейке», «Поэзии на Енисее», «Литературе Сибири» и антологиях,

издаваемых в городе Красноярске, а также в альманахах – «Сибирь» (2008 г), «Порог-АК» (2008, 2009 гг.), «Фанданго» (2010, 2011 гг.), «Пражский графоман» (Прага, 2009 г), «Литературный меридиан» (2010 г), «Северо-муйские огни» (2010, 2011г.), «Смехотерапия» (Воронеж, 2010 г.), «Великороссь» №20, №21, №22, №23, №24 и №26; «Истоки» №17,18, «Литературная губерния», «Новая литература», «Российская литература» №2 (2011 г.) и многих других.

Рак и кабан

Пришёл однажды Кабан на берег реки водицы испить и увидел Рака. Рак неуклюже пятился по самой кромке воды и косил клешнёй прибрежную травку. Он работал с раннего утра, и срезанной травы на берегу скопилось достаточно для маленького стожка. Подивился Кабан трудолюбию Рака и спрашивает его:

– Послушай, Рак, зачем ты траву косишь? Неужели и до речных жителей мода на вегетарианство докатилась?

Обрадовался Рак вопросу Кабана и ответил:

– Нет, у нас на дне реки все по-старому, никаких перемен. А травку я накосил для крольчонка, он только вчера родился. Слабенький он ещё, вот я и решил помочь ему с питанием.

– Глупый ты, Рак! Помогать надо сильным, таким как я, – сказал Кабан и стал поедать траву.

– А как же крольчонок? Он же маленький?! – Рак заплакал от обиды и протянул клешню, чтобы ущипнуть Кабана за заднюю ногу. Кабан отодвинулся подальше от Рака и проговорил, чавкая:

– А я большой!

Посмотрел Рак на мощную фигуру Кабана и подумал:

– Пусть ест. Крольчонку я ещё накошу травки, до вечера далеко.

Кабан поел, испил из реки водицы и довольный отправился в лес. Рак проводил Кабана взглядом и вздохнул.

– Почему большие и сильные звери не любят маленьких и слабых? Ведь так приятно помочь тому, кто нуждается, и услышать в ответ волшебное слово «спасибо» в ореоле улыбки и светящихся глаз. Глупые они, однако, эти большие и сильные» – решил для себя Рак и успокоился.

Вечером пришел крольчонок и поел травки из маленького стожка. Усталый Рак стоял рядом и улыбался. Он был счастлив. Крольчонок лизнул ему спину шершавым язычком и сказал: «Спасибо».

Ёжик

Бежит по лесу ёжик, домой торопится. На спине несёт наливное, красное яблоко. Яблоко такое аппетитное, что так и хочется откусить кусочек. Радуетса ёжик и про себя думает: «Никогда такого большого и красивого яблока не видел. Вот обрадуются жена и дети такому подарку».

От радости он даже стал насвистывать модную в лесу песенку про яблони в цвету.

Возле голубичного куста сидел маленький серый зайчонок и горько плакал. Увидел ёжик зайчонка и подошел к нему.

– Что случилось, малыш? От чего ты так горько плачешь? – участливо спросил ёжик.

– Потерялся я, и есть хочется, – ответил зайчонок.

– Ну это дело поправимое, – сказал ёжик и проводил зайчонка до заячьей норки. Он подарил зайчонку наливное, красное яблоко и побежал дальше.

– Может быть, хороший грибок попадётся по дороге, – подумал ёжик, и через несколько минут ему действительно попались два крепких подосиновика. Наколот ёжик грибы на колючую шубку и рассмеялся.

– Поменял яблоко на два гриба. Неплохой обмен.

– Дяденька ёжик, зачем вам одному два гриба? Дайте мне, пожалуйста, грибок, есть очень хочется, – вдруг услышал ёжик чей-то голос.

Он обернулся и увидел маленького пушистого бельчонка. Тот сидел под деревом и дрожал от страха.

– Почему ты сидишь под деревом, малыш? Где твоя мама? – встревоженно спросил ёжик.

Он знал, как опасно сидеть под деревом маленьким бельчатам, когда рядом бродит хитрая куница.

– Мама ушла в соседний лес. А я сорвался с ветки и упал, – грустно ответил бельчонок.

– Я помогу тебе, малыш, – сказал ёжик и посадил бельчонка на нижнюю веточку.

Он отдал бельчонку грибы, и тот с восторгом впился маленькими острыми зубами в сочную мякоть гриба. Улыбнулся ёжик и зашагал к дому.

Придя домой, он рассказал жене и детям о сером зайчонке и пушистом бельчонке.

– Ты поступил правильно, дорогой, – проговорила ежиха и поцеловала мужа, а дети радостно захлопали в ладоши. Ужинали сушеными грибами, и еда казалась необыкновенно вкусной. Может быть, оттого, что, когда узнаешь, как голодают другие, начинаешь ценить то, что имеешь.

Кто-то настойчиво постучал в дверь, и ёжик пошел открывать. На пороге он увидел зайчиху и белку. Они пришли к нему в гости с подарками. Ежиха улыбнулась и сказала:

– Как аукнется, так и откликнется!

И она была права.

2000 г.

Воздушный трамвай

На крыльце старого деревянного дома стоял рыжеволосый мальчик лет пяти и, запрокинув голову, смотрел в небо. В руках он держал потрепанную кроличью шапку и рукавицы. Ветер шевелил непослушные пряди волос на голове ребёнка, отчего казалось, что это и не волосы вовсе, а языки пламени маленького костра. За огненно-рыжий цвет волос деревенские мальчишки прозвали мальчика Огоньком, и редко кто вспоминал о его настоящем имени, данном при рождении. А имя у него было сказочное, что ни на есть русское. Иваном нарекли родители сына. И жил этот Иван, сын русский, с дедом Матвеем и бабушкой Настёной в большом пятистенном доме на краю деревни, как в лесном санатории. Никакие хвори к нему не цеплялись, был он здоров и весел, не то что в городе, где вирусов видимо-невидимо и каждый микроб норовит укусить маленького и беззащитного Ваню.

– Пусть до школы оздоравливается в деревне, – предложил дед Матвей. На том и порешили. Поэтому уже второй год живёт Ваня в деревне и родителей видит по праздникам. Но

он не испытывает тоски по городской жизни, в деревне у него больше свободы, и деревенские ребятишки добрее городских, зря не обижают и не лезут в драку без причины. Дед Матвей разрешает ему помогать по хозяйству и никогда не ругается, если у Вани что-то не получается. Сегодня они решили поправить покосившуюся поленницу дров. Дед Матвей уже разобрал часть поленницы, чтобы уложить её заново, а Ваня застыл на крыльце, как вкопанный, и с неба глаз не сводит.

– Деда, посмотри, какой воздушный трамвай плывёт по небу, – прокричал мальчик, не опуская головы. Дед взглянул на небо и увидел длинное полосатое облако, похожее на трамвай.

– Почему воздушный? – удивился дед.

– Говорят же, речной трамвай, если трамвай ходит по воде, или просто трамвай, если он едет по рельсам. Почему же нельзя говорить воздушный трамвай, если он плывёт по воздуху? – с надеждой спросил внук и бросил взгляд на деда.

– Почему же нельзя? Я думаю, что можно, – разрешил дед, и Ваня благодарно улыбнулся в ответ.

Дед Матвей усмехнулся в седые усы и покачал головой.

Ваня ещё раз взглянул на облако, повздыхал немного, потом надел шапку и пошел к деду помогать укладывать дрова в поленницу.

– А когда он остановится? – спросил внук у деда, и тот, не раздумывая, ответил:

– Скоро. Когда ветер стихнет, тогда и остановится твой воздушный трамвай. – Едва старый и малый закончили работу, как ветер стих.

– Ура! – обрадовался Ваня и потянул деда за рукав. – Посмотри, деда, как пассажиры выходят из воздушного трамвая. – Дед запрокинул голову, и две хрупкие снежинки уселись ему на нос. Мальчик засмеялся и снял рукавицу. Холодные белые мухи присели к нему на ладонь и заплакали.

– Деда, почему снег плачет? – спросил мальчик, шмыгая носом и протягивая деду худенькую ручку, где между линией жизни и линией сердца на ладони лежала капелька воды.

– От радости, – ответил дед Матвей.

– От радости смеются, а не плачут, – возразил Ваня.

– Это, когда радости мало, а когда её много, то она не вмещается в человеке и выплещивается из глаз наружу, – пояснил дед. Ваня подумал немного и сказал:

– Когда мне больно и я плачу, это значит, что боль от меня убегает через глаза. Правда, деда? – дед Матвей кашлянул два раза и кивнул головой.

– Твоя правда, Ванятка! – проговорил он, стряхивая снег с меховой курточки внука. Скрипнула дверь. На крыльце вышла бабушка Настёна и позвала деда Матвея и Ваню обедать.

– Не задерживайтесь, щи простынут! – наказала она и вернулась в дом.

После сытного обеда Ваня немного поклевал носом, сидя в кресле перед телевизором, и уснул. Он не слышал, как дед Матвей отнес его в спальню, а бабушка Настёна раздела и уложила в кровать. Ване снился необычный сон. Сон был хороший и вкусный, мальчик улыбался во сне и причмокивал губами.

– Интересно, что ему снится? – спросила бабушка Настёна у деда Матвея.

– Воздушный трамвай, – ответил тот, залезая на теплую лежанку.

– Почему трамвай воздушный? – удивилась бабушка.

– Спросишь у Ванятки, когда проснётся. Он объяснит, – проговорил дед, зевая.

А Ванятка в это время стоял на крыльце, одетый, как сказочный принц. Воздушный трамвай висел над домом. Снизу казалось, что он, как умелый всадник, оседлал крышу и только ждёт команды, чтобы пуститься вскачь.

– Поехали! – крикнул Ваня, и трамвай сдвинулся с места. Он опустился с крыши на землю и услужливо распахнул широкую дверь перед мальчиком. Ваня зашел внутрь и увидел много белокожих мальчиков и девочек в белых одеждах. На мальчиках были надеты широкие штанишки и курточки с помпонами, а на девочках – короткие платьица с пышными юбочками, украшенными серебряной тесьмой. На головах у детей красовались маленькие короны, усыпанные блёстками.

– Вот бы мне такую корону, – подумал Ваня, и тотчас самый высокий по росту мальчик

подошёл к нему и протянул сверкающую корону. Она была больше по размеру, чем короны у девочек, но меньше, чем короны у мальчиков.

– Вы – гость, – ответил белокожий мальчик на немой вопрос Вани о размере короны и поклонился гостю в пояс.

– Меня зовут Ваней, а вас? – спросил Огонёк у мальчика, но тот ничего не ответил.

– Подумаешь, гордый какой, даже знакомиться не хочет, – обиделся Ваня и отвернулся от белокожего мальчика. Он наткнулся взглядом на маленькую пухленькую девочку и улыбнулся ей, очень уж она была потешная в новогоднем костюме снежинки.

– Вас зовут Снежинкой? – обратился Ваня к девочке. Та кокетливо улыбнулась в ответ и проворковала:

– Да. А как вы догадались? – Ваня хотел сказать ей, что догадаться было не трудно, так как она как две капли воды была похожа на снежинку, но передумал. Обманывать нехорошо. Стоящая перед ним девочка была похожа не на ажурную лёгкую снежинку, а на соседку Тоньку, живущую в доме напротив. Она первая стала называть Ваню Огоньком, а затем и остальные ребята подхватили кличку.

– Огонёк да Огонёк! – только и слышно было со всех сторон.

Сначала Ваня обижался на Тоньку за прозвище, но потом привык, и ему даже понравилось его новое имя. Уж лучше быть Огоньком, чем Санькой Криворуким или Петькой Заморышем.

– Тоньша, это ты что ли? – спросил он у девочки, но та промолчала и в знак протеста даже отвернулась от него.

Ваня обнял девочку за плечи и развернул к себе лицом. Лицо у белокожей незнакомки было грустное, огромные синие глаза сверкали на нём, как два сапфира.

«А может быть, я ошибся, и это вовсе не Тонька?» – подумал Ваня, глядя на дрогнувшие губы девочки.

– Я – не Тонька! – ответила та и почему-то вздохнула, словно пожалела неизвестную ей Тоньку, на которую волей судеб была так похожа.

– Снежинка, так Снежинка, – согласился Ваня, не умевший долго злиться и обижаться по пустякам. Как ни странно, но это свойство его характера не вызывало симпатии у деда Матвея. Однажды мальчик услышал, как дед Матвей сказал бабке Настёне, что внук у них – мягкотелый и размазня, за себя постоять не может и сдачи обидчикам не даёт.

– Ничего – израстет, – ответила баба Настёна. – Забыл что ли, какой Петюня в детстве был добрый и ласковый?

Петюня – это Ванин отец, работающий в городе менеджером. Деду Матвею слово менеджер не нравится, и он называет сына миниинженером. А Ване – наоборот: слово менеджер нравится больше, чем какой-то инженер, пусть даже и мини. И соседка Тонька тоже считает, что менеджер звучит загадочнее, чем укороченный инженер. Она даже песню сочинила про менеджера. Песня была простая, в духе времени.

– Мене-мене-мене-джер, джера-мене, – пела Тонька, изображая из себя индианку, а Ваня скакал вокруг неё и подпевал во весь голос:

– Джера-мене, джера мене.

– Проказники, – с улыбкой говорила бабушка Настёна и шутливо грозила детям кривым пальцем. Дед Матвей хмурил брови и молчал. Ему этот «Джера-мене», как железом по стеклу, но он решил не обращать внимания на детские шалости. Тонька интуитивно почувствовала неприязнь деда Матвея к своей песенке и старалась не петь её в его присутствии.

– Джера-мене, – вдруг произнес Ваня и посмотрел на Снежинку. Девочка с удивлением посмотрела на гостя.

– Я не понимаю, о чём вы говорите. Этот язык мне не знаком. Что означают ваши слова? – обратилась она с вопросом к Ване. Мальчик смутился и прошептал еле слышно: – Ничего такого. Просто у нас с Тонькой игра такая, белибердой называется.

– А... – протянула она. – Это должно быть очень интересно.

– Не знаю, – честно признался Ваня. Он никогда не думал об интересе, он просто занимался тем, что ему нравилось.

– Так это и есть интерес, когда нравится, – заметила Снежинка и улыбнулась Ване. Он посмотрел на её лучезарную улыбку и попытался улыбнуться в ответ, но у него ничего не получилось. Губы не раздвигались, словно склеенные.

– Чудеса! – подумал мальчик, глядя на сверкающую улыбку Снежинки. Вдруг улыбка превратилась в белокрылую бабочку и вспорхнула с пухлых губ девочки. Покружив над головой Снежинки, она подлетела к мальчику. Ваня поймал её на лету и поднёс к губам, и тотчас же его губы раздвинулись, и лучезарная улыбка осветила круглое с веснушками лицо мальчика.

– Вот оно что! – воскликнул Ваня и потрогал улыбку пальцем. Она испугалась и улетила, а губы у Вани снова склеились. Разговаривать можно, а улыбаться и смеяться ни-ни. Мальчику стало грустно. Он нахмурил лоб и с укором взглянул на Снежинку. Девочка взяла его за руку и молча повела по длинному узкому коридору в конец вагона, где их ждали два мягких кресла. Ваня сел у окна и осмотрелся. Он увидел, как мальчик, подаривший ему корону, оторвал от платья девочки, сидевшей с ним рядом, большой белый помпон и выбросил его в окно. Вслед за ним и другие мальчики проделали то же самое. Ваня хотел возмутиться и сказать, что нельзя обижать девочек. Но вдруг с удивлением заметил, что девочки не обиделись и не заплакали. Они пропели хором: «Вива-виви-виво!» и весело защебетали. Тогда Ваня сам обиделся на странных девчонок и, отвернувшись от всех, стал смотреть в окно. Белые помпоны летели за воздушным трамваем и на лету делились на части. Ваня досчитал до десяти и сбился со счета.

Когда деление закончилось, вокруг воздушного трамвая кружилось много-много снежинок. Сколько их было, мальчик сосчитать не смог, так как дед Матвей научил его считать только до двадцати. «Их здесь, наверное, целый миллион», – подумал Ваня, глядя на пляску снежинок. В его представлении миллион – это самое большое число, какое может быть на свете. Он вдруг вспомнил Тоньку и её разговор о миллионерах. Так Тонька называла людей, у которых было так много денег, что и сосчитать нельзя.

– Она бы их сосчитала, – сказал Ваня и бросил взгляд на Тонькиного двойника. Но девчонка не поддержала разговор.

Она посмотрела на мальчика с сожалением и глубоко вздохнула.

– Тонька бы их всех миллионершами назвала, – произнес вслух Ваня, глядя на странных девчонок в разорванных платьях. – Тоньку бы сюда, – с тоской сказал мальчик и с силой дернул за самый большой помпон, пришитый к платью Снежинки.

«Крак», – послышался треск оборванной нити. Ваня открыл окно и выбросил помпон.

– Спасибо, – сказала Снежинка и сразу же повеселела. Глаза у неё засверкали синими огоньками, а на круглых щеках появились ямочки.

– Странная ты, Снежинка, – заметил Ваня.

– Почему? – удивилась девочка.

– Если бы я Тоньке такую прореху на платье сделал, получил бы оплеуху. А ты ещё спасибо говоришь, – ответил мальчик и посмотрел на платье Снежинки. Никакой дыры на платье не было. Ваня протёр глаза и потрогал платье рукой. Ткань была мягкой на ощупь, только на месте оторванного помпона прощупывался маленький бугорок.

– Что это? – спросил он у Снежинки, показывая пальцем на растущий бугорок.

– Это рождается новый помпон, – ответила девочка и погладила холодными пальчиками место рождения помпона.

Ваня от удивления не смог связать двух слов. Он молча наблюдал за рождением помпона. Когда тот принял форму и размеры оторванного помпона, Ваня с криком: «Так тебе и надо!» оторвал новорожденный помпон и выбросил его в окно.

– Зачем? – удивилась Снежинка. Она взглянула на мальчика синими глазами и покачала головой. Мальчик пожал плечами, разве можно объяснить душевный порыв.

– Сначала отрываются созревшие помпоны, а затем новорожденные, – сказала девочка и вздохнула. Ване стало жаль её, и он решил помочь Снежинке вернуть лучезарную улыбку.

«Крак, крак, крак!» – послышался треск отрываемых ниток. За минуту мальчик оторвал все помпоны и выбросил их в окно. Его старания не пропали даром. В награду он услышал

звонкий смех Снежинки. словно десять хрустальных колокольчиков зазвенели одновременно. Как звенят хрустальные колокольчики, Ваня слышал не раз.

У бабушки Настёны хранится в серванте хрустальный колокольчик, и в новогодние праздники мальчику разрешается звонить в него, когда приходят гости.

– А где твои хрустальные колокольчики? – спросил он у девочки, когда та перестала смеяться.

– Какие колокольчики? – в ответ спросила она Ваню и снова засмеялась.

– Как же я сразу не догадался, что колокольчики у неё во рту, – подумал мальчик и стал заглядывать девочке в рот. Но колокольчиков там не было. Ваня задумался и снял шапку, чтобы почесать голову, так ему лучше думается. Снежинка увидела рыжие Ванины волосы и перестала смеяться. Она погладила мальчика по голове и защebetала как птичка. На её голос прибежали другие девочки и тоже стали гладить Ванину голову. Руки у девчонок были холодные и влажные. Голова у Вани быстро замерзла, и он надел шапку.

– Я – не мороженое, не надо меня лизать, – проговорил он, обращаясь к девочкам. Девочки обиделись и вернулись на свои места. Только Снежинка никуда не ушла, её место было рядом с Ваниным.

– Так и заморозить недолго, – недовольно проворчал мальчик.

Ему не понравились телячьи нежности. Он воспитывал у себя мужской характер, а настоящий мужчина не любит лизаться.

– Почему вы меня гладите? – задал он вопрос Снежинке.

– Мы не гладим, а красим, – ответила та с улыбкой.

– Красите? – удивился Ваня и вопросительно посмотрел на Снежинку.

– Мы покрасили твои красные волосы в белый цвет, – ответила девочка.

– Зачем? – испуганно спросил мальчик. Он снял шапку и посмотрел на своё отражение в зеркальном потолке. Волосы у него были белые, как снег. Ваня зашмыгал носом и заплакал.

– Как же я покажусь Тоньке с такими волосами? Она больше не будет называть меня Огоньком. А мне так нравится быть Огоньком, – проговорил мальчик, всхлипывая от обиды на Снежинку и девчонок, изменивших его облик.

– Ты не должен отличаться от нас, – сказала Снежинка и посмотрела на мальчика пустыми глазницами синего цвета. От её холодного взгляда Ване стало не по себе. Он встал и направился к вагоновожатому, чтобы попросить его о помощи. Проходя мимо кресел с пассажирами, он обратил внимание на то, что у всех пассажиров воздушного трамвая волосы были белого цвета.

У девочек туго заплетенные косы оканчивались пышными, прозрачными бантами из белого шифона. А длинные локоны у мальчиков были перехвачены узкими обручами из белого серебра.

На том месте, где у обычного трамвая находится кабина вагоновожатого, у воздушного трамвая ничего похожего на кабину Ваня не увидел. Вместо кабины у лобового стекла стоял высокий шкаф белого цвета, похожий на холодильник. Ваня подошел к нему и дернул за ручку, чтобы открыть дверь. Внутри шкафа сидела хрустальная девочка с огромными немигающими глазами и сосульками на голове вместо волос. Она держала в руках серебряные колокольчики и время от времени позвякивала ими. Услышав звон колокольчиков, мальчики отрывали помпоны, пришитые к платьям девочек, и выбрасывали их в окно.

– Вот оно что! – произнёс Огонёк и вопросительно взглянул на хрустальную девочку.

Но девочка ничего не ответила, она даже не посмотрела в его сторону.

– Подумаешь, принцесса какая! – возмутился Ваня и дотронулся до платья хрустальной девочки. Он почувствовал резкую боль в руке и отдернул её. На указательном пальце вскочил волдырь, как от ожога. Мальчик вспомнил слова деда Матвея о жгучем характере мороза и отодвинулся подальше от хрустальной Стужонки, так он назвал хрустальную девочку. Ваня внимательно оглядел присутствующих, но вагоновожатого среди них не увидел.

– Кто же управляет воздушным трамваем? – обратился он с вопросом к белокожему мальчику, который сидел в кресле напротив Стужонки. Ваня про себя всех мальчиков, находящихся в воздушном трамвае, называл Снежанами. Так вот, этот Снежан внимательно

оглядел его с ног до головы, словно раздумывая, стоит ли доверять гостю важную тайну.

– Ветер, – ответил он после продолжительного молчания.

– Так я и думал, – сказал Ваня, хотя на самом деле ничего такого он не думал. Ему не хотелось выглядеть глупцом в глазах этих высокомерных Снежанов и Снежинок, и он солгал. Снежан бросил быстрый взгляд на заалевшие от стыда щеки гостя и покачал головой. Он был очень умным мальчиком и, конечно же, догадался, что Ваня его обманул, но он был ещё и очень воспитанным мальчиком и поэтому промолчал.

– Извините и простите, – произнес Ваня и покраснел ещё больше. Щёки его стали похожими на два переспелых помидора, казалось – дотронься до них, и брызнут они алым соком во все стороны. Бабушка Настёна учила внука всегда извиняться и просить прощения, если поступаешь дурно.

А сейчас Ваня поступил некрасиво, и ему было стыдно за проявленную трусость. Лучше быть честным глупцом, чем лживым умником. Он хотел подойти к Снежану и сказать ему правду, но зазвенели серебряные колокольчики, и все мальчики принялись за работу. Ваня вернулся на своё место и быстро оторвал все помпоны, пришитые к платью Снежинки.

От удивления она лишилась дара речи и только восклицала: «Ох!» и «Ах!», когда Ваня поворачивал её в разные стороны. Мальчик пригоршнями выбрасывал помпоны в окно, и вскоре за окном воздушного трамвая разыгралась метель. Снег залетал в открытое окно и превращался в пушистые помпоны, которые, как мячики, прыгали на платье Снежинки и сами пришивались к нему.

– Почему они возвращаются обратно? – спросил Ваня у девочки, глядя расширенными глазами на пляску помпонов.

– Перебор, – ответила Снежинка и пояснила изумленному гостю. – Это когда ненужных помпонов больше, чем нужных, поэтому лишние помпоны возвращаются к себе домой.

– Ты что ли снежный домик? – не поверил Ваня.

– Я – не домик, а место, на котором стоит домик, – попыталась объяснить девочка, но гость не внял её объяснениям.

– Ты не похожа на землю, – возразил мальчик и погрозил пальцем Снежинке. – Меня не обманешь, у меня папа раньше был инженером, он мне рассказывал о домах, – произнёс он с гордостью.

– А сейчас кем работает твой папа? – поинтересовалась девочка и с любопытством взглянула на Ваню. Тот смутился от пристального взгляда Снежинки и ответил, опустив голову.

– Сейчас он работает менеджером.

– А чем занимаются менеджеры? – спросила Снежинка.

Ваня растерялся, он не знал, чем занимается отец в строительной фирме с длинным и непонятным названием.

– Я не знаю, – честно признался мальчик и, помолчав, добавил: – Отец мне не рассказывал о своей работе.

Девочка ничего не сказала и отвернулась от Вани. Она стала смотреть в окно. Мальчик обратил внимание на её руки. Они неподвижно лежали на пышной юбке и казались неживыми. Он взял Снежинку за руку. Рука у девочки была белой и холодной, как снег. Снежинка отдернула руку и покачала головой.

– Почему у тебя руки холодные? – спросил Ваня и достал из кармана варежки. Он протянул их девочке, но она отказалась принять Ванин подарок.

– Мне нельзя греться, я могу растаять от тепла, – объяснила она гостю причину отказа.

Мальчик подумал немного и вдруг стукнул себя по лбу. Он вспомнил сказку о снегурочке, которую ему рассказывала бабушка Настёна.

– Как же я раньше не догадался, что вы все снежные люди! – воскликнул Ваня и обрадовался. Его радость выплеснулась веселыми искорками из глаз и поплясала задорной улыбкой на губах. Но радости никогда не бывает много. На смену ей всегда приходит грусть. Мальчику стало жалко белокожих мальчиков и девочек, которые боятся тепла и солнца. А хрустальная девочка и вовсе бедняжка. Одна сидит в темном шкафу и боится света, совсем как Ваня в детстве, только наоборот. Когда Ване было три года, он боялся один находиться в комнате без света и постоянно просил маму оставлять на ночь вклю-

ченным ночник. Сейчас Ваня уже не боится темноты, дед Матвей научил его ночному видению. Они даже ходили вдвоём ночью, и дед доверил внуку роль проводника.

– И вовсе она не страшная, эта темнота. Она сама боится света и бежит от него, – произнёс дед Матвей, стоя ночью с внуком у забора, и осветил в темноту фонариком. Ваня увидел, как от длинного луча света стали разбегаться причудливые тени и прятаться в кустах. Он засмеялся и перестал бояться. Давно известно, что смех – лучшее лекарство от страха. А ещё бабушка Настёна прочитала Ване рассказ о юном разведчике, который жил с партизанами в лесу и ночью ходил на задание. Юного партизана тоже звали Иваном.

– Вот видишь, каким был храбрым партизан Ваня. Ты должен брать с него пример, – проговорила бабушка Настёна, закончив чтение. Так, благодаря стараниям деда Матвея и бабушки Настёны внук перестал бояться темноты.

Ваня оторвал свои мысли от воспоминаний о доме и вернул их в воздушный трамвай. Снежинка выжидательно смотрела на него синими глазами.

– Вы можете жить на земле? – обратился он с вопросом к Снежинке.

Та посмотрела на него погрузневшими глазами и покачала головой.

– Нам нельзя видеть солнце, оно нас убьёт.

– А я люблю солнце, – сказал Ваня и вздохнул. Он мысленно представил себе, как солнце будет убивать Снежинку, и почувствовал сильный озноб.

– Замёрз я тут у вас, – недовольно пробурчал Ваня, скрывая за грубоватым тоном жалость к Снежинке.

– Ты можешь вернуться домой, когда захочешь, – сказала белокожая девочка. Она позвала того высокого мальчика, который подарил Ване корону. Это был главный Снежан. Он подошел к гостю и забрал у него корону. Ваня обиделся.

– Сначала дарят, а потом забирают. Так делать нельзя, – проговорил он, с укором глядя на Снежана. Но тот молча сделал своё дело и вернулся на место.

– Теперь ты свободен и можешь уходить, – сообщила ему Снежинка решение главного Снежана.

– А как же я пойду? Мы же летим по небу, – испуганно спросил мальчик и выглянул в окно. За окном разгулялась метель, и Ваня не смог увидеть, где находится его дом.

– Мы летим над твоим домом, ты можешь прыгать, – предложила Снежинка и стала толкать гостя к выходу.

Ваня подошел к широкой двери и распахнул её. Налетевший ветер подхватил его и вынес из воздушного трамвая. Несколько мгновений он покружил мальчика в воздухе, как снежинку, а затем плавно опустил на крыльцо деревенского дома.

– Бабушка! – закричал Ваня и проснулся. Он увидел склоненное над ним лицо бабушки Настёны и улыбнулся. Его лучезарная улыбка была настоящей, её не надо было ловить, как бабочку, и приклеивать к губам.

– Бабушка! – повторил он, с любовью глядя на доброе лицо самого главного своего защитника.

– Пора вставать, Ванюша. Тоньша к тебе в гости пришла, – сказала бабушка и погладила внука по взъерошенным рыжим волосам. Ваня ловко увернулся и спрыгнул на пол.

– Тоньша! Я тебя во сне видел, ты была снежинкой, – закричал он, облачаясь в спортивный костюм синего цвета.

– С чего бы это? – удивилась девочка. В её широко раскрытых синих глазах мелькнуло любопытство и тотчас же спряталось за радужную оболочку, заметив в дверях спальни Ваню.

– Здравствуй, Огонёк, – поприветствовала Тонька своего рыжеволосого друга.

– Я уже не Огонёк, снежинки покрасили мои волосы в белый цвет, – возразил мальчик.

– Это у тебя сегодня шутка такая? – спросила девочка и рассмеялась звонко и заливиисто, точь-в-точь как хрустальный колокольчик.

– И вовсе это не шутка, я правду говорю, – ответил Ваня и нахмурился. Но Тоньку не просто сбить толку, она ученая. У неё дед живёт в Москве и работает в институте доктором. Когда Ваня спросил, что этот доктор лечит, Тонька ответила, что технику. Поэтому Ваня стал называть Тонькиного дедушку техническим доктором.

– Ты в зеркало смотрелся? – грозно спросила Тонька и, взяв закадычного друга за руку, подвела его к бабушкиному трюмо. Из зеркала на Ваню смотрел мальчик с взъерошенными волосами рыжего цвета и улыбался во весь рот от радости.

– Лучше расскажи, что тебе приснилось, – попросила Тонька и, усевшись на диван, приготовилась слушать. Ваня уселся рядом и стал взахлеб рассказывать о воздушном трамвае и его пассажирах. Бабушка Настёна перестала возиться на кухне и зашла в комнату послушать рассказ внука. Даже дед Матвей проснулся и поднял голову с подушки. Когда Ваня рассказал, как у него забрали корону и вытолкнули его из воздушного трамвая, Тонька возмутилась.

– Да они просто бандиты! – воскликнула она. Слово «бандит» у неё было самым страшным оскорблением.

– Они не бандиты – Ваня попытался заступиться за Снежанов и Снежинок.

– Нет, бандиты! – упрямо повторила Тонька.

– Они не хотели, чтобы я замерз в воздушном трамвае и превратился в сосульку как хрустальная девочка. А без короны – это запросто, – возразил Ваня.

Но Тонька не унималась:

– Зачем тогда они у тебя корону забрали? Могли бы и подарить, чтобы ты зимой не мёрз.

– Снежинка сказала, что на земле корона растает, – ответил мальчик и вздохнул.

– Эта Снежинка очень красивая? – спросила Тонька, заподозрив во вздохе Вани тоску о снежной девочке. Ваня с удивлением взглянул на Тоньку. Прежде она таких вопросов не задавала.

– Красивая, – ответил он и, помолчав несколько секунд, добавил: – Но ты, Тоньша, всё равно лучше. Ты – живая, а Снежинка, как снегурка, от тепла тает.

Тонька улыбнулась и сказала:

– Ну ладно. Пойдем лучше на горку. Там Снежинок и Снежанов видимо-невидимо. Может быть, кого-нибудь из твоих знакомых встретим?!

Они оделись и вышли на улицу. Крупные снежинки, медленно кружась, падали на укрытую белым ковром землю. Ваня с Тонькой раскрыли ладони и стали ловить снежинки. Но снежинкам не нравилось лежать на теплых ладонях. Они плакали и исчезали, оставляя после себя капли слез.

– Смотри внимательно, – приказала Тонька. Но Ваня не услышал её слов. Он смотрел на небо, пытаясь сквозь миллионы танцующих снежинок разглядеть воздушный трамвай. Но снег слепил глаза, и Ване пришлось смириться с мыслью, что чудеса бывают не каждый день.

– Пошли на горку, – предложил он Тоньке и побежал по нетронутому снегу, как первопроходец, на соседнюю улицу, которая круто спускалась к замерзшему пруду.

– Только ты Кольке с Васькой про воздушный трамвай не рассказывай, – попросила Тонька.

– Почему? – удивился Ваня.

– Глупые они, не поймут, – сказала Тонька.

– Бабушка Настёна сказала, что глупых детей не бывает, – заметил Ваня.

– Что, только умные дети бывают? – ехидно спросила девочка.

– Бывают умные дети и бывают неученые дети. Если неученых детей поучить, они станут умными. Дедушка Матвей говорит, что «ученье – свет!» – ответил Ваня.

– Вот и учи! – фыркнула Тонька.

– Вот и буду! – сказал Ваня и рассказал Кольке с Васькой про воздушный трамвай. А Васька рассказал о воздушном трамвае своей бабушке, когда приехал погостить к ней в наш город. Васькина бабушка была моей подругой, она передала его рассказ мне, а я написала его для всех мальчиков и девочек, умеющих читать.

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Изгой

Окончание. Начало в №2.

Через сорок минут безуспешных попыток найти для него относительно дешевый отель девушка сдалась.

– К сожалению, все отели города Осака, куда я дозвонилась, предлагают не менее 20 тысяч йен за ночь, – вежливо и виновато сказала девушка. – Как я понимаю, вы хотели бы более дешевый номер. Простите, сэр, что не смогла вам помочь.

– А можно мне позвонить в Россию? Мне очень нужно, – попросил девушку Виктор Олегович.

– Конечно, только вам придется оплатить звонок.

Она подала Виктору Олеговичу телефон, и он, ругая себя, что не догадался сделать это раньше, набрал номер секретаря декана, которая знала название его гостиницы. Трубку взяли не сразу, а потом кто-то из сотрудников деканата сообщил, что в Новосибирске уже восемь вечера, пятница, и все давно ушли по домам.

Оплатив телефонный разговор, Виктор Олегович ободряюще улыбнулся встревоженной девушке, подхватил так надоевший ему чемодан и покинул отель, где он чувствовал себя изгоем. Вновь направляясь в Ковеншн центр, где, как он надеялся, ему могли помочь, Виктор Олегович судорожно пытался припомнить название отеля, в котором у него и Ивана был оплачен номер, но вспоминалось только то, что название было длинное, состоящее из нескольких слов, со многими шипящими, а в мозгу крутилось только «си-ши-ши».

Конвеншн Центр возвышался темной громадой, все его двери были заперты. Зря он надеялся, что почти в полночь кто-то еще будет здесь работать. Все служащие давно уже спали в своих уютных домах, и только Виктор Олегович, замерзший, голодный и одинокий, никому не нужный в этом чужом городе, стоял со своим чемоданом и совершенно не представлял, что же ему делать дальше. «Все, завтра утром поеду в аэропорт, поменяю билет и улечу домой, – думал он. – Хватит с меня этих мытарств в чужой стране».

На площади, справа от входа, он разглядел в темноте несколько бетонных скамеек. На одной из них кто-то лежал, свернувшись калачиком. «Это Иван, – с надеждой подумал Виктор Олегович. – Он не встретил меня и пришел сюда, он меня ждет!

– Иван Петрович! Дорогой! Я здесь! – с радостным криком бросился к лежащему на скамейке Виктор Олегович.

Человек встрепенулся, сел, и он с ужасом увидел, что это совсем не Иван. Это был худенький и лысоватый японец. Одет он был бедно, но опрятно, а его узкие глаза расширились от удивления, когда Виктор Олегович с криком налетел на него из темноты.

– Прости, дорогой! Я обознался. Я думал, ты – мой друг Иван, – сказал он по-русски. Английский уже не лез в голову.

– Я – Ичиро, – вежливо сказал незнакомец и поклонился.

– А я – Виктор. Я приехал из России, и ночевать мне негде.

– Не переживай, мне тоже негде ночевать. Я – бездомный. В Японии нас очень много, мы живем на улице.

Непонятно, каким образом, но Виктор Олегович понимал все, о чем говорил японец. И тот, похоже, его прекрасно понимал, хотя говорили они на разных языках, только иногда вставляли английские слова и помогали себе жестами. Присев на скамейку, Виктор Олегович неторопливо описал своему новому приятелю этот нескончаемый день в чужой стране и все свои безуспешные попытки устроиться на ночлег. Ичиро слушал внимательно, кивал, а потом сказал:

– Не переживай, тут неподалеку есть небольшой парк, сейчас мы туда пойдем и там будем ночевать.

Виктор Олегович уже ничему не удивлялся. Он снова взялся за свой чемодан, а Ичиро выкатил из-за скамейки магазинную тележку, на которой уместились все его нехитрые пожитки, и они двинулись вниз по улице пустынного в этот час города – японский бездомный и русский ученый, тоже бездомный в этой чужой стране. По дороге Ичиро рассказывал, что живет он не здесь, а в большом парке, далеко отсюда. А тут его застала ночь, и он решил провести ее на скамейке, ему не привыкать! Правда, скамейка оказалась бетонной, и спать на ней было холодно. Вот в парке, уверял он, они прекрасно устроятся.

– Послушай, Ичиро, я ужасно голодный. В последний раз я ел в самолете, еще утром.

– Да, ты – большой, тебе надо покушать. Сейчас мы будем проходить небольшой магазин, он работает всю ночь, там что-нибудь купим.

– Я угощаю, и не спорь! У меня есть деньги, – обрадованно предложил Виктор Олегович.

– Я и сам могу оплатить свою еду, сегодня был удачный день, и мне удалось заработать немного денег.

– Ну, это мы посмотрим!

На углу показался небольшой магазинчик «24 часа», сияющий огнями на темной улице. Напоминавший нахохлившегося воробья, дремлющий за стойкой продавец встрепенулся и с удивлением, которое он спросонья не смог скрыть, посмотрел на странную парочку – седовласого великана в немного старомодном сером костюме, в рубашке, при галстукке, и на его компаньона, маленького худосочного бездомного, тележка которого осталась у входа. Однако это было совсем не его, продавца, дело, почему эти двое оказались вместе в его магазине, и он вежливо поздоровался. По совету Ичиро они купили картонные стаканы с быстрорастворимой лапшой и тут же залили ее горячей водой из кулера. Ичиро примостил стаканы в свою тележку и сказал, что пока они дойдут до парка, лапша будет готова.

Парк, а скорее небольшой сквер, был уютным, хотя и темным. Свет фонарей прятался в густой листве огромных деревьев. Друзья по несчастью устроились на скамейке, на этот раз деревянной, и с удовольствием поедали лапшу. Ичиро ловко орудовал палочками, подхватывая лапшу, а бульон отхлебывал прямо из стакана, с шумом втягивая в себя. А Виктор Олегович делал, как он, хотя палочками ел впервые в жизни. Но голод, как говорится, не тетка. Да и лапша оказалась необычайно вкусной, может, самой вкусной, которую он когда-либо ел. После того как они отужинали, Ичиро взял пустые стаканы, аккуратно их сплющил и положил в свою тележку вместе с палочками.

– Я уже говорил тебе, что нас, бездомных, в Японии очень много, – начал свой рассказ Ичиро, помогая себе жестами и иногда вставляя английские слова. – Но правительство нашей страны нас поддерживает. Мы не ворует, не разбойничаем, и нам дают возможность зарабатывать деньги, пусть и небольшие. Каждый день я хожу по городу и собираю бумажки, картонки, бутылки и банки. Ты, наверное, заметил, что здесь нигде нет урн – весь мусор люди забирают домой и там выбрасывают. Однако я знаю места, где урны есть. Также знаю, где есть мусорные контейнеры. Вот из них-то я и выуживаю бумагу, бутылки и банки. Аккуратно собираю, складываю и сдаю в специальные пункты приема, где мне за это дают деньги.

– Как же ты стал бездомным? – спросил Виктор Олегович. – Не родился же ты на улице?

– У каждого японца есть мечта, – продолжал свой рассказ Ичиро. – Это по возможности получить образование, а затем хорошую работу. Потом жениться, родить и воспитать детей и умереть в окружении родных и близких. Но не у всех эта мечта сбывается. Моя вот не сбылась. А причина простая – я потерял работу. Мои родители давно умерли, они были совсем небогатыми людьми и в наследство мне ничего не оставили. У меня была жена, которую я очень любил. Но как только я потерял работу, она от меня ушла. А всех моих сбережений хватило только на то, чтобы оплачивать мою съемную квартиру еще три месяца. Ты не представляешь, какое дорогое в Японии жилье, ведь нас, японцев, так мно-

го, а места мало. За эти месяцы я новую работу не нашел, вот и стал бездомным. А сейчас шансы найти работу нулевые. Ну кто возьмет на работу бездомного? А у тебя, Виктор, есть твоя русская мечта?

– Есть, наверное. Защитить докторскую диссертацию, сделать научное открытие...

– Странные вы, русские, и мечты ваши странные. Твои мечты – это всего лишь успешная карьера. А потом что?

– А потом, наверное, счастливая старость в своем доме, хорошие, любящие дети, внуки...

– Ну, вот это уже близко к нашим мечтам. Только свой дом в Японии есть только у очень богатых, а у очень многих нет вообще никакого жилья. Я часто хожу навестить моих друзей, живущих в парке Осацкого замка. Это самый большой парк в городе, очень красивый и удобный для жизни.

– ...? Для жизни?

– Да, именно так. Такие же изгои, как я, то есть люди, потерявшие работу, строят в парках свои жилища из картонных и пластиковых коробок. Это и есть их дома, в них они живут, готовят пищу на маленьких плитках, стирают, убирают территорию, а некоторые там, в этих жилищах, и заканчивают свой жизненный путь. Это – те, у кого японская мечта не сбылась. Хорошо, что власти не разрушают эти поселения, только следят, чтобы там был порядок. Когда придешь в Осацкий замок, погуляй по парку и посмотри, как живут такие же люди, как я, – те, с кем судьба сыграла злую шутку. Но мы не жалуемся и даже по-своему счастливы. Это – наш мир, и мы стараемся сделать его как можно лучше. Да, мы – бездомные, но мы очень любим Японию, любим наш город Осаку, а наша работа позволяет сделать его еще чище, еще прекрасней.

Неспешно текла беседа с Ичиро. Они разговаривали на странной смеси русского, английского и японского, но прекрасно понимали друг друга. В какой-то момент Виктор Олегович осознал, что все переживания и мелкие трудности ушедшего дня – это ничто по сравнению с перипетиями судьбы его нового друга. Он понял, что небольшой, но собственный дом, славная жена, дети и любимая работа – это настоящее счастье, которое он до сих пор не очень-то ценил. Теперь все будет по-другому...

Его мысли прервал Ичиро:

– Мой русский друг, ночь уже на исходе, нам нужно немного поспать. Что ты думаешь об этой скамейке?

– Что ж, давай попробую!

Виктор Олегович попытался прилечь на узенькую парковую скамейку, но ноги его свешивались, а большое тело на ней никак не умещалось.

– Эх, я ведь сибиряк, не раз в тайге ночевал! Не волнуйся, Ичиро, сейчас устроимся.

Виктор Олегович пошел под деревья и сгреб опавшие листья в большую кучу. Он позвал Ичиро, улегся на землю, положил рядом друга и засыпал их обоих листвой. Так и уснули они, тесно прижавшись друг к другу – русский ученый и японский бездомный, и snились им разные, но приятные сны, в которых исполнялись все их мечты.

Виктора Олеговича разбудило яркое утреннее солнце, лучи которого просвечивали через листву. Он сразу вспомнил все события предыдущего нескончаемого дня и еще более длинной ночи. Однако этим почти летним японским утром все переживания и волнения уже не казались такими ужасными. Жизнь продолжалась, и после ночных бесед со своим новым приятелем она показалась просто прекрасной. Ичиро уже встал и тихо возился в своей тележке.

– Утро доброе! – поздоровался Виктор Олегович. – Надеюсь, ты хорошо выспался в нашей импровизированной постели. Я – так просто отлично!

– Здравствуй, – вежливо поклонился Ичиро. – Пойдем скорее умоемся и приведем себя в порядок, пока в парке еще пусто.

Ичиро повел Виктора Олеговича в парковый туалет, где они умылись, почистили зубы

и даже побрились. Хорошо, что с ним его чемодан, который он так ненавидел накануне. А у Ичиро в тележке было все необходимое для жизни. Кроме зубной щетки и бритвы, там оказалась и одежная щетка, которой он тщательно очистил от листвы и грязи костюм Виктора Олеговича и даже смахнул пыль с его туфель.

– Спасибо, мой друг, – поблагодарил Ичиро Виктор Олегович и по японскому обычаю поклонился. – А сейчас ты не смог бы проводить меня к тому месту, где мы с тобой встретились? Один я дорогу не найду.

Идущие на симпозиум ученые, все в модных костюмах, при галстуках, с удивлением бросали взгляд на двух таких непохожих людей, долго пожимающих друг другу руки, а затем обнимающихся у входа в Конвеншн центр. Один из них, двухметровый седовласый гигант, прижимал к груди маленького худосочного японца, очень бедно, но опрятно одетого, голова которого едва доставала до его плеча, и на глазах у обоих блестели слезы.

А вскоре после этого Виктора Олеговича уже сжимал в объятиях его друг Иван Петрович, который сразу забросал его вопросами:

– Ну куда же ты пропал, Виктор? Ведь ты прилетел вчера! Я целый вечер ждал тебя в гостинице, никуда не пошел, но так и не дождался. Где же ты ночевал? В каком отеле? Ведь у нас с тобой оплачен номер!

– Иван, я постепенно отвечаю тебе на все вопросы, только, пожалуйста, отведи меня в нашу гостиницу, мне надо оставить чемодан, принять душ и переодеться.

Друзья быстро шли вниз по улице, оживленно обсуждая работу, научные планы и рассказывая о своих семьях. Вот они миновали знакомый парк, пересекли дорогу и зашли в здание отеля Вилла Фонтэйн Шинсайбаши, из окон которого можно было разглядеть сквозь густую листву то самое место, где Виктор Олегович провел незабываемую ночь.

– И все-таки, Виктор, в каком отеле ты ночевал? Ты так мне и не сказал, – пытал друга Иван Петрович.

– Да так, в частном секторе. У одного японца, он меня приютил.

– Ну ты даешь! Я много раз бывал в Японии и ни разу не видел здесь бабушек или дедушек с табличками «Сдам комнату», здесь это не принято.

– Однако мне повезло. Мне сдали совершенно бесплатно вон ту скамейку в городском парке. Смотри, ее видно из моего окна!

– ???

* * *

– Ирина, посоветуй, как мне его найти? Я уже весь город обегал, все парки, а Ичиро как в воду канул, – просил меня Виктор Олегович, заканчивая свой удивительный рассказ. – Утром мы простились очень тепло, я чувствовал, что за эту ночь мы стали почти родными. Но, к сожалению, Ичиро я больше не видел. В парк Осацкого замка хожу каждый день, как на работу, вот мой друг Иван Петрович злится. Захожу в поселения бездомных, зову Ичиро. Люди пугаются, забиваются в свои коробки-дома, а я стою там как дурак и зову его, зову...

– Что же вам посоветовать? – удивлялась я. – Симпозиум заканчивается завтра, и мы все улетаем домой. Вы – в Россию, мы с мужем – в Корею. В Осаке живут почти три миллиона жителей, ну как здесь найти человека, да еще бездомного?

Мы сидели за столом в огромном банкетном зале отеля Ринго Роял, того самого, пятизвездочного, где Виктор Олегович безуспешно пытался снять номер. Несколько ученых, говорящих по-русски, приехавших в Осаку из разных стран мира, включая моего супруга и меня, просто жену, собрались за одним столом. Банкет в этом отеле был организован для участников симпозиума с размахом. Девушки в кимоно приветствовали и рассаживали гостей, официанты в белоснежных пиджаках сновали меж столиков, разнося напитки и блюда, обилие и разнообразие которых поражало воображение. Но больше всего меня

поразил рассказ Виктора Олеговича, которого звали, конечно же, иначе, и прилетел он из совсем другого города Сибири. За столом с нами сидел и его друг Иван Петрович, который жаловался, что он уже устал мотаться по городу в поисках какого-то бездомного, вместо того чтобы съездить в знаменитый аквариум Осаки или в город Киото, который совсем рядом.

– Ну как ты не понимаешь, – возмущался Виктор Олегович, – Ичиро приютил меня, накормил, обогрел, я ни с кем уже давно так душевно не разговаривал, я так много узнал и о нем, и о себе. Эта встреча меня всего перевернула. Я обязательно должен его отыскать и пригласить приехать ко мне в гости. У меня свой дом, и жена моя Любаша будет рада. Поживет, осмотрится, я ему найду работу. В Японии скоро наступит зима, как же он будет жить на улице?

– Виктор Олегович, – пыталась вразумить его я, – ну как вы не понимаете, ведь у Ичиро наверняка даже паспорта нет, а еще ему нужна российская виза, и билет на самолет стоит денег. Кроме того, японцы живут только в Японии. Вы когда-нибудь встречали японского гастарбайтера? Да и зима здесь мягкая, теплая, снег бывает редко, это вам не Сибирь!

– Все равно Ичиро будет мерзнуть. Я уже решил: все организую и деньги на билет найду, только бы мне его отыскать! Я должен ему отплатить за гостеприимство, я так хочу ему помочь!

Нашел ли Виктор Олегович своего японского друга? Не знаю, после того памятного банкета мы больше не встречались. Но я очень надеюсь, что нашел. Так хочется, чтобы эта удивительная история имела хороший конец не только для него.

Алевтина ПАСКАРЮК,
учитель русского языка и литературы, лицей им. М. Коцюбинского

Поэтический кружок в школе как средство развития интереса к русской литературе

Существуют ценности, проверенные и утвержденные веками человеческого существования. Это духовные ценности, воплощающие человеческие идеалы. Художественная литература, безусловно, воссоздает весь мир ценностей, является своеобразной сокровищницей нравственности человечества. И особое место в этой сокровищнице занимает русская литература.

Традиционно формирование нравственных качеств всегда было прерогативой уроков русской литературы. Николай Константинович Рерих написал в начале XX столетия слова, которые удивительно актуально звучат сегодня: «Да, да, именно о культуре нужно думать во все времена жизни, и в самые тяжелые. Во всех условиях нужно хранить то, чем жив дух человеческий. Для того же, чтобы хранить, нужно знать это сокровище, а для знания нужно изучать». Не секрет, что современная молодежь, как это крамольно ни звучало бы, не любит читать. В век бурного развития новых информационных технологий книге трудно выдержать конкуренцию с компьютерами, с развлекательными телешоу, дискотеками... Весьма сложно учителю литературы проводить урок, если не удалось добиться чтения школьниками программных произведений. Невозможными становятся полноценное восприятие и анализ художественного текста, проблематичным представляется развитие творческого мышления детей. А ведь в каждом ребенке заложены творческие возможности, но они подчас не реализуются или реализуются не полностью. Именно нереализованные задатки часто приводят к нравственному, психологическому и социальному искажению личности. Школьный поэтический кружок и может стать средством развития интереса к литературе, к восприятию художественных произведений, обращаясь к сфере эмоций и творческого воображения, способствовать духовному развитию детей, учить их творчески мыслить.

Поэзия играет важную роль в формировании духовно богатой, гармонично развитой личности. Чтобы не вышел из школы читатель, который так и не понял, «чем жив дух человеческий», и нужен такой кружок. Именно здесь решаются две взаимосвязанные проблемы: нравственное воспитание учащихся и их литературное развитие.

На занятиях кружка дети приобретают практические навыки стихосложения, учатся передавать свои мысли, чувства, переживания, отстаивать свою авторскую позицию, выразительно

читать стихотворения, соблюдать нормы литературного произношения. Они учатся самостоятельно производить целостный анализ поэтического произведения, видеть слово в контексте, постигать идею стихотворения, осваивают различные аспекты поэтического мастерства.

Чтобы сохранить и углубить возникший у ребят интерес к слову, педагог должен продумать, в первую очередь, тематику занятий. Примерное тематическое содержание занятий школьного поэтического кружка для старшеклассников на первое полугодие может быть таким:

СЕНТЯБРЬ.

1. «И пальцы просятся к перу, перо – к бумаге...» Знакомство, презентация программы, конкурс проектов названия кружка, утверждение плана. Поэтическая пятиминутка.

2. «Чувства добрые я лирой пробуждал...» Беседа о назначении поэта и поэзии, о русском поэтическом мире Молдовы, презентация творчества любимого поэта. Поэтическая разминка.

3. «И рифмы в голове волнуются в отваге...». Типы и способы рифмовки. Поэтическая разминка.

4. «Я знаю силу слов». Лингвистический анализ стихотворений.

ОКТАБРЬ

5. «Загадки художественного текста». Изобразительно-выразительные средства поэтического языка. Поэтическая разминка.

6. «Прекрасный наш язык способен ко всему». Сопоставление произведений разных авторов на одну и ту же тему. А. А. Ахматова и И.Ф. Анненский. «Любовь». Конкурс стихотворений собственного сочинения на заданную тему.

7. «Жизнь языка» в поэтическом тексте. Лингвистический анализ стихотворения Н.М. Языкова «Вечер». Лирическая пятиминутка.

8. Знакомство с литературной критикой. Практикум.

НОЯБРЬ

9. Литературный диспут. «Наука – это мы, искусство – это я». «Совесь, Благодородство и Достоинство – вот оно, святое наше воинство».

10. «Все есть слова – для каждой сути». Идея стихотворения, ассоциация, символика цвета, радуга созвучий, музыкальность строки. Мастер-класс по стихосложению.

11. «В муках и пытках рождается слово». Модернизм в поэзии и живописи. Литературная презентация. Поэтическая разминка.

12. Участие в общешкольном конкурсе изящной словесности «Любимые строки» в рамках Недели русского языка, в номинации «Проба пера».

ДЕКАБРЬ

13. «О, засмейтесь, смехачи». Поэзия и музыка. Творческие эксперименты со словом поэтов-футуристов И. Северянина, В. Хлебникова, В. Маяковского. Конкурс стихотворений.

14. «Друзья мои, прекрасен наш союз». Круглый стол. Встреча с молодыми поэтами, журналистами, редактором. Диспут. Чтение стихотворений.

15. Конкурс новогодних поздравлений, посланий, сценариев праздника. Поэтическая дуэль.

16. «Ты всегда ожидание чуда, потому-то ты и поэзия». Посещение театра одного актера, прослушивание мастеров слова с последующим обсуждением.

Участие в поэтическом кружке носит добровольный характер, поэтому формы и методы работы должны быть разнообразными, вопросы и проблемы, предложенные учащимся, носить такой характер, в решении которых проявляются активность и индивидуальность школьников. Например, на занятии кружка, посвященном знакомству с творческими словесными экспериментами поэтов-футуристов, ребята получили задание мысленно перенестись в поэтическое кафе «Стойло Пегаса» или «Бродячая собака» начала XX века и выступить там со своим манифестом или стихотворением, удивив завсегдатаев. Вот что у них получилось:

По тополю, вверх устремленному,
Разбросанному везде,
Взбирались мы, умалишенные,
К далекой горячей звезде.

Путь Млечный сгущенным трепетом
Манил. Так хотелось пройти
По этому поэтом воспетому,
Непройденному пути.

Увы! Нам, романтикам алчущим,
Был нужен выше карниз!
Грустно по ивам плачущим
Слезами падали вниз.

Степанчук О., 11-й класс.

Как вспышка плаксивой акации
По черепице проплыла
Зараза, угрожая пальцем,
Прокручивая граммофон
С заунывными фразами
Вневременными Вертинского.
Зола! Кругом серые мыши,
Смотрящие на мир через
Клавиатурные клавиши,
Летающие на воздушном шаре
В галактики незримых планет,
Где солнце лишь мороз нам дарит,
Светлая луна шлет привет
Прощальный, отчаянно-траурный.

Якубаш А., 11-й класс.

У ребят, посещающих занятия поэтического кружка, формируется интерес к предмету, воспитывается языковое чутье, развиваются творческие способности. Хорошо, если есть возможность напечатать свое стихотворение в газете или журнале. Человеку нужен успех. Степень успешности во многом определяет наше самочувствие, отношение к миру, желание работать, познавать. Сделайте процесс восхождения по ступеням познания творческим и успешным – и перед вами будут благодарные и достойные ученики.

Школа – маленькая модель большого мира, и от учителя во многом зависит, каким предстанет этот мир перед его учениками.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46